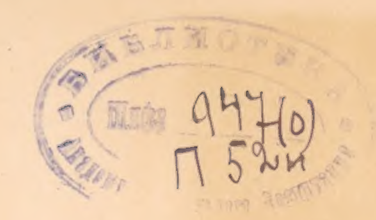
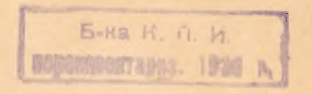

947
П 52и

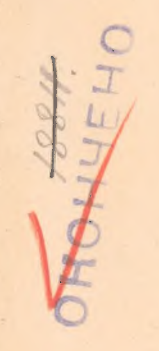

Историко-Культурный Атласъ

по русской исторіи,

составленный Н. Д. ПОЛОНСКОЙ,

подъ редакціей

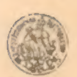
профессора М. В. Довнаръ-Запольскаго.

Изданіе В. С. Кульженко.

КІЕВЪ.

Типографія С. В. Кульженко, Пушкинская улица, собственный домъ № 4-й.

1913.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Исторія, какъ предметъ преподаванія, является многообразнымъ педагогическимъ и образовательнымъ матеріаломъ, независимо отъ разряда школы и возраста учащагося. Идея закономѣрности историческаго процесса, проникающая преподаваніе и логически развиваемая, какъ безконечно развертывающаяся цѣпь событій, звенья которой логически вытекаютъ одно изъ другого, даетъ прекрасное орудіе для развитія ума учащихся, для развитія мыслительнаго процесса. Такое же назначеніе имѣетъ изученіе отдѣльныхъ историческихъ моментовъ въ цѣляхъ уясненія причинности совершавшихся событій, или въ цѣляхъ изученія значенія того или другого историческаго образа.

Знакомство съ постепеннымъ развитіемъ соціальныхъ и государственныхъ формъ жизни народа впервые, среди другихъ предметовъ преподаванія, внѣдряетъ въ представленіе учащихся понятія о гражданскомъ и государственномъ строѣ, и въ этомъ смыслѣ исторія по самому существу является такимъ предметомъ, который раскрываетъ передъ учащимися элементарныя понятія о государственномъ правѣ, объ экономической жизни народовъ, впервые опредѣляетъ его міровоззрѣнія.

Наконецъ, образы прошлаго привлекаютъ наше воображеніе, развиваютъ его, они даютъ выводы для заключеній моральнаго свойства.

Нельзя не признать и того, что историческіе факты представляютъ собою рядъ свѣдѣній, составляющихъ необходимый кругъ знаній всякаго образованнаго человѣка.

Но исторія родной страны осложняется однимъ весьма существеннымъ обстоятельствомъ. Для учащагося недостаточно знать и понимать исторію родного народа, необходимо нѣчто большее: необходимо, чтобы учащійся проникся любовью къ родной странѣ, къ ея исторіи, такъ сказать, сроднился съ нею. Это не значитъ, что исторія родного народа должна быть представляема для этой цѣли въ особо розовыхъ очертаніяхъ, въ пріукрашенномъ видѣ. Нѣтъ, гражданинъ долженъ любить родное прошлое независимо отъ того, какъ онъ себѣ его представляетъ—въ отдѣльныхъ моментахъ развитія, или въ общемъ историческомъ ходѣ; представленіе можетъ быть положительнымъ или отрицательнымъ, но безспорно намъ свойственно любить какъ то, такъ и другое: мы съ одинаковой теплотою можемъ относиться какъ къ недостаткамъ нашего прошлаго, такъ и къ моментамъ великаго подъема народнаго духа.

Но для того, чтобы такъ полюбить родную исторію, чтобы сознать ее въ своемъ умѣ, въ воображеніи, необходимо не только знакомство съ разсказомъ о прошломъ съ объясненіемъ его, для этой цѣли недостаточно даже знакомство съ литературными памятниками. Думается, необходимо долженъ быть привлекаемъ и еще одинъ историческій матеріалъ, знакомство съ которымъ даетъ намъ понятіе о многихъ сторонахъ облика жизни нашихъ предковъ. Мы имѣемъ въ виду вещественные памятники старины. Позволимъ себѣ привести одно замѣчаніе автора этого Атласа, сказанное имъ въ другой статьѣ и по другому поводу: „Характеръ человѣка ярче всего отражается въ его частномъ быту, въ тѣхъ тысячахъ мелочей, которыми онъ обставляетъ свою каждодневную жизнь, въ его обрядахъ, вѣрованіяхъ, забавахъ и т. д., словомъ, въ той обстановкѣ, которую онъ создаетъ себѣ. „Покажите только горшки, выдѣланные какимъ ни есть народомъ, и тогда можно сказать вообще, каковъ этотъ народъ и на какой степени цивилизаціи онъ стоитъ", говоритъ одинъ изслѣдователь. Нельзя не признать въ его словахъ долю преувеличенія, но совокупность предметовъ, составляющихъ обиходъ человѣка, какъ внѣшняя рамка, въ которой онъ дѣйствовалъ, несомнѣнно поможетъ уяснить весь строй жизни, представить отчетливѣе, какъ культурную эволюцію, такъ и ходъ внѣшнихъ событій его жизни. И тогда предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ оживетъ далекое прошлое, станетъ близкимъ и понятнымъ, а смутныя фигуры дѣятелей эпохи встанутъ и облекутся плотью и кровью...."

Видъ развалинъ стараго замка въ сильнѣйшей мѣрѣ дополняетъ наше пониманіе средневѣковой старины, приближаетъ къ нашему пониманію обликъ средневѣкового рыцаря. Точно также и видъ древняго монастыря, икона письма Андрея Рублева и т. п. забытки родной старины сближаютъ насъ съ прошлымъ, сродняютъ насъ съ нимъ. Тотъ не любитъ родного прошлаго, кто не способенъ чувствовать его, чье сердце не охватываетъ особый благоговѣйный трепетъ при входѣ подъ вѣковые своды стариннаго монастыря, при взглядѣ на древнія фрески, чье воображеніе при видѣ старины не способно мысленно перенестись въ далекое прошлое, почувствовать его.

И—думается—помочь развитію этого естественнаго въ каждомъ человѣкѣ чувства въ сильнѣйшей мѣрѣ должно бы собраніе снимковъ родной старины. Пусть предъ нами старина предстанетъ въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ. Эти снимки способны пріучить насъ разбираться въ старинныхъ памятникахъ, возбудятъ интересъ видѣть ихъ въ натурѣ, помогутъ развитію интереса къ развалинамъ старины.

Правда, съ точки зрѣнія методологической, можетъ быть подвергнутъ сомнѣнію основной принципъ настоящаго Атласа: учащемуся предлагаются снимки старины вмѣсто художественнаго ея воспроизведенія. Тутъ дѣло взгляда. Но думается, что проводимый настоящею книгою взглядъ имѣетъ право на существованіе и на его примѣненіе въ жизни школы. Безспорно, картина Васнецова, изображающая бытъ человѣка каменнаго вѣка, прекрасна. Но спрашивается, можетъ ли она во всѣхъ отношеніяхъ замѣнить тотъ матеріалъ, на основаніи котораго она сама

создана? Едва ли. Давая картину жизни первобытнаго человѣка въ готовомъ видѣ, она лишаетъ созерцающаго ее прекрасныхъ условій проявить собственную работу ума и воображенія надъ самостоятельнымъ возсозданіемъ основъ былой культуры; далѣе, она устраняетъ возможность показать, какъ возсоздается картина прошлаго на основаніи бытового матеріала и т. п. Можно бы привести много другихъ соображеній, но удовольствуемся вышесказаннымъ, ибо настоящія замѣчанія не претендуютъ быть этюдомъ по методологіи преподаванія. Обращу только вниманіе еще на одно обстоятельство: не слѣдуетъ забывать о томъ, можно сказать, инстиктивномъ интересѣ, который проявляетъ дѣтство и юность къ старинѣ. Внимательный наблюдатель можетъ всегда видѣть, что въ дѣтскомъ возрастѣ предметъ старины, при должномъ разъясненіи его значенія, особенно рельефно врѣзывается въ память учащагося, проникаетъ въ его сознаніе, дѣйствуетъ на его воображеніе. Эту сторону полезно и должно развивать. Въ ней лежитъ залогъ еще одного чувства, которое, къ сожалѣнію, столь слабо развито въ русскомъ интеллигентномъ человѣкѣ. Всякій изъ насъ могъ наблюдать, съ какою любовью относятся иностранцы къ старинѣ, поддерживая ее. Отчасти въ силу привычки, отчасти изъ уваженія къ старинѣ, въ Германіи или въ Италіи можно встрѣтить сохранившіеся въ значительной мѣрѣ средневѣковые города, не говоря о замкахъ, церквахъ и проч. Къ глубокому сожалѣнію, въ русскомъ обществѣ до сихъ поръ господствуетъ, можно сказать, отрицательное отношеніе къ старинѣ: уничтоженіе ея, случайное или преднамѣренное, идетъ даже и въ настоящее время, мало еще встрѣчая возраженій въ средѣ общества, или въ средѣ соотвѣтствующихъ учрежденій. Такое отношеніе къ старинѣ поддерживается нашимъ незнаніемъ ее, нашимъ незнакомствомъ съ ней, непониманіемъ ея значенія. Быть можетъ, внѣдряемый съ дѣтства и юности интересъ къ памятникамъ старины возбудитъ и въ нашемъ обществѣ стремленіе сохранять ее.

Вотъ тѣ мысли, которыя объединили и автора и редактора этой книги и побудили ихъ заняться составленіемъ и изданіемъ Атласа.

Проф. М. Довнаръ-Запольскій.

ОТЪ АВТОРА.

Выпуская первую часть Историко-Культурнаго Атласа, приношу мою глубокую благодарность профессору Митрофану Викторовичу Довнаръ-Запольскому, принявшему на себя трудъ редактированія Атласа. Вмѣстѣ съ тѣмъ я считаю моимъ долгомъ выразить искреннюю благодарность И. Ф. Барщевскому, Н. И. Булычеву, проф. В. А. Городцову, проф. М. Грушевскому, проф. В. З. Завитневичу, В. Е. Козловской, академику Н. П. Кондакову, Ф. А. Колодѣй, А. П. Новицкому, академику В. В. Суслову, графу И. И. Толстому, графинѣ П. С. Уваровой, проф. А. И. Успенскому, Б. И. Ханенко и В. В. Хвойко, оказавшимъ мнѣ большую помощь своими совѣтами и указаніями, а также разрѣшеніемъ воспроизводить въ Атласѣ рисунки, помѣщенные въ ихъ сочиненіяхъ, и предоставлявшихъ мнѣ для этой цѣли свои коллекціи фотографій и рисунковъ. Сверхъ того, приношу искреннюю благодарность О. Ф. Терешкевичъ и прив.-доц. В. Н. Хитрово, которыми было исполнено не мало фотографій для Атласа, а также редакціи журнала „Старые Годы" и издателямъ: А. И. Вильборгъ, И. Кнебель, И. Д. Сытину и товариществу „Образованіе", разрѣшившимъ мнѣ воспользоваться для перепечатки рисунками, помѣщенными въ изданіяхъ: „Старые Годы", „Невскій Проспектъ", „Исторія русскаго искусства", „Великая Реформа", „Война 1812 г." и „Москва въ прошломъ и настоящемъ".

Сознавая, что въ настоящемъ изданіи читатель найдетъ не мало недостатковъ, я обращаюсь съ просьбой ко всѣмъ лицамъ, замѣтившимъ тѣ или иныя ошибки, пробѣлы и т. д., не отказать подѣлиться со мной своимъ опытомъ и знаніями. Всякое замѣчаніе, или указаніе будутъ встрѣчены мной съ глубокой признательностью и будутъ приняты во вниманіе при слѣдующемъ изданіи, если оно окажется нужнымъ.

Н. Полонская.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Благовѣрныи :
ихтолюбивыи и
освѧщеныи еппъ :
диѿнисии · первоѥ
болшимь бы долженъ ·

КАМЕННАЯ КУЛЬТУРА.

ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. (Табл. I).

Большая часть пространства, занятаго теперешней Россіей, къ сѣверу отъ губерній Кіевской Полтавской и Харьковской были покрыты въ отдаленныя времена сплошными льдами. Климатъ въ это время былъ очень холодный, такъ что ни животныя, ни человѣкъ не могли въ немъ жить. Но постепенно становилось все теплѣе, массы льда начали таять и отступать на сѣверъ. Вслѣдствіе таянія льдовъ разлились могучія и полноводныя рѣки, роскошныя пастбища покрыли ихъ берега и густые дѣвственные лѣса стали подниматься на насыщенной влагой почвѣ. Вся природа ожила, какъ оживаетъ она весной; многочисленныя породы птицъ и звѣрей наполнили лѣса и луга, рыбы населили воды рѣкъ и озеръ, яркокрылыя бабочки зарѣяли въ воздухѣ. Животныя, населявшія эти лѣса и луга, большею частью не уцѣлѣли до нашихъ дней — это было колоссальные мамонты, пещерные львы, пещерные медвѣди, первобытные быки или туры, особый видъ носороговъ, олени съ гигантскими рогами, сѣверные олени, зубры. Нѣкоторыя изъ этихъ породъ совершенно вымерли, другія переселились дальше къ сѣверу. Растительность тоже отличалась отъ современной— въ лѣсахъ росли пальмовидныя деревья, кипарисы, первобытные кедры, которыхъ теперь здѣсь нѣтъ. Въ то же время появляется и человѣкъ.

Долгое время ученые не могли опредѣлить, былъ ли въ это время человѣкъ, но въ послѣднее время во многихъ мѣстахъ были найдены глубоко въ землѣ каменныя орудія, обдѣланныя человѣческой рукой, лежащія вмѣстѣ съ костями перечисленныхъ животныхъ, что безспорно доказываетъ одновременное съ ними существованіе человѣка *).

Человѣкъ того времени мало походилъ на современнаго: живя постоянно среди дикихъ звѣрей, онъ долженъ былъ умѣть бороться съ ними и былъ, вѣроятно, гораздо болѣе сильнымъ и ловкимъ, чѣмъ люди нашего времени. Зато духовныя способности въ немъ были развиты слабо, и самое большее, что мы можемъ предполагать въ немъ, такъ это даръ рѣчи. Онъ не умѣлъ строить жилищъ и, какъ дикій звѣрь, прятался въ естественныхъ пещерахъ отъ непогоды. Ему была чужда какая бы то ни была религія: первое, чему учитъ религія—это относиться съ уваженіемъ къ покойникамъ и хоронить ихъ по извѣстному обряду, но отъ этой поры не сохранилось никакихъ погребеній. Не зналъ онъ и государства, но въ минуту опасности, вѣроятно, собиралась толпа и дѣйствовала общими силами: только такимъ способомъ могъ человѣкъ справиться, напримѣръ, съ громаднымъ мамонтомъ. Вѣроятно, крупнаго звѣря загоняли въ болота или ловушки, и когда онъ вы-

*) Наиболѣе крупное значеніе въ наукѣ имѣютъ находки, сдѣланныя въ селѣ Гонцахъ Полт. губ., въ с. Карачаровѣ, Влад. губ. и особенно на Кирилловск. ул. въ г. Кіевѣ. Въ послѣднемъ мѣстѣ обнаружены слѣды долговременнаго пребыванія человѣка, который здѣсь питался и изготовлялъ орудія: здѣсь найдены бивни мамонта съ рисункомъ (17).

бивался изъ силъ, добивали его и съѣдали на мѣстѣ. Въ древнѣйшія времена палеолитическій человѣкъ, вѣроятно, не зналъ еще огня и съѣдалъ мясо сырымъ, но позже онъ научился добывать огонь и поджаривалъ мясо на угольяхъ. Костный мозгъ служилъ лакомствомъ, такъ какъ большею частью кости расколоты. Первобытный человѣкъ не зналъ еще употребленія металловъ и всѣ нужныя орудія дѣлалъ изъ костей животныхъ и камня, почему эта пора называется *каменнымъ вѣкомъ*. Дѣлать орудія изъ камня было не легко—приходилось съ помощью камней же откалывать отъ большихъ камней небольшіе куски, которымъ новыми ударами камня придавалась нужная форма. Судя по тому способу, какимъ человѣкъ обрабатывалъ орудія, каменный вѣкъ раздѣляется на два большихъ періода: *палеолитическій, или древне-каменный, и неолитическій, или ново-каменный* *).

Палеолитическій періодъ характеризуется тѣмъ, что человѣкъ изготовлялъ орудія только помощью рѣзкихъ и сильныхъ ударовъ камнемъ о камень, и потомъ рядомъ менѣе сильныхъ ударовъ подправлялъ орудіе и придавалъ ему желательный видъ (рис. 1). Матеріаломъ для него служилъ, главнымъ образомъ, кремень, такъ какъ онъ сравнительно мягокъ и хорошо поддается отбиванію.

Такимъ способомъ приготовлялъ онъ крѣпкія орудія, служившія ему какъ бы *топоромъ* (2), длинные съ тонкими краями *скребки* (3, 4, 5), которыми соскабливалъ кожу съ животнаго, а также и кору съ деревьевъ, *ножи* съ острыми краями для разрѣзыванія пищи (6 и 7). Съ помощью надавливаній на тонкій край онъ могъ получить на немъ рядъ выщербокъ, то есть *пилу* (8). Кромѣ того, онъ научился изъ острыхъ осколковъ камня дѣлать наконечники (9, 10 и 11), которые насаживались на древки, и такимъ образомъ получалось *копье*.

Помимо камня, человѣкъ пользовался костью, которая гораздо легче поддавалась обработкѣ. Обточивъ немного одинъ изъ бивней мамонта, съ одного конца, онъ могъ получить орудіе вродѣ *палицы* (12) чтобы отбиваться отъ дикаго звѣря, или иного врага. Изъ костей же онъ дѣлалъ крючки и гарпуны для ловли рыбы (13 и 14).

Нужно предполагать, что, несмотря на всю грубость, первобытный человѣкъ уже имѣлъ нѣкоторыя эстетическія потребности, въ душѣ его уже пробуждалось чувство красоты, и онъ старался удовлетворить эту потребность, какъ умѣлъ. Такъ, онъ съ помощью какихъ то острыхъ орудій; быть можетъ, осколковъ камня, украшалъ нарѣзками бивни мамонта. Въ высшей степени интересны эти узоры (15, 16 и 17). напоминающіе дѣтское рисованіе). Кромѣ того, онъ просверливалъ когти и зубы звѣрей и носилъ ихъ какъ бусы (18). До сверленія камня онъ еще не дошелъ, не умѣлъ онъ также дѣлать сосуды изъ глины, и ему ихъ замѣняли черепныя кости. Не зналъ онъ также употребленія растеній для сученія нитокъ и пряжи, и одеждой ему служили кожи животныхъ, которыя онъ сшивалъ съ помощью костяной иглы (19—21), длинными жилами тѣхъ же животныхъ.

НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА. (Табл. II).

Слѣдующая пора каменнаго вѣка, *неолитическая*, характеризуется болѣе высокой степенью развитія человѣка. Весь бытъ неолитическаго человѣка значительно разнится отъ жизни его палеолитическаго предшественника. Конечно, такая перемѣна произошла не сразу, и потребовалось много времени, раньше чѣмъ человѣкъ научился *полировать* и *сверлить* камень и выдѣлывать сосуды изъ глины: вотъ эти главные признаки и отличаютъ неолитическаго человѣка отъ палеолитическаго.

Неолитическій человѣкъ не довольствовался больше для жилья естественными *пещерами* (рис. 1), но съ помощью орудій расширялъ ихъ и устраивалъ въ нихъ очаги. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ

*) Эти названія происходятъ отъ греческихъ словъ: „литосъ" — камень, и „палео" — древній и „нео"— новый.

научился рыть землянки, часть которыхъ была углублена въ землю, а часть возвышалась надъ поверхностью въ видѣ шалаша.

Еще болѣе сложнымъ сооруженіемъ были *свайныя постройки*, которыя человѣкъ возводилъ среди болотъ и озеръ: для этого въ дно вбивались сваи, на которыхъ дѣлался помостъ, а на помостѣ строилась хижина (2). Такимъ образомъ вода ограждала отъ нападенія дикихъ звѣрей *). Конечно, такія сложныя постройки могли появиться очень поздно: уже въ концѣ каменнаго вѣка. Вмѣстѣ съ тѣмъ теперь человѣкъ старается укрѣпить свои жилища на случай нападенія и строитъ земляныя укрѣпленія, или *городища*, въ видѣ высокаго земляного вала, большей частью пользуясь для этой цѣли выдающимся надъ рѣкою мысомъ.

Въ бытѣ человѣка замѣчается большая перемѣна—онъ успѣлъ уже приручить дикихъ животныхъ, козу, овцу, свинью, собаку, корову, и научился добывать зерна, которыя размалываетъ при помощи круглаго камня на большомъ плоскомъ камнѣ (3). Изъ шерсти звѣрей и стеблей растеній онъ научился приготовлять веревки и нитки, изъ которыхъ ткетъ матерію. Вѣроятно, ткацкій станокъ неолитическаго человѣка мало отличался отъ тѣхъ, которые и теперь еще употребляютъ некультурные народы, (4 **). Изъ веревокъ онъ дѣлалъ сѣти для ловли рыбы. Теперь онъ продолжаетъ пользоваться каменными орудіями, но техника изготовленія ихъ измѣняется, — человѣкъ научается полировать и шлифовать поверхность орудія посредствомъ продолжительнаго тренія мокрымъ пескомъ, а вращая долгое время въ этомъ пескѣ полую кость или вѣтку твердаго дерева, ему удавалось просверлить камень насквозь. Благодаря этимъ пріемамъ, орудія дѣлаются гораздо удобнѣе, ихъ можно прикрѣплять къ рукояткѣ, даже надѣвать на нее. Разнообразится и форма орудій — появляются *топоры* (5 и 6), *молоты* (7 и 8), *мотыки* (9), *долота* (10) и такъ далѣе. Съ помощью мелкихъ ударовъ онъ выдѣлывалъ *наконечники* копій и дротиковъ, которые металъ отъ руки (11 и 12), а также и маленькія *стрѣлки* (13 — 17), которыя насаживалъ на древки. Умѣя дѣлать веревки, ему не трудно было смастерить лукъ. Кромѣ того, онъ дѣлалъ изъ камня просверленныя *грузила* (18), которыя навѣшивались на концы волоконъ при тканьѣ, а также и на сѣти, чтобы не дать имъ всплывать на поверхность воды, и маленькія колечки — *пряслицы* (19 — 20), надѣвавшіяся на конецъ веретена, для приданія ему устойчивости.

Но особенно важное значеніе имѣло открытіе *гончарнаго* искусства; научившись лѣпить сосуды изъ глины, человѣкъ не сразу овладѣлъ этой техникой и не сразу додумался, что ихъ слѣдуетъ обжигать, и потому древнѣйшіе сосуды были не прочны, плохо обожжены. Сдѣланы они изъ плохой глины, съ примѣсью камешковъ, дресвы, глина плохо размѣшана, стѣнки грубы, неровны. Но позже появляются уже хорошо выдѣланные сосуды, съ выглаженными и снаружи и внутри стѣнками. Форма сосудовъ разнообразна -- есть большіе, съ ушками по краю для подвѣшиванія, горшки, съуживающіеся книзу (21 — 22), почти прямыя крынки (23). Очень рано, раньше чѣмъ научиться хорошо выдѣлывать глину, человѣкъ сталъ украшать посуду орнаментами: первыми узорами были, вѣроятно, черточки, проведенныя ногтемъ, палочкой, потомъ—линіи, отпечатокъ, оставленный на сырой глинѣ веревочкой. Встрѣчается даже лѣпной орнаментъ и штампованный (24), Изъ глины же выдѣлывались грузила и пряслицы.

Неолитическій человѣкъ продолжалъ употреблять и костяныя издѣлія — шила, иглы, ножи, рыболовные крючки и т. д.

Еще болѣе, чѣмъ его предшественникъ, онъ чувствуетъ потребность къ красотѣ — украшаетъ узорами сосуды, орудія, носитъ множество бусъ изъ камня и глины, а также просверленные зубы и когти звѣрей. Кромѣ того, въ этотъ періодъ встрѣчаются уже первые зачатки скульптуры въ видѣ глиняныхъ статуэтокъ человѣка, или рѣзныхъ изъ кости изображеній животныхъ (25). По сравненію съ палеолитическимъ, неолитическій человѣкъ ушелъ далеко впередъ и въ томъ отношеніи, что теперь онъ имѣетъ какую то религію и обряды—онъ не бросаетъ своихъ покойниковъ, но погребаетъ ихъ по сложному ритуалу. Это указываетъ на вѣру въ загробную жизнь, которая рисовалась ему въ чисто матеріальныхъ образахъ, и потому покойникъ всегда сопровождался въ загробный міръ всѣми вещами, къ которымъ онъ привыкъ въ земной жизни,—оружіе, украшенія,

*) Представлено свайное жилище Швейцаріи.

**) Станокъ, употреблявшійся на Фарерскихъ островахъ.

посуда съ пищей,—все это погребалось съ нимъ. Обрядъ погребенія былъ различенъ — иногда покойника сжигали, чтобы вмѣстѣ съ дымомъ костра его душа летѣла на небо, а прахъ помѣщали въ сосудъ и хоронили; иногда же погребали несожженный трупъ, и засыпали его красной краской, такъ какъ красный цвѣтъ напоминалъ огонь. Вмѣстѣ съ тѣмъ неолитическій человѣкъ ушелъ далеко впередъ и въ томъ отношеніи, что теперь онъ не живетъ особнякомъ, но входитъ въ сношенія съ людьми, живущими въ другимъ мѣстахъ, и не довольствуется тѣмъ, что можетъ произвести самъ. Онъ вступаетъ въ торговыя сношенія, вымѣнивая свои издѣлія на произведенія другихъ странъ—такъ, въ Кіевѣ, напримѣръ, встрѣчаемъ издѣлія изъ янтаря, добывавшагося на берегахъ Балтійскаго моря, а пряслицы изъ краснаго шифера, добывавшагося въ Волынской губерніи,— находимъ на сѣверѣ Россіи.

ТРИПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА. (Табл. III).

Особое мѣсто среди неолитической культуры занимаетъ такъ называемая *трипольская культура*. Названіе это произошло отъ мѣстечка Триполья, Кіевской губ., гдѣ были сдѣланы наиболѣе интересныя находки ея. Она встрѣчается во многихъ мѣстахъ южной Россіи, а также на Балканскомъ полуостровѣ, причемъ въ Россіи находки ея носятъ болѣе древній характеръ. Въ ней преобладаютъ издѣлія изъ глины, встрѣчаются, но въ меньшемъ количествѣ, каменныя орудія и почти нѣтъ металлическихъ, такъ что трипольскую культуру слѣдуетъ считать разновидностью неолитической, но поздней, стоящей на самой грани перехода къ металлической культурѣ.

Человѣкъ въ эту пору жилъ въ небольшихъ *землянкахъ*, овальной или четырехъугольной формы, вѣроятно, огороженныхъ плетнемъ, обмазаннымъ глиной. Въ землянки вели сходы изъ нѣсколькихъ ступенекъ, въ каждой землянкѣ былъ очагъ, сложенный изъ камней, или же печь, сдѣланная въ видѣ ниши въ стѣнѣ. Недалеко отъ такихъ землянокъ находились глинобитныя сооруженія въ видѣ ямы круглой, крестообразной, или продолговатой формы, окруженной стѣнками изъ хвороста, обмазаннаго глиной. Вѣроятно, изъ хвороста дѣлалась и крыша. Полъ тоже обмазывался глиной. И стѣны, и полъ обжигались, бѣлились и раскрашивались красной, бѣлой и сѣрой краской. Внутри устраивалось возвышеніе изъ глины, или же прямо на полу раскладывался костеръ (рис. 1). На полу находятъ въ большомъ количествѣ глиняные сосуды, кости животныхъ, кремневыя полированныя орудія, глиняныя статуэтки, костяныя издѣлія, рѣдко - металлическіе топорики, иногда человѣческія кости—или въ видѣ цѣлаго скелета, а чаще пережженныя, сложенныя въ урну. Такія сооруженія не стоятъ одиноко, а обычно расположены по линіи круга, въ нѣсколько рядовъ. До сихъ поръ еще не ясно, какое было ихъ назначеніе,—служили ли они мѣстомъ жертвоприношенія, или же были погребеніями, во всякомъ случаѣ они указываютъ на болѣе высокую стадію культуры.

Какъ въ этихъ сооруженіяхъ, такъ и въ землянкахъ находятъ каменныя орудія очень хорошей работы—топоры, наконечники копій, стрѣлъ, ножи, скребки. Но больше всего встрѣчается издѣлій изъ глины; въ этомъ искусствѣ человѣкъ достигъ высокой степени совершенства. Онъ научился дѣлать сосуды съ тонкими стѣнками, гладкими и блестящими, безъ помощи гончарнаго круга, причемъ придавалъ имъ самую разнообразную форму. Интересны размѣры сосудовъ — отъ миніатюрныхъ, точно игрушечныхъ, до громадныхъ. Были сосуды въ видѣ горшка, расходящагося кверху (2) въ видѣ миски съ перехваченными стѣнками (3), въ видѣ разлатой миски (4), обыкновеннаго кувшина съ ручкой (5), или современной тарелки (6). Встрѣчаются очень оригинальные сосуды безъ дна, расширяющіеся книзу и кверху (7), а также и такіе же, но двойные, въ видѣ бинокля, назначеніе которыхъ неясно (8). Были сосуды на ножкахъ, и съ ушками для подвѣшиванія, но большинство имѣло плоское дно. Сосуды эти очень оригинально украшались: выпуклыми орнаментами, среди которыхъ встрѣчаются части лица, головки дикихъ козъ, клювы птицъ, и т. д., рѣзными узорами или же расписывались красками. Рѣзные узоры носятъ характеръ геометрическихъ фигуръ, особенно часто встрѣчается спираль (9); есть прямыя линіи, круги. Расписывались сосуды большею частью въ двѣ краски — то есть фонъ покрывался одной краской, а рисунокъ наводился другой, но встрѣчается роспись и въ нѣсколько цвѣтовъ. Рисунокъ обыкновенно брался

такой же, какъ и для рѣзныхъ орнаментовъ; встрѣчается и такой способъ орнаментировать сосуды, что рѣзной рисунокъ заполняется бѣлой краской. Были и очень интересныя попытки изобразить человѣка и животныхъ (10).

Среди глиняныхъ издѣлій трипольской культуры въ высшей степени оригинальны зачатки скульптуры: мы видимъ множество статуэтокъ, вылѣпленныхъ изъ глины, — многія изъ нихъ сдѣланы настолько грубо, что трудно узнать въ нихъ человѣка, при чемъ лицо болѣе похоже на клювъ кобчика (11) но встрѣчаются и болѣе удачно сдѣланныя фигурки мужчинъ и женщинъ (12—13). Среди нихъ обращаютъ вниманіе фигурки въ видѣ креста (14). На нѣкоторыхъ замѣтно стремленіе къ реализму—отдѣлка волосъ, одежды

Благодаря статуэткамъ и росписи сосудовъ, мы можемъ представить въ общихъ чертахъ костюмъ человѣка — онъ состоялъ изъ короткой или же длинной юбки, шея украшалась множествомъ бусъ изъ звѣриныхъ зубовъ и глины. Волосы носили или распущенными, короткими, или же длинными, собранными на затылкѣ въ большой узелъ.

БРОНЗОВАЯ КУЛЬТУРА. (Табл. IV).

Знакомство съ металлами произошло, конечно, не сразу – раньше всего человѣкъ узналъ мѣдь и золото, такъ какъ они больше привлекаютъ вниманіе своимъ видомъ и легче другихъ поддаются обработкѣ. Позже онъ познакомился съ серебромъ и свинцомъ и сталъ приготовлять изъ мѣди и свинца особый сплавъ, который называется бронзой; бронза удобнѣе для всякаго рода издѣлій, чѣмъ мѣдь, такъ какъ она болѣе прочна и не гнется, какъ чистая мѣдь. Позже онъ началъ употреблять и желѣзо. Первое знакомство съ металлами произошло въ концѣ каменнаго вѣка, и долгое время металлическія издѣлія употреблялись наравнѣ съ каменными и лишь много позднѣе вытѣснили послѣднія.

Относительно Россіи такая постепенность въ знакомствѣ съ металлами не всегда вѣрна—во всей средней и сѣверной Россіи, гдѣ мѣди нѣтъ, люди перешли непосредственно отъ камня къ желѣзу, въ другихъ же мѣстахъ, въ юго-западной, южной, юго-восточной и восточной Россіи существовала особая мѣдно-бронзовая культура, въ концѣ которой появляются и желѣзныя издѣлія. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ знакомство съ мѣдью произошло подъ вліяніемъ сосѣдей, и по характеру издѣлій можно опредѣлить, откуда шли вліянія: съ востока—изъ Сибири, съ юго-востока—съ Кавказа и съ юга—изъ Финикіи.

Бытъ человѣка въ эту эпоху становится несравненно болѣе сложнымъ, нежели въ каменномъ вѣкѣ—возможность дѣлать различные предметы изъ матеріала, значительно болѣе поддающагося выдѣлкѣ, нежели камень, привела къ тому, что увеличивается и количество предметовъ обихода и разнообразится ихъ форма. Изготовлялись предметы изъ бронзы двумя способами: рѣже они выковывались, а чаще отливались въ формахъ. Дѣлалось это такъ: въ мокромъ пескѣ оттискивали тотъ предметъ. который хотѣли получить изъ бронзы, и въ этотъ песокъ наливали расплавленный металлъ. Болѣе сложный способъ состоялъ въ томъ, что сначала дѣлали модель предмета изъ воска, обкладывали ее мокрой глиной и нагрѣвали; расплавившись, воскъ вытекалъ, тогда оставшуюся пустоту заливали бронзой, а по охлажденіи форму разбивали. Но были и постоянныя формы изъ камня въ видѣ двухъ половинокъ, въ которыхъ вырѣзанъ въ обратномъ видѣ предметъ съ его рисункомъ (рис. 1).

Изъ орудій въ это время преобладаетъ продолговатый молотъ, или долото, съ плоскимъ краемъ (2); впослѣдствіи на тупой сторонѣ его стали дѣлать втулку, въ которую всаживали рукоятку, и по два ушка по бокамъ для продѣванія ремня; такую форму называютъ *кельтомъ* (3). Иногда дѣлали только одно ушко и весь верхній край украшали нарѣзками (4). Очень распространенъ топоръ съ тяжелымъ обухомъ и сквозной втулкой (5). Всѣ эти предметы могли употребляться и какъ оружіе, и для мирныхъ цѣлей, для копанія земли, рубки дерева и т. д. Очень изящны длинныя тонкія мотыки, или топорики, часто украшавшіеся въ верхней части фигуркой животнаго (6 и 7). Вообще нужно отмѣтить, что въ издѣліяхъ этой поры очень часто встрѣчаются украшенія

въ видѣ животныхъ, головокъ звѣрей и т. д. Въ большомъ количествѣ употреблялись также ножи— сначала они дѣлались изъ длинной полосы мѣди, края которой заострялись, а въ тупомъ концѣ продѣлывалось отверстіе для подвѣшиванія къ поясу (8), но потомъ они дѣлаются все разнообразнѣе и красивѣе.

Близки къ ножамъ *кинжалы*, ручки которыхъ выдѣлывались съ особой тщательностью (9), дѣлались они изъ цѣльнаго куска бронзы. Въ то же время появляются и *мечи*, имѣвшіе видъ тѣхъ же кинжаловъ, но большей величины (10). Они были сравнительно невелики, клинокъ не превышалъ полу-аршина, и рукоятка ничѣмъ не отдѣлялась отъ клинка. Иногда она отдѣлывалась деревомъ. Гораздо чаще мечей употреблялись *копья и стрѣлы*. Наконечники копій сначала дѣлались изъ согнутой пластинки (11), но позже ихъ стали отливать въ формахъ и дѣлать въ нихъ втулку для древка (12). Стрѣлы были самой разнообразной формы (13, 14 и 15).

Въ это время человѣкъ сталъ употреблять металлическіе *серпы*, имѣвшіе видъ загнутой полосы съ отточеннымъ краемъ (16), а также и *косы*. Для этой цѣли служилъ большой кусокъ бронзы, съ острымъ краемъ и отверстіемъ, куда просовывалась рукоятка (17).

Изъ мѣди и бронзы дѣлались также и сосуды; они были различной формы и величины, но больше всего употреблялись большіе широкіе котлы, часто дѣлавшіеся съ ручками (18), края нерѣдко украшались орнаментами или фигурками животныхъ (19). Иногда сосудъ имѣлъ видъ вазы на высокой ножкѣ (20). Конечно, наряду съ металлическими сосудами продолжали употреблять и глиняные.

Въ это время въ большомъ количествѣ люди стали носить всякаго рода украшенія, не довольствуясь прежними скромными ожерельями изъ бусъ и просверленныхъ зубовъ: на шею надѣвали мѣдный обручъ или *гривну*, одежды скалывали застежками, напоминающими современныя англійскія булавки, или брошки — *фибулами* (21); кромѣ того, употребляли пряжки; на рукахъ и на ногахъ носили *браслеты* (22—23); конечно, продолжали носить и ожерелья, въ которыхъ къ прежнимъ бусамъ прибавились и металлическія. Волосы скалывали длинными тонкими булавками (24), а уши стали украшать серьгами. Въ Вятской губ., въ селѣ Ананьинѣ, среди предметовъ бронзовой культуры найдена каменная плита съ изображеніемъ человѣка, на немъ надѣто подобіе кафтана, подпоясаннаго поясомъ, къ которому подвѣшенъ короткій прямой ножъ. На шеѣ у него гривна, на головѣ— остроконечный башлыкъ, концы котораго висятъ спереди (25).

Въ религіозныхъ воззрѣніяхъ человѣка начала металлической поры, по сравненію съ человѣкомъ каменнаго вѣка, можно отмѣтить нѣкоторый прогрессъ — теперь его воззрѣнія усложняются, онъ начинаетъ вѣрить въ злыхъ и добрыхъ духовъ и стремится оградить себя отъ козней первыхъ, нося различные амулеты, предметы, — имѣвшіе, по его убѣжденію, спасительную силу.

Въ то же время, когда употреблялись, главнымъ образомъ, мѣдь и бронза, стало употребляться и желѣзо, при чемъ въ первое время его употребляли только для украшенія мѣдныхъ и бронзовыхъ предметовъ, (такъ какъ оно съ большимъ трудомъ поддается обработкѣ), напримѣръ — рукоятокъ бронзовыхъ мечей, кинжаловъ и т. д

ДРЕВНОСТИ КАВКАЗА. (Табл. V).

Наивысшаго расцвѣта бронзовая культура достигла на Кавказѣ, гдѣ она удерживалась значительно долѣе, нежели въ другихъ странахъ; совершенствуясь и развиваясь, она приняла здѣсь оригинальный, своеобразный характеръ, давъ много памятниковъ, рѣдкихъ по красотѣ и изяществу. Наиболѣе цѣнныя и многочисленныя находки были сдѣланы недалеко отъ Владикавказа, около аула Кобань, по имени котораго и вся культура этого типа называется *кобанской*. Здѣсь были обнаружены многочисленные могильники, въ которыхъ покойники были похоронены въ полномъ вооруженіи, съ массою украшеній и съ нѣкоторыми предметами домашней утвари. По характеру вещей ясно, что они принадлежали къ различнымъ эпохамъ бронзовой культуры и заканчивались переходомъ къ желѣзной; такъ, на нѣкоторыхъ бронзовыхъ вещахъ встрѣчается желѣзо въ видѣ укра-

шенія, а кромѣ того здѣсь находятся въ очень небольшомъ количествѣ желѣзные предметы. Кромѣ инкрустаціи желѣзомъ, въ кавказскихъ древностяхъ обращаетъ вниманіе инкрустація цвѣтной эмалью, такъ называемая *выемчатая эмаль*. На бронзовомъ предметѣ дѣлался глубокій рѣзной рисунокъ, и эти выемки заполнялись эмалевымъ порошкомъ, потомъ предметъ нагрѣвался, вслѣдствіе чего порошокъ плавился и при охлажденіи образовывалъ блестящую стекловидную массу. Какъ въ украшеніяхъ, такъ и въ орнаментаціи оружія бросается въ глаза пристрастіе къ изображеніямъ различныхъ животныхъ, при чемъ часто встрѣчается рѣзной орнаментъ въ видѣ фигурокъ оленей, змѣй, козъ и др. животныхъ, формы которыхъ извращены, - вытянуты, изогнуты, сообразно съ требованіемъ мѣста.

Красивы и оригинальны многочисленныя украшенія: и мужчины, и женщины носили массивные спиральные *налокотники* (рис. 1), браслеты (2); широкая одежда, вѣроятно, плащъ скалывалась на груди фибулой, въ видѣ лука съ массивной дужкой для того, чтобы перетягивать складки плаща напередъ (3). Иногда эта дужка украшалась рельефными головками козловъ (4), или къ ней подвѣшивались цѣпочки (5). На шеѣ носились гривны, въ видѣ гладкаго обруча, ожерелья изъ бусъ—каменныхъ, стеклянныхъ, бронзовыхъ и т. д. Кромѣ того, мужчины и женщины носили множество гремящихъ подвѣсокъ въ видѣ фигурокъ животныхъ (6 и 7), или головокъ козловъ съ длинными рогами (8). Одежда подпоясывалась широкимъ поясомъ съ бронзовыми пряжками (9 и 10). Головной уборъ женщинъ былъ очень сложенъ—волосы продѣвались прядями въ бронзовыя спиральки (11), или же скалывались длинными бронзовыми *булавками* съ плоскимъ щиткомъ, или же рельефными фигурками (12 и 13). *Серьги* носились различныхъ типовъ, преимущественно въ видѣ кольца съ подвѣсками (14). Но особенно большой интересъ представляютъ предметы вооруженія: на первое мѣсто среди нихъ нужно поставить *топорики* очень красивой изогнутой формы, подобныхъ которымъ не встрѣчалось нигдѣ. Ручка и лезвіе обычно украшались рѣзнымъ орнаментомъ — геометрическимъ или же звѣринымъ (15). Очень оригинальны также *кинжалы*, цѣльные изъ одного куска бронзы (16), или же съ отдѣльно насаженной рукоятью. Встрѣчаются *булавы*, но рѣдко; зато много наконечниковъ стрѣлъ — двухлепестныхъ, съ глубокимъ вырѣзомъ (17). Кромѣ того, здѣсь бываетъ много предметовъ конскаго убора, и среди нихъ небольшіе *зеркальца*, бронзовыя, съ ушками для привѣшиванія на оборотной сторонѣ (18).

Въ могильникахъ ставились сосуды, большею частью глиняные, изъ черной блестящей глины, хорошей работы, сдѣланные безъ помощи гончарнаго круга, небольшихъ размѣровъ. Одни изъ нихъ имѣютъ форму кружекъ, или горшковъ, другимъ приданъ видъ какихъ либо животныхъ. Стѣнки сосудовъ часто украшались орнаментомъ, геометрическимъ или животнымъ (19). Встрѣчаются и двойные сосуды (20).

ДРЕВНОСТИ СРЕДНЕЙ АЗІИ. (Табл. VI).

Большой интересъ представляютъ древности Средней Азіи, Сибири и отчасти Донской области, доставляемыя могильниками и отдѣльными находками. Здѣсь рѣдко встрѣчается желѣзо, зато въ изобиліи бронза и золото, инкрустированныя драгоцѣнными камнями. Золото встрѣчается въ такомъ количествѣ, что въ средней Сибири извѣстны погребенія, въ которыхъ не только самъ покойникъ обворачивался золотыми листами, но и ложе покрывалось такими же листами. Инвентарь погребеній состоялъ изъ украшеній набора конской сбруи, просто рельефныхъ пластинокъ и фигуръ изъ массивнаго золота.

По сюжетамъ здѣсь преобладаютъ изображенія дикихъ животныхъ, борьба звѣрей и охотничьи сцены. Очень хороши нѣкоторыя изъ такихъ сценъ борьбы животныхъ, въ которыхъ выраженіе звѣря полно экспрессіи (рис. 1); встрѣчаются львы, орлы (2), олени (3), тигры и другіе звѣри, а также и фантастическія животныя (4). Нѣкоторыя пластинки, видимо, служили украшеніемъ сбруи, судя по тяжести ихъ, а также и потому, что встрѣчаются попарно. Иногда онѣ имѣли видъ четырехугольниковъ, въ которыхъ фигуры звѣрей заключены въ рамку, но встрѣчаются и пластинки неопредѣленныхъ очер-

таній, при чемъ на нихъ формы животнаго извращены, чтобы придать предмету ту или иную форму. Не менѣе интересны сцены охоты; на одной представлены два момента ея: охотникъ, сидя на деревѣ, подкарауливаетъ звѣря и тутъ же онъ скачетъ верхомъ за кабаномъ и поражаетъ его стрѣлой (5), на другой изображенъ охотникъ, лежащій подъ деревомъ, положивъ голову на колѣни женщинѣ; слуга сидитъ здѣсь же и держитъ за повода двухъ лошадей подъ сѣдлами (6). Прекрасно переданы лошади, напоминающія теперешнихъ степныхъ скакуновъ. Встрѣчаются золотыя пластинки, видимо, служившія для нашиванія или на головной уборъ, или на вѣнецъ, (7 и 8). Въ этихъ предметахъ обращаетъ вниманіе слѣдующее обстоятельство: большинство изъ нихъ обильно украшены разноцвѣтной эмалью, а также драгоцѣнными камнями, рубинами, изумрудами и бирюзой; такъ, напримѣръ, хвостъ птицы (7) весь выложенъ изумрудомъ, сцена охоты испещрена голубой пастой и розовымъ коралломъ, звѣрь самъ украшенъ вставками изъ цвѣтной эмали.

Эти древности представляютъ большой интересъ, такъ какъ Средняя Азія является какъ бы очагомъ этого стиля; нѣкоторые черты этого стиля мы видѣли уже въ древностяхъ Кавказа. Путемъ торговли, а также благодаря передвиженіямъ народовъ изъ Азіи въ Европу, этотъ стиль переносится дальше на западъ, при чемъ мѣстностью, гдѣ онъ оставилъ наиболѣе яркій слѣдъ является область Войска Донского. Особенно интересенъ въ этомъ отношеніи богатѣйшій кладъ, найденный возлѣ г. Новочеркасска; онъ состоялъ изъ множества украшеній изъ массивнаго золота, орнаментированныхъ драгоцѣнными камнями и бирюзой, при чемъ мотивами служили тѣ животные, которыхъ мы видимъ въ Сибирѣ. Наиболѣе цѣнной вещью этого клада считается роскошная женская діадема, украшенная рельефными фигурками козловъ и оленей, подвѣсками изъ жемчужинъ, и женской головкой—уже не въ азіатскомъ, а въ античномъ вкусѣ (9). Интересенъ также и флакончикъ (10), имѣющій видъ вытянутаго животнаго. Но слѣды этого стиля встрѣчаются не только въ восточной Россіи;—характерная черта его—пристрастіе къ животнымъ, извращеніе естественныхъ формъ—*стилизація* ихъ, извѣстные подъ названіемъ *звѣринаго стиля*, обиліе украшеній изъ камня и эмали, часто вопреки требованіямъ разсудка, массивность, грубость формъ, всѣ эти черты переходятъ впослѣдствіи въ древности Европейской Россіи и встрѣчаются часто въ древностяхъ скиѳскихъ, готскихъ, кочевническихъ, а также и въ древностяхъ восточныхъ финновъ.

ГРЕЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ. (Табл. VII).

До сихъ поръ, говоря о древностяхъ палеолитическихъ, неолитическихъ, бронзовой культурѣ, совершенно не упоминалось о народности людей, оставившихъ эти памятники. Въ отношеніи первой поры о какой бы то ни было національности абсолютно нельзя говорить; въ отношеніи конца неолитической культуры и бронзовой, говорить о ней можно только гадательно, и то лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ и подъ опасеніемъ впасть въ ошибку. Только съ VIII в. до Р. Х. густой туманъ, окутывавшій нашу страну, начинаетъ разсѣиваться и въ образовавшіеся просвѣты понемногу вырисовываются силуэты различныхъ народовъ, обитавшихъ въ ней. Первымъ народомъ, о которомъ у насъ имѣются точныя свѣдѣнія, были греческіе колонисты, устремившіеся съ начала VIII в. на берега Чернаго моря изъ Милета, Гераклеи и другихъ мѣстъ. Ими основываются: Ольвія на лиманѣ Буга, Тира на мѣстѣ Аккермана, Херсонесъ возлѣ Севастополя, Пантикапея—теперешняя Керчь, и рядъ другихъ городовъ. Сюда греки перенесли всѣ свои обычаи и привычки, то же управленіе, религіозныя празднества, словомъ все то, что оставили въ метрополіи, стремясь возсоздать жизнь родного города. Греки поддерживали оживленныя сношенія съ сосѣдними варварами, покупали у нихъ хлѣбъ, рыбу, кожи, а также невольниковъ, и снабжали ихъ различными издѣліями греческой промышленности: тканями, золотыми и серебряными вещами, винами. Вліяніе греческое на варваровъ было очень сильно, такъ что даже ближайшіе сосѣди грековъ—скиѳы, назывались нерѣдко „полуэллинами“, настолько они воспринимали греческую культуру. Произведенія греческой промышленности встрѣчаются далеко къ сѣверу отъ колоній, даже около Кіева. Въ IV в. гре-

ческіе города приходятъ въ упадокъ, разоряемые варварами, которыхъ привлекало ихъ богатство; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ появляются даже цари изъ варваровъ, такъ Пантикапея становится столицей царства Босфорскаго.

Постоянные набѣги степныхъ кочевниковъ, заселившихъ степи, привели эти города къ полному паденію. Развалины роскошныхъ зданій стали разбираться, какъ матеріалъ для новыхъ построекъ, и теперь почти ничего не осталось отъ этихъ поселеній.

Единственными памятниками монументальнаго искусства грековъ остались могильные *курганы* со склепами и *катакомбы*. Въ курганахъ погребали и несожженный прахъ и сожженный, при чемъ послѣдній помѣщали въ особыхъ урнахъ. Часто въ склепахъ встрѣчаются саркофаги, или гробницы, изъ камня или дерева, цѣнные по своей работѣ, нерѣдко по нѣсколько гробницъ въ одномъ курганѣ. Особый интересъ представляютъ погребенія въ катакомбахъ, пещерахъ, высѣченныхъ въ скалистыхъ горахъ. Въ нихъ устраивались ниши, въ которыхъ клались покойники (рис. 1). Большинство вещей, погребавшихся съ покойникомъ, здѣсь, какъ и въ курганахъ, разграблено, но важна роспись стѣнъ катакомбъ, съ изображеніями обстановки домовъ и бытовыхъ сценъ изъ жизни грековъ (2 и 3). По сравненію съ жизнью грековъ метрополіи, въ бытѣ черноморскихъ грековъ замѣтно отличіе: живя по сосѣдству съ варварами, вліяя на нихъ, греки, въ свою очередь, заимствовали кое-что отъ послѣднихъ; подобно варварамъ, у нихъ развивается страсть къ золотымъ, и вообще блестящимъ украшеніямъ, вычурности, блеску, которыми они замѣняютъ строгую красоту формъ въ произведеніяхъ грековъ Эллады.

Покойниковъ погребали въ золотыхъ *вѣнцахъ* (4), воиновъ—въ *шлемахъ*, на головы женщинъ надѣвали роскошныя *діадемы*, золотыя, съ камнями, жемчугами, съ длинными подвѣсками, спускавшимися на лобъ (5). Не только женщины, но и мужчины носили въ ушахъ *серьги*, разница была въ томъ, что мужчины носили только одну серьгу и безъ подвѣсокъ, женщины же болѣе сложныя серьги (6 и 7). Кромѣ того, женщины носили длинныя *подвѣски*, прицѣплившіяся къ головному убору и висѣвшія надъ ухомъ (8). И мужчины, и женщины носили *ожерелья* (9) и *гривны*, среди которыхъ многія отличаются тонкой работой. Этотъ обычай, какъ и ношеніе мужчинами, наравнѣ съ женщинами, браслетовъ (10), греки позаимствовали у варваровъ. Въ большомъ ходу были также и различные перстни (11—12), а вся матерія одежды, широкой и длинной, зашивалась золотыми штампованными бляшками и украшалась позументами. Общій видъ одежды грековъ, и еще лучше, гречанокъ, можно представить по росписи катакомбъ, а также по многочисленнымъ терракотовымъ статуэткамъ, находимымъ при раскопкахъ (13).

Отъ домашней утвари сохранилось много различныхъ сосудовъ, среди нихъ не мало вещей, повторяющихъ форму и орнаментъ сосудовъ предшественниковъ грековъ на этомъ побережьи—финикіянъ; таковы *алавастры* или *слезницы* (14—15); но, конечно, главная масса сосудовъ принадлежитъ къ типамъ, господствовавшимъ въ Элладѣ, таковы стройныя *амфоры* (16), чернофигурныя и краснофигурныя вазы съ изображеніями сценъ изъ бытовой жизни и миѳологіи (17), сосудики съ отогнутыми краями (18), мисочки (19), *ритоны* въ видѣ турьяго рога (20), изящныя бутылочки съ длинной тонкой шейкой (21) и рядъ другихъ. Встрѣчаются въ большомъ количествѣ маленькія бронзовыя и глиняныя съ ручкой и крышкой лампочки, въ которыя наливалось масло, и вставлялся фитиль для горѣнія (22).

СКИѲСКІЯ ДРЕВНОСТИ. (Табл. VIII).

Скиѳы были первымъ народомъ варварскаго происхожденія, обитавшимъ на территоріи Россіи, о которомъ у насъ имѣются болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія. Самыя раннія упоминанія относятся къ VII в. до Р. Х. Это былъ народъ, вѣрнѣе всего, индо-европейскаго происхожденія, который, придя изъ Азіи, вытѣснилъ племена, обитавшія въ южно-русскихъ степяхъ, и занялъ сѣверные берега Чернаго и Азовскаго морей. Одно время власти скиѳовъ покорялась обширная страна отъ Дона до Дуная и вся она называлась ихъ именемъ—Скиѳія. Оказавшись въ близкомъ сосѣд-

ствѣ съ греческими колоніями, скиѳы завязали съ ними торговыя сношенія, продавали хлѣбъ, коней и получали предметы роскоши. Они поддались вліянію греческой культуры настолько, что ближайшіе къ грекамъ стали называться „полуэллинами“, принимали греческіе обычаи, имена, чѣмъ возмущали остальныхъ скиѳовъ. Достигши наибольшей силы, скиѳы подчинили нѣкоторые греческіе города, но съ IV в. сила ихъ начинаетъ падать, скиѳовъ тѣснятъ новые пришельцы изъ Азіи, особенно сарматы, которые подчиняютъ себѣ всю ихъ страну и даютъ ей новое имя—Сарматія.

Раздѣлялись скиѳы на нѣсколько племенъ, которыя управлялись своими царями, но все же одинъ царь почитался главнымъ. Племена эти вели различный образъ жизни; жившія западнѣе въ большей степени поддались греческой культурѣ, жившія восточнѣе—въ меньшей. Нѣкоторыя племена занимались земледѣліемъ и жили осѣдло, но большая часть вела кочевой, пастушескій образъ жизни. Женщины и дѣти переѣзжали въ кибиткахъ, запряженныхъ волами, а мужчины ѣхали верхомъ. Скиѳы были народомъ воинственнымъ, больше всего любили войну и безпощадно относились къ своимъ врагамъ; изъ черепа убитаго они дѣлали чаши и пили изъ нихъ на пирахъ, а кожу съ головы сдирали и носили, какъ украшеніе. Число такихъ скальповъ составляло гордость воина. Они поклонялись богу войны; въ честь его на холмѣ втыкали мечъ и приносили ему въ жертву не только животныхъ, но и людей. Были у скиѳовъ и другіе боги: неба, плодородія, домашняго очага, но о нихъ извѣстно мало. Особыхъ жрецовъ у нихъ не было, и жертвы приносили старѣйшіе въ родѣ. Скиѳы сохраняли родовой строй, жили большими семьями, въ которыхъ старшій пользовался всеобщимъ почетомъ, и всѣ подчинялись ему. Но кромѣ естественнаго, кровнаго родства, у нихъ былъ обычай *побратимства:* поклявшіеся въ вѣчной дружбѣ капали свою кровь изъ надрѣза на рукѣ въ чашу съ виномъ, погружали въ него свои мечи и пили это вино (рис. 1 изображаетъ этотъ обрядъ). У насъ мало свѣдѣній о жизни скиѳовъ, лучше всего извѣстны ихъ погребальные обряды. Чѣмъ богаче и знатнѣе былъ покойникъ, тѣмъ сложнѣе и роскошнѣе было его погребеніе. Такъ, когда умиралъ царь, тѣло его набальзамированное, одѣтое въ царскія одежды, съ діадемой на головѣ, возили среди всѣхъ подвластныхъ племенъ, потомъ полагали въ саркофагъ, туда же клали оружіе, драгоцѣнныя вещи, вазы. Саркофагъ ставили въ склепъ, обложенный камнемъ. Здѣсь же погребали убитыхъ слугъ и коней, а надъ могилой насыпали высокій курганъ; черезъ годъ на царской могилѣ совершали тризну, снова приносили жертвы: убивали лошадей и слугъ. Иногда нѣсколько могилъ помѣщались въ одномъ курганѣ и соединялись коридорами. До нашихъ дней осталось не мало такихъ погребеній: тогда какъ въ родовыхъ могилахъ бѣдныхъ скиѳовъ находятъ только мѣдныя копья, да грубые глиняные горшки, въ могилахъ богатыхъ и знатныхъ воиновъ оказывается дорогое оружіе, греческія вазы, роскошные предметы украшенія. Особенно богаты драгоцѣнной утварью и оружіемъ, конечно, могилы царей. (Чертомлыкскій курганъ и Луговая Могила въ Екатеринославской губ., Кульобскій курганъ недалеко отъ Керчи и др.).

Одеждой скиѳовъ служили рубашка и кафтанъ, иногда обшивавшійся мѣхомъ. Рубашка подпоясывалась поясомъ, къ которому подвѣшивался мѣшокъ съ стрѣлами и кинжалъ (2). Штаны дѣлались узкіе изъ кожи, или широкіе изъ матеріи. Сапоги мягкіе, кожаные, привязывались къ ногѣ ремнями. На головѣ носили родъ башлыка съ длинными концами; цари—повязку или мѣховую шапку, съ золотымъ верхомъ (3). Женщины носили длинныя одежды съ длинными узкими рукавами, поверхъ накидывали плащъ. Знатныя женщины носили на головѣ роскошныя діадемы, напоминавшія кокошникъ съ подвѣсками. И мужская, и женская одежда украшалась нашивными бляшками (4—5), бусами, позументами. И мужчины, и женщины носили ожерелья (6), серьги (7 и 8), но женскія серьги были больше и красивѣй; кромѣ того женщины носили подвѣски, спускавшіяся съ головного убора (9). Знатные скиѳы и цари носили гривны (рис. 10 изображаетъ концы гривны съ фигурами скиѳовъ—наѣздниковъ). Руки украшались браслетами и перстнями изъ золота, серебра и даже мѣди.

Вооруженіе состояло изъ лука, стрѣлъ (11—12), маленькихъ бронзовыхъ кинжаловъ (13), топоровъ (14), дротика и копья (15). Знатные и вожди носили мечъ съ золотой и бронзовой рукоятью, и въ ножнахъ, украшенныхъ золотомъ (16), трость съ набалдашникомъ и бунчукъ, (17). Воины носили круглые щиты и латы изъ пластинокъ слоновой кости и бронзы. Оружіе украшалось бронзовыми и золотыми пластинками; интересно золотое украшеніе налучья (18); также украшалась и сбруя. Особенно любили фигурки лошадей или лошадиныхъ головъ и т. д., (19).

Въ большомъ употребленіи были зеркала, бронзовые, круглые, съ ручкой, или съ ушками для привѣшиванія. Тогда какъ первыя служили для туалета, вторыя предназначались для украшенія сбруи. Посудой служили мѣдные и бронзовые котлы (20), часто дѣлавшіеся на ножкахъ, а также и разнообразные глиняные сосуды, изъ которыхъ многіе носятъ греческій типъ. Очень оригинальны и красивы вазы, находимыя въ царскихъ погребеніяхъ, напримѣръ, вазы *Чартомлыкскаго* (21) и *Кульобскаго* (22) кургановъ поражаютъ тщательностью и тонкостью работы; кромѣ того, онѣ чрезвычайно интересны и тѣмъ, что на нихъ изображены сцены изъ скиѳской жизни: на Кульобской вазѣ представленъ царь въ діадемѣ, передъ нимъ лазутчикъ, далѣе врачъ рветъ зубъ больному, другой—перевязываетъ рану (2). На фризѣ другой вазы изображены скиѳы, которые ловятъ коней, тутъ же пасутся уже прирученные (23). На этихъ вазахъ видны не только детали одеждъ, вооруженія, но даже типъ лицъ.

Въ скиѳскихъ древностяхъ ясно видно вліяніе греческой культуры: тутъ много предметовъ греческой работы, въ томъ числѣ и эти вазы, но много и мѣстныхъ издѣлій, сдѣланныхъ по греческимъ образцамъ, но болѣе грубыхъ. Но все же въ скиѳскихъ древностяхъ виденъ свой оригинальный стиль: пристрастіе къ украшеніямъ золотыхъ вещей цвѣтными камнями и стеклами, а также и украшенія въ видѣ цѣлыхъ звѣрей, или головокъ, ногъ и т. д., при чемъ звѣри часто измѣнены до неузнаваемости. Такой характеръ орнамента, называемый звѣринымъ, мы видимъ въ издѣліяхъ Азіи, Кавказа, но не Греціи, и онъ былъ принесенъ сюда скиѳами изъ своей родины.

ГОТСКІЯ ДРЕВНОСТИ (Табл. IX).

Во II в. по Р. Х. на территоріи теперешней Россіи появляется новый народъ германскаго племени—готы. Они жили сначала въ Скандинавіи, но потомъ переправились черезъ Балтійское море и поселились въ Прибалтійскомъ краѣ, но не удержались долго на новомъ мѣстѣ и стали двигаться на югъ, по направленію къ Черному морю. Здѣсь, въ предѣлахъ Южной Россіи, поселились они. Рѣка Днѣстръ раздѣляла ихъ на двѣ части, восточную *(остготовъ)* и западную *(вестготовъ)*. Остготы образовали здѣсь сильную державу, во главѣ которой стоялъ храбрый и могущественный король Германарихъ. Язычники сначала, они вскорѣ приняли христіанство, но по ученію Арія, отвергавшаго единосущность Сына Божія съ Богомъ Отцомъ. Проповѣдь христіанства принесъ къ готамъ Ульфила, ставшій епископомъ готовъ, который самъ изобрѣлъ готскую азбуку и перевелъ на готскій языкъ Библію.

Въ концѣ IV в. изъ Азіи въ черноморскія степи хлынула волна варваровъ кочевниковъ, гунновъ, страшныхъ своей жестокостью. Какъ дикій ураганъ пронеслись они по степямъ, убивая всѣхъ, кого встрѣчали на пути, грабя и сжигая селенія. Первыми пострадали отъ ихъ натиска алланы, жившіе между Каспійскимъ и Азовскимъ морями, часть ихъ была истреблена, часть переселилась на Кавказъ, гдѣ и теперь еще живутъ потомки ихъ въ лицѣ осетинъ. Слѣдующій ударъ былъ нанесенъ остготамъ: король Германарихъ былъ не въ силахъ перенести пораженіе и лишилъ себя жизни; остатки разгромленныхъ остготовъ должны были, вмѣстѣ съ побѣдителями, двигаться на новыя завоеванія. Разгромивъ остготовъ, гунны стали тѣснить и вестготовъ,которые спаслись отъ нихъ въ предѣлы Римской имперіи, на Балканскій полуостровъ. Отъ многочисленнаго народа въ южной Россіи не осталось почти никого. Только небольшая часть готовъ, спасшихся отъ разгрома, уцѣлѣла на Крымскомъ полуостровѣ и въ Тамани. Они долго сохраняли здѣсь свою независимость, языкъ, и только въ X в., тѣснимые своими восточными сосѣдями хазарами, стали обращаться за помощью къ русскимъ князьямъ, а позже вошли въ составъ византійской имперіи. Въ настоящее время остатки ихъ слились съ крымскими татарами.

Готы не оставили ни построекъ, ни городовъ, но на всемъ пути ихъ слѣдованія — отъ Балтійскаго моря и до Чернаго, находятъ множество вещей, оружіе, конскую сбрую, утварь, предметы украшенія. Такіе же предметы находятъ въ готскихъ погребеніяхъ, въ Крыму, въ плоскихъ могилахъ болѣе бѣдные, а въ каменныхъ ящикахъ или катакомбахъ—болѣе цѣнные и роскошные

Всѣ они носятъ нѣкоторыя общія черты, общій стиль, который называется *готскимъ*. Особенности его заключаются въ слѣдующемъ: въ формѣ вещей преобладаютъ геометрическія линіи, круги, треугольникъ, ромбъ и т. д. При этомъ замѣчается большое пристрастіе къ инкрустаціи цвѣтнымъ стекломъ и камнями, особенно гранатомъ, а также и выемчатой эмалью. Встрѣчается и звѣриный орнаментъ, причемъ изображенія звѣрей нерѣдко испещрены камнями и эмалью. Этотъ стиль вещей, знакомый намъ по древностямъ Сибири и отчасти Кавказа, готы узнали уже въ восточной Европѣ, но онъ настолько тѣсно привился у нихъ, что предметы, украшенные подобнымъ образомъ, встрѣчаются вездѣ, гдѣ жили готы, на пространствѣ всей Россіи. То новое, что они принесли въ этотъ стиль: геометрическая правильность формъ и орнамента, и украшенія сквозными прорѣзями. Что касается матеріала, то имъ служитъ бронза, сплавъ серебра и другіе менѣе цѣнные металлы, золото же употребляется очень рѣдко, въ видѣ тончайшихъ ленточекъ для отдѣлки различныхъ предметовъ.

Среди украшеній особенно много встрѣчается *фибулъ* оригинальной, такъ называемой пальчатой формы (рис. 1), по большей части украшенныхъ инкрустаціей, а также прорѣзныхъ, съ лошадиными головками (2), или въ видѣ двухъ треугольниковъ (3), ромбовъ (4) и т. д. Кромѣ фибулъ, носили множество различныхъ пряжекъ на поясахъ въ видѣ птичьяго клюва, съ рѣзнымъ орнаментомъ (5), кольца, подковки съ инкрустаціей (6), и т. д. Встрѣчается много подвѣсокъ (7 и 8). Вообще, готы, видимо, очень любили разныя украшенія. Въ большомъ количествѣ носили они браслеты — въ видѣ обруча съ расширенными концами, украшенными инкрустаціей, или широкіе съ инкрустаціей и эмалью (9), и др.; серьги тоже были въ большомъ ходу; онѣ были разнообразной формы: въ видѣ кольца со щиткомъ (10), украшеннымъ камнями или прорѣзями, а также въ видѣ проволоки съ одной бусиной и съ камнемъ (11), это самый излюбленный типъ. Носили также и ожерелья изъ бусъ каменныхъ и стеклянныхъ. Къ нимъ подвѣшивались металлическія подвѣски, въ формѣ полумѣсяца съ инкрустаціями и прорѣзями (12).

Такое же пристрастіе къ украшеніямъ видно и въ предметахъ вооруженія: такъ, напримѣръ, найдена рукоятка меча, покрытая золотой пластинкой, украшенной альмандинами. Топоры украшались нерѣдко сквозными орнаментами (13).

Роскошно орнаментировалась и сбруя, и вообще весь конскій уборъ (14 и 15).

Изъ утвари сохранилось не много—встрѣчаются красивой формы бронзовые котлы, иногда съ ручками и на ножкахъ (16); знали готы и зеркала, въ видѣ металлической, хорошо отполированной пластинки съ ручкой (17); они служили, очевидно, для туалета.

ФИНСКІЯ ДРЕВНОСТИ (Табл. X).

Финны въ древности занимали огромное пространство отъ Оби до Балтійскаго моря и отъ Ледовитаго океана до Воронежской и Тамбовской губ. Но они не составляли единаго цѣлаго народа, а раздѣлялись на множество племенъ, болѣе или менѣе отличавшихся другъ отъ друга культурой, образомъ жизни, вѣрованіями. Финны жили среди лѣсовъ и болотъ отдѣльными небольшими поселеніями и занимались преимущественно рыболовствомъ, пчеловодствомъ, охотой, а гдѣ позволяли естественныя условія—земледѣліемъ. Рано познакомились они съ нѣкоторыми ремеслами, научились выдѣлывать кожу и обрабатывать мѣдь и желѣзо. Искусство финновъ въ кузнечномъ дѣлѣ такъ поражало ихъ сосѣдей, что они даже приписывали его близкому знакомству финновъ съ нечистой силой. Финны принимали участіе въ торговлѣ съ другими странами, продавая мѣха, воскъ, хлѣбъ, металлическія издѣлія и получая взамѣнъ матеріи, украшенія и другіе предметы. Торговыми путями служили Волга и Каспійское море для сношеній съ арабами и Византіей, и болѣе длинный черезъ Иртышъ, Аму-Дарью и Аральское море, ведшій въ Индію. Этимъ и объясняется нахожденіе рѣдкихъ по красотѣ издѣлій Индіи и арабовъ въ странѣ восточныхъ финновъ.

Суровая природа повліяла на религіозныя представленія финновъ; ихъ боги мрачные, злые, имъ чужда свѣтлая радость. Финны поклонялись камнямъ, животнымъ, но ставили и идоловъ, кото-

рымъ приносили кровавыя жертвы и въ капищахъ которыхъ складывали сокровища. У финновъ существовали гадатели или кудесники, шаманы, которые по мнѣнію финновъ служили посредниками и истолкователями воли божествъ, предсказывали будущее, исцѣляли больныхъ. Облаченные въ особую одежду, съ множествомъ гремящихъ подвѣсокъ, съ бубномъ въ рукахъ, они съ дикимъ ревомъ кружились вокругъ костровъ и вызывали духовъ.

Финны вступили въ тѣсныя сношенія съ русскими славянами, которые издавна начали колонизаціонное движеніе въ финскія земли. Финны рѣдко вступали въ борьбу; они лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, побуждаемые шаманами, оказывали сопротивленіе, но въ результатѣ должны были уступить неослабному натиску пришельцевъ и или уходили дальше къ сѣверу, или мирно уживались съ ними. Черемисы, мордва, мурома, мещера и другія племена и до сихъ поръ живутъ среди славянъ; вообще финны въ значительной степени слились съ послѣдними, образовавъ великорусскую народность съ ея особымъ этнографическимъ типомъ.

Вслѣдствіе этого трудно выдѣлить древности финскія отъ славянскихъ, до того онѣ подчасъ тѣсно смѣшаны. Особенно яркую картину такого смѣшенія представляетъ бассейнъ Оки и Волги, область, колонизованная вятичами и кривичами, при чемъ чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ яснѣе проступаетъ финскій элементъ.

По имѣющимся даннымъ можно представить костюмъ финновъ: мужчины носили кафтанъ и рубаху, подпоясанную ременнымъ поясомъ, къ которому подвѣшивались на цѣпочкахъ огниво, ножъ и другія привѣски; обувью служили лапти, причемъ нога обхватывалась ремнями съ пряжками (рис. 1), а самая обувь украшалась подвѣсками съ бубенцами и бляшками (2).

Женскій нарядъ былъ болѣе сложенъ; онъ состоялъ изъ двухъ одеждъ—нижней длинной до земли, или почти до земли, и верхней короткой, только до колѣнъ. Подолъ ея, воротъ и рукава обшивались бахромой изъ гремящихъ подвѣсокъ и бубенцовъ (3 и 4). Волосы убирались съ особымъ тщаніемъ; они заплетались въ нѣсколько косъ и переплетались ремешками съ гремящими подвѣсками (5); употреблялись повязки изъ тонкихъ металлическихъ трубочекъ, которыя, соединенныя вмѣстѣ, образовывали какъ бы позументъ, или имитировали византійскія жемчужныя повязки (6). Оригинальный головной уборъ составляли шпильки съ длинными спиральками—на эти спиральки накручивали волосы, такъ что шпилька висѣла свободной (7). Богатыя женщины носили родъ кокошника, съ котораго спускались рясны—подвѣски, цѣпочки, которыя цѣлой волной окутывали шею, плечи и грудь. Къ этому наряду нужно добавить массу пряжекъ, бляшекъ, подвѣсокъ, привѣсокъ и тогда можно вообразить весь нарядъ богатой финнки, на которой все сверкало, блестѣло, бренчало и звенѣло на ходу. Нужно оговориться, не однѣ женщины носили такое множество гремящихъ подвѣсокъ въ видѣ уточекъ (8), коньковъ (9 и 10) и т. д.; эта страсть характеризуетъ одинаково и мужчинъ, и женщинъ и является одной изъ особенностей финскаго убора. Но тогда какъ у финновъ восточныхъ мы видимъ много предметовъ изящныхъ и красивыхъ изъ золота, близко напоминающихъ издѣлія Сибири, древности финновъ западныхъ поражаютъ грубостью своихъ формъ и бѣдностью матеріала. Всѣ они изъ мѣди или бронзы, ни золота, ни серебра почти нѣтъ, въ нихъ мало изящнаго, и всѣ они на протяженіи долгаго времени повторяютъ все одни и тѣ же мотивы. И мужчины, и женщины носили на шеѣ металлическія гривны различныхъ типовъ: интересны гривны въ видѣ лунницы съ подвѣсками; были также и болѣе простыя гривны въ видѣ металлическаго обруча. Къ нимъ иногда еще подвѣшивались кольца съ цѣпочками (11). Кромѣ гривенъ, носили разнообразныя мониста, ожерелья изъ бусъ и гремящихъ подвѣсокъ, причемъ среди послѣднихъ нерѣдки крестики, отнюдь не указывавшіе на христіанство носителей ихъ, а служившіе только украшеніемъ (12). Въ землѣ муромы находятъ интересныя ожерелья изъ нѣсколькихъ цѣпочекъ, соединенныхъ ажурными пластинками, оно носилось на самой шеѣ (13). Кромѣ того, на шеѣ носили металлическую коробочку, или *калиту*, на длинной цѣпочкѣ (14), она называлась также *сустугомъ* и часто украшалась конскими головками. Много употреблялось пряжекъ, скалывавшихъ одежду (15), по большей части тоже съ подвѣсками; онѣ были различныхъ типовъ. Были большія круглыя съ подвѣсками (16), были и очень маленькія съ подвѣской въ видѣ металлической пластинки съ погремушками (17); подобныя пряжки и теперь еще носятъ женщины въ Средней Азіи. Подвѣски къ нимъ, по большей части, имѣютъ видъ гусиныхъ лапокъ. Фибулъ не много — есть въ видѣ кольца

съ иглой (18), есть арбалетныя (19), но довольно грубыя Среди нихъ нерѣдки фибулы въ видѣ выпуклой пластинки, такъ называемыя *скорлупообразныя* или *скандинавскія*, въ большомъ количествѣ находимыя въ Скандинавіи, а сюда попавшія или путемъ торговли, или же изготовлявшіяся здѣсь по образцу привозныхъ (20). Носили *височныя кольца*, прикалывавшіяся къ головной повязкѣ (21). Въ ушахъ носили серьги, среди нихъ встрѣчаются серьги различныхъ типовъ, и болѣе простыя (22), и сложныя, есть напоминающія кавказскія, съ подвѣской гроздями; у восточныхъ финновъ были серьги въ видѣ кольца съ бусой, украшенной узорами (23). На рукахъ носили браслеты (24), на пальцахъ перстни (25).

Какъ народъ, занимавшійся земледѣліемъ, финны оставили нѣкоторые предметы сельскаго хозяйства—сошники, серпы, косы. У нихъ были въ употребленіи различныя рыболовныя снасти, крючки, остроги, гарпуны; какъ народъ, занимавшійся торговлей, они знали вѣсы, и послѣдніе иногда встрѣчаются очень изящной формы.

Въ землѣ восточныхъ финновъ находятъ нерѣдко предметы шаманскаго культа, такъ называемые чудскіе образки, въ видѣ птицы съ распростертыми крыльями и человѣческимъ лицомъ и другіе (26).

Конечно, не мало находятъ и предметовъ вооруженія топоровъ (27), мечей (28), наконечниковъ стрѣлъ (29) и копій, главнымъ образомъ изъ желѣза.

ЛИТОВСКІЯ ДРЕВНОСТИ (Табл. XI).

Въ отдаленныя времена литовскія племена занимали большую часть теперешней Россіи. Поселенія ихъ находились въ бассейнахъ Нѣмана, Западной Двины, Припяти, Березины, на берегахъ Балтійскаго моря. Такимъ образомъ литовцы сосѣдили съ финнами и славянами. Они долгое время жили въ тѣсномъ общеніи съ финнами, такъ что въ языкѣ послѣднихъ сохранилось не мало литовскихъ словъ. Въ IV в., вслѣдствіе общаго движенія племенъ, вызваннаго натискомъ гунновъ, финны продвигаются на западъ и оттѣсняютъ въ томъ же направленіи литовцевъ, такъ что памятники пребыванія послѣднихъ находятъ значительно восточнѣе ихъ новой границы. Таковы литовскіе курганы, или *пилькальнисы* Калужской губерніи.

Литовцы жили разрозненными, отдѣльными племенами, разбросанными посреди лѣсовъ и болотъ, и управлявшимися своими отдѣльными царьками. У нихъ не было городовъ, а отъ враговъ спасались они за своими засѣками и твердями въ лѣсахъ. Зато въ религіозномъ отношеніи они достигли довольно высокой степени развитія. Литовцы вѣрили въ цѣлый сонмъ божествъ добрыхъ и злыхъ, обожествляли силы природы; главный богъ былъ богъ грома и молніи Перкунъ, поклонялись также и душамъ покойныхъ предковъ. Посредниками между божествами и людьми служили жрецы; кромѣ того, каждая семья приносила жертвы богамъ. У литовцевъ существовали кровавыя жертвы; не только животныя приносились въ жертву, но и люди. Погребальные обряды литовцевъ были довольно сложны. Покойникъ сжигался вмѣстѣ съ конемъ, и надъ могилой его насыпалась невысокая насыпь въ видѣ плоскаго кургана. Съ нимъ вмѣстѣ, кромѣ вооруженія, погребали утварь, украшенія, и т. д. Черезъ извѣстный промежутокъ времени родичи снова собирались на могилѣ и совершали тризну.

Жили литовцы въ плохихъ, бревенчатыхъ курныхъ избахъ, то-есть безъ дымовыхъ трубъ, такъ что чадъ и дымъ отъ очага выходили въ открытыя окна и дверь. Крылись они деревомъ или соломой. Бѣдность литовцевъ какъ нельзя лучше подчеркивается и тѣми предметами украшенія, которыя находятъ въ ихъ погребеніяхъ: въ нихъ почти не встрѣчается золота и серебра, а всѣ они состоятъ изъ мѣдныхъ или желѣзныхъ издѣлій. Привозныхъ вещей очень мало. Всматриваясь въ предметы украшенія литовцевъ, нельзя не замѣтить большого сходства съ финскими: оно ясно указываетъ на то близкое общеніе, въ которомъ жили эти племена, заимствуя другъ у друга раз-

личныя формы украшеній и утвари. Занимались литовцы земледѣліемъ, скотоводствомъ, охотой, пчеловодствомъ; ремесла у нихъ были мало развиты; нѣсколько больше занимались торговлей, продавая мѣха и янтарь.

По остаткамъ украшеній и одеждъ мы можемъ возстановить почти весь костюмъ литовца: матеріаломъ для него служила такъ называемая *кольчужная ткань* — грубая матерія изъ льна или шерсти, протканная маленькими колечками мѣдными или бронзовыми какимъ либо рисункомъ, составлявшимъ опредѣленный блестящій узоръ (рис. 1). Покрой одежды не ясенъ; широкіе рукава сдерживались повыше локтя спиральными толстыми браслетами, или налокотниками (2). Широкій кожанный поясъ (3), подложенный берестой, украшался металлическими пластинками и кольцами, къ которымъ подвѣшивались разныя подвѣски на цѣпочкахъ (4), уточки (5), коньки, ножички (6) и т. д. Край одежды обшивался бахромой изъ гремящихъ спиралекъ и трубочекъ. На груди висѣла цѣлая куча различной длины цѣпочекъ (7), гривны (8), ожерелья. Одежда скалывалась фибулами, въ которыхъ преобладали арбалетныя (9), или въ видѣ пряжекъ (10). На рукахъ носились браслеты и кольца, послѣднія тоже съ привѣсками (11).

Еще болѣе сложно было убранство головы: въ волосы вплетались металлическія спиральки, которыя по нѣсколько разъ окружали голову и свѣшивались сзади, заканчиваясь кистью изъ бубенчиковъ (12). Болѣе простой уборъ составляла діадема или вѣнчикъ изъ спиралекъ, стянутыхъ мѣдными пластинками (13). Предметы вооруженія встрѣчаются довольно рѣдко и состоятъ изъ наконечниковъ стрѣлъ и копій, топоровъ, сѣкиръ.

ДРЕВНОСТИ ВОЛЖСКИХЪ БОЛГАРЪ (Табл. XII).

На Волгѣ, въ среднемъ ея теченіи, при сліяніи ея съ Камой, жили волжскіе или камскіе болгары. Это былъ народъ тюркскаго происхожденія, вѣтвь болѣе крупнаго народа, раздѣлившагося на нѣсколько частей; одна изъ нихъ переселилась на Балканскій полуостровъ, другая основалась на Волгѣ, а остальныя разсѣялись по Кавказу и южной Руси.

Придя на Волгу, болгары въ VIII в., очевидно, покорили себѣ жившихъ здѣсь до нихъ финновъ и угровъ и, смѣшавшись съ ними, основали сильное и богатое государство, со многими цвѣтущими городами.

Булгаръ, или Великій Булгаръ, какъ его называютъ наши лѣтописи, бывшій столицей государства, лежалъ на берегу Волги; недалеко отъ него, на Волгѣ же, были расположены Буваръ, далѣе на сѣверъ—Бюларъ и рядъ другихъ, болѣе мелкихъ городовъ.

Въ IX в. болгары, бывшіе до тѣхъ поръ язычниками, приняли исламъ, и вслѣдствіе этого связь ихъ съ магометанскимъ арабскимъ востокомъ, до того времени только торговая, еще болѣе усилилась. Въ Булгарѣ и другихъ городахъ появились величественныя мечети, построенныя въ арабскомъ стилѣ, изъ прекраснаго мѣстнаго бѣлаго камня, каменныя бани, которыя такъ любимы востокомъ, дворцы (рис. 1—2). Болгары славились какъ хорошіе каменщики, и впослѣдствіи русскіе князья нерѣдко приглашали ихъ въ Суздаль для постройки каменныхъ зданій. Но несмотря на это, масса населенія продолжала жить въ войлочныхъ юртахъ, къ которымъ она привыкла во время кочевій; были впрочемъ и деревянные дома. Общій видъ болгарскаго города, по словамъ арабскихъ путешественниковъ, мало отличался отъ большого калмыцкаго аула, хотя въ немъ и были красивыя мечети съ минаретами. Болгары продолжали вести полукочевой образъ жизни и съ наступленіемъ весны покидали свои города и уходили въ степи кочевать вслѣдъ за своими стадами. Кромѣ скотоводства, у нихъ процвѣтало земледѣліе; они сѣяли просо, ячмень, пшеницу, рожь, не только для себя, но и на продажу, и часто снабжали своимъ хлѣбомъ русскія области. Возможно, что земледѣліемъ занимались не сами болгары, а подчинившіеся имъ финны, у которыхъ хлѣбопашество было развито съ древнѣйшихъ временъ.

У болгаръ процвѣтали многія ремесла: такъ, они очень рано познакомились съ искусствомъ выдѣлывать кожу и производили самые тонкіе сорта ея. Но главнымъ занятіемъ болгаръ служила торговля, которую они вели въ обширныхъ размѣрахъ, являясь посредниками въ торговыхъ сношеніяхъ арабовъ, славянъ, финновъ и даже византійцевъ. Въ болгарскихъ городахъ съѣзжались арабы, руссы, византійцы; здѣсь слышалась различная рѣчь, причемъ пребываніе иноземныхъ купцовъ носило характеръ настолько постоянный, что руссы, напримѣръ, имѣли здѣсь своихъ идоловъ. Но болгары и сами заѣзжали въ далекіе арабскіе города, а равно въ Византію и Кіевъ. Они продавали кожи, хлѣбъ, мѣха, получая отъ арабовъ драгоцѣнныя издѣлія, украшенія, серебряную посуду, пряности, овощи, отъ византійцевъ—дорогую парчу или румскій дибаджъ, бусы, съ береговъ Балтійскаго моря—янтарь, съ сѣвернаго—„рыбій зубъ" (моржевые клыки), они поддерживали „нѣмую" торговлю съ дикой югрой, то есть раскладывали на условномъ мѣстѣ товары и ждали, пока туземцы не положатъ рядомъ свои; если одна изъ сторонъ не брала товаровъ, то это означало, что нужна прибавка; такъ совершалась сдѣлка, при чемъ обѣ стороны не видали другъ друга.

Въ политическомъ отношеніи болгары раздѣлялись на отдѣльныя племена, во главѣ которыхъ стояли свои начальники. Но всѣ они подчинялись царю, которому всѣ платили дань, и которому воздавались пышныя почести. Это государство, основанное въ VIII в., въ X в. стало терпѣть отъ нападеній русскихъ князей, а въ XIII в. было окончательно сломлено татарскимъ нашествіемъ, и теперь только жалкія развалины остались на мѣстѣ цвѣтущихъ городовъ, а потомки болгаръ, чуваши, представляютъ слабое и малокультурное племя.

Не много сохранилось отъ домашней утвари болгаръ; извѣстно, что въ ихъ жилищахъ вдоль стѣнъ шли нары, которыя у царя и знатнѣйшихъ лицъ покрывались дорогой парчей. При трапезахъ передъ каждымъ ставились маленькіе отдѣльные столики, но ихъ не сохранилось. Изъ посуды употреблялись деревянные черпаки, глиняные сосуды, форма которыхъ была заимствована съ востока; они употреблялись для воды, для омовеній; были у нихъ лампы. Употреблялись и металлическіе сосуды. Для жидкой пищи были ложки съ изящными изогнутыми ручками, которыя и до сихъ поръ употребляются въ той мѣстности. Приблизительно можно возстановить болгарскій костюмъ: женщины носили на головѣ широкую ременную повязку, дѣвушки — остроконечный уборъ, обшитый монетами, а замужнія—полотенце съ расшитыми концами; на грудь свѣшивались плечевыя перевязи, съ массой звенящихъ подвѣсокъ; такія же подвѣски украшали поясъ. Одеждой служила рубашка и длинный кафтанъ; одежда сплошь украшалась пестрыми узорами, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ. Обувью служили мягкіе кожаные сапоги; *ичетыги;* какъ извѣстно, еще Добрыня указывалъ Владиміру св., что болгаре „вси въ сапозѣхъ"; поверхъ этихъ сапогъ надѣвался родъ галошъ. Они носили остроконечныя валеныя шапки. Изъ украшеній носили маленькія металлическія коробочки на цѣпочкахъ, *капторги* (3). Изъ разнообразныхъ ожерелій (4) и монистъ особенно оригинальны въ видѣ золотыхъ желудей (5); это была вообще очень любимая форма — такія же подвѣски прицѣплялись къ головной повязкѣ. Въ большомъ ходу были серьги въ видѣ большой *лунницы*, съ богато украшеннымъ жемчугомъ щиткомъ (6); были серьги половецкаго типа, въ видѣ звѣзды (7), а также и кіевскаго съ тремя бусами на кольцѣ (8). Носили также и браслеты разнообразной формы: въ видѣ переплетеныхъ дротовъ (9), а также и болѣе оригинальные въ видѣ широкаго золотого обруча съ изящнымъ рельефнымъ узоромъ (10). Изъ подвѣсокъ, кромѣ лунницъ (11), носили *сюльгамы* (12); употребляли и пряжки (13). Изъ предметовъ туалетныхъ встрѣчались гребешки (14) и зеркала. Изъ предметовъ вооруженія здѣсь находятъ немного: желѣзные топоры (15 и 16), наконечники стрѣлъ, мечи.

ХАЗАРСКІЯ ДРЕВНОСТИ (Табл. XIII).

Съ IV в. въ степяхъ южной Россіи смѣняются одни другими племена кочевниковъ, которые, придя изъ глубины Азіи, страшнымъ ураганомъ проносятся надъ мирными селеніями и исчезаютъ, оставивъ болѣе или менѣе продолжительный слѣдъ.

Первыми изъ такихъ кочевниковъ появляются въ IV в. гунны; въ V в. ихъ смѣняютъ авары, или обры, которые подчиняютъ себѣ нѣкоторыя изъ славянскихъ племенъ, такъ что память о нихъ жестокости долгое время жила въ преданіи народномъ. Въ VIII в. покоренные народы возмутились и свергли ихъ владычество.

Послѣ того начинаетъ усиливаться на востокѣ новое царство—хазарское, или хазарскій каганатъ. Въ разцвѣтѣ могущества владѣнія хазарскаго каганата простирались отъ Днѣпра до Волги и отъ Закавказья до Оки; поляне, сѣверяне, вятичи, радимичи платили имъ дань. Но въ IX в. хазары начинаютъ страдать отъ натиска новыхъ кочевыхъ ордъ на востокѣ, съ запада же ихъ тѣснятъ русскіе князья, а въ X в. Святославъ наноситъ имъ окончательный ударъ. Каганатъ распадается, и память о нѣкогда сильныхъ хазарахъ остается лишь въ названіи Каспійскаго моря—„Хазарскаго“.

Хазары не были народомъ опредѣленной національности, въ каганатѣ смѣшалось населеніе различнаго происхожденія; не было здѣсь и опредѣленной религіи и господствовала полная вѣротерпимость; даже судьи были отдѣльные для христіанъ, магометанъ, евреевъ и язычниковъ. Только каганъ долженъ былъ исповѣдывать іудейство. У хазаръ было много богатыхъ городовъ—Итиль при устьи Волги, Саркелъ, называемый лѣтописью Бѣлая Вежа, Баланджаръ, Семендеръ, Колимедзы, Саксинъ, но съ наступленіемъ весны жители городовъ съ пѣніемъ и ликованіемъ выходили въ степи къ своимъ стадамъ и проводили лѣто, кочуя по равнинамъ. Кромѣ скотоводства, они занимались садоводствомъ, земледѣліемъ, но главнымъ занятіемъ служила торговля, которую они вели въ обширныхъ размѣрахъ, служа посредниками въ сношеніяхъ Руси, арабовъ, византійцевъ и Персіи, такъ что вся торговля востока была въ ихъ рукахъ. Но несмотря на это, хазары оставили не много памятниковъ; города ихъ были разрушены, такъ что теперь даже не легко найти мѣста ихъ, и только немногіе могильники сохранились на территоріи каганата. Они также заключаютъ предметы, свидѣтельствующіе о полукочевомъ бытѣ обладателей ихъ. Таковы Верхне-Салтовскій и Зливкинскій могильники на Донцѣ.

Погребались покойники въ катакомбахъ по нѣсколько въ одной, при чемъ иногда руки ихъ были тѣсно соединены. Въ головахъ ставились глиняные сосуды (рис. 1), рѣдко стеклянные, шарообразные, съ тонкимъ горлышкомъ (2), или въ видѣ кружки (3).

Съ мужчинами клалось оружіе, съ женщинами—дорогія украшенія. Среди оружія видимъ узкіе длинные топоры, съ вытянутыми обухами (4), или же съ широкими. Есть подобіе сѣкиры (5), ножи, орудія вродѣ палицы (6), черенковыя стрѣлы различной формы, изрѣдка сабли (7). Всѣ эти предметы дѣлались изъ желѣза.

Въ особенности разнообразны предметы украшеній: одежда женщинъ зашивалась штампованными бляшками, украшалась подвѣсками, бубенцами, которыми обшивался воротъ платья. Также украшались обувь и пояса. Для подвѣсокъ очень любили мотивъ въ видѣ головки сокола, круга или квадрата съ конькомъ посрединѣ (8). Въ ушахъ носили серьги—въ видѣ кольца съ пирамидальной подвѣской изъ шариковъ (9—10) и иныя, на рукахъ браслеты (11) и перстни съ камнями или стекломъ. Но особенно любили ожерелья изъ бусъ, изъ стекла, камня, смальты*), къ нимъ подвѣшивали монеты и спиральки (12). Ожерелья находятъ въ самыхъ бѣдныхъ погребеніяхъ.

Въ большомъ количествѣ употреблялись металлическія зеркала, хорошо полированныя съ одной стороны и украшенныя орнаментомъ и ушками для подвѣски, съ другой (13). Украшенія были изъ серебра, золота и бронзы. Въ стилѣ вещей и въ самомъ выборѣ предметовъ замѣчается большое сходство съ вещами сѣвернаго Кавказа. Вообще въ хазарскихъ древностяхъ нѣтъ опредѣленнаго оригинальнаго стиля, какъ не было и опредѣленной національности.

*) Смальтой называется стекловидная масса.

КОЧЕВНИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ (Табл. XIV).

Ослабленіе хазарскаго каганата открываетъ путь въ южно-русскія степи новымъ племенамъ тюркскихъ кочевниковъ: печенѣгамъ, торкамъ и половцамъ. Печенѣги долгое время жили между Волгой и Ураломъ и стремились пробиться далѣе на западъ, тѣснимые съ востока торками, которые, въ свою очередь, страдали отъ натиска половцевъ. Наконецъ, въ 70—80-хъ годахъ IX в. печенѣги прорвались черезъ владѣнія хазаръ и, разгромивъ угровъ, поселились между Дономъ и Дунаемъ. Отсюда они производили набѣги на русскія селенія, жгли ихъ, грабили, уводили жителей въ плѣнъ. Князья вели съ ними непрерывную борьбу, предпринимая походы на нихъ, строя города и укрѣпленія. Наконецъ, въ 1034 г. они потерпѣли рѣшительное пораженіе подъ стѣнами Кіева; тѣснимые кромѣ того торками, они уходятъ на западъ, на Балканскій полуостровъ, часть же ихъ остается и сливается съ новыми пришлецами—торками, или узами. Но недолго длилось ихъ владычество,—въ 50-хъ годахъ XI в., ихъ тѣснятъ съ востока половцы, и торки отъ нихъ уходятъ вслѣдъ за печенѣгами на Балканскій полуостровъ. Часть торковъ мѣняетъ кочевой образъ жизни на осѣдлый, поселяется въ Поросьи и не только вступаетъ въ мирныя отношенія съ славянскими сосѣдями, но оказываетъ имъ большую помощь въ борьбѣ съ половцами. Лѣтопись зоветъ такихъ осѣдлыхъ торковъ Черными Клобуками.

Изъ всѣхъ кочевниковъ половцы были самыми многочисленными, сильными и жестокими и отъ нихъ русскому населенію пришлось болѣе всего страдать, тѣмъ болѣе, что въ это время постоянныя междуусобія князей раздирали землю русскую, и князья не стыдились призывать на помощь половцевъ, которые одни лишь получали выгоды. Долго господствовали они въ степяхъ, пока въ XIII в. не надвинулись съ востока еще болѣе сильные кочевники, татары. Подъ ихъ натискомъ половцы покинули южно-русскія степи, часть ихъ выселилась въ Закавказье, часть скрылась на Балканскомъ полуостровѣ, часть поселилась въ Венгріи, часть же осталась въ русскихъ степяхъ и слилась съ черными клобуками.

Всѣ эти племена: печенѣги, торки и половцы, по всей вѣроятности, были родственнаго происхожденія, на что указываетъ между прочимъ и сходство въ ихъ обычаяхъ, образѣ жизни, культурѣ. Они не имѣли ни селъ, ни городовъ (исключая черныхъ клобуковъ), жили разбоемъ, скотоводствомъ. Лошадь, кибитка для женъ и дѣтей и оружіе—вотъ все ихъ богатство. Язычники сначала, они позже начали принимать христіанство и по православному, и по католическому обрядамъ, а также и магометанство. Немудрено, что эти народы, стоящіе столь невысоко въ культурномъ отношеніи, оставили по себѣ такъ мало памятниковъ. Даже погребенія свои они помѣщали, или „впускали“ въ старые, по большей части скиѳскіе курганы. Въ такихъ курганахъ погребались только мужчины, женскихъ погребеній еще не найдено. Погребались покойники въ полномъ вооруженіи, съ конемъ; иногда коня заводили въ могилу и тамъ убивали, иногда же разрубали на части и раскладывали ихъ въ извѣстномъ порядкѣ. Вооруженіе кочевника составляли: кривая сабля (рис. 1), лукъ, стрѣлы (2 и 3), колчанъ, или продолговатый, или же въ видѣ большого кельта, и копье. Они носили кольчугу (4), и остроконечный шишакъ (5). Женскія украшенія состояли изъ серегъ, такъ называемаго *половецкаго типа*, въ видѣ кольца съ звѣздообразною подвѣской (6 и 7), перстней, браслетовъ. Женщины очень любили разнаго рода подвѣски, которыми украшали одежды (8 и 9), ожерелья, бляшки; одежду скалывали фибулами (10 и 11). Платья обшивались золотыми позументами; въ большомъ употребленіи были византійскія парчи, или паволоки. Обувь носили кожаную. Изъ предметовъ утвари встрѣчаются глиняныя чашки, по большей части деревянныя ведра и другіе сосуды.

Что касается характера вещей, то въ нихъ нѣтъ ничего оригинальнаго, присущаго только данному народу; все это встрѣчалось и ранѣе въ древностяхъ другихъ народностей, многое сходно съ скиѳскими и готскими, а еще болѣе съ древностями востока. Характерными предметами принесенными въ южную Россію кочевниками, можно считать только развѣ изогнутыя сабли.

Особенностью кочевническихъ погребенiй являются каменныя, грубо сдѣланныя фигуры мужскiя и женскiя, которыя ставили кочевники на вершинахъ кургановъ, почему долгое время считали, что фигуры эти были поставлены тѣмъ народомъ, который насыпалъ курганъ, то есть скиѳами, но въ настоящее время доказано, что ставили ихъ тѣ, которые „впускали" свои погребенiя, то есть кочевники. Фигуры эти въ большомъ количествѣ находятся въ южно-русскихъ степяхъ, и въ народѣ называютъ ихъ каменными бабами (13 и 14).

ДРЕВНОСТИ ХЕРСОНЕСА И ВИЗАНТIИ (Табл. XV).

Съ усиленiемъ Византiйской имперiи, въ V в., ей подчиняются города сѣвернаго побережья Чернаго моря, бывшiе сначала греческими колонiями, а потомъ подпавшiе подъ власть варваровъ и порвавшiе связь съ метрополiей. Главнымъ городомъ Черноморскаго побережья въ это время становится Херсонесъ или Корсунь. Здѣсь стоялъ византiйскiй гарнизонъ, строились величественные храмы и дворцы частныхъ лицъ. Херсонесъ поддерживалъ непрестанныя сношенiя съ Константинополемъ, велъ большую торговлю съ различными народами, и въ его стѣнахъ сходились разноязычныя толпы людей: и арабы, и хазары, и русскiе славяне, а позже и печенѣги, принимавшiе участiе въ торговыхъ сношенiяхъ херсонесцевъ съ Русью. Но Херсонесъ являлся не только передаточнымъ пунктомъ въ торговлѣ Византiи съ варварскими народами—онъ, служилъ проводникомъ и миссiонерской дѣятельности имперiи, такъ какъ изъ него расходились миссiонеры въ разные концы, неся свѣтъ Христова ученiя и зачатки византiйской культуры.

Въ X в. Владимiръ св. беретъ Корсунь; не важно, дѣйствительно ли онъ крестился тамъ, какъ разсказываетъ древняя легенда, или же принялъ христiанство ранѣе, какъ доказываютъ нѣкоторые ученые; безспорно остается одно—что онъ увезъ оттуда иконы, церковные сосуды, мощи святыхъ; съ нимъ поѣхали и священники, которые должны были крестить Русь и стать первыми наставниками и учителями ея. За ними потянулась вереница разнаго рода мастеровъ, архитекторовъ, каменщиковъ, ювелировъ, и другихъ искусниковъ. Этимъ еще болѣе упрочивалась духовная и культурная связь Руси съ Херсонесомъ. Яркимъ показателемъ того влiянiя, которое оказывалъ Херсонесъ на нашихъ предковъ, можетъ служить то, что долгое время все красивое, выдающееся называли „корсунскимъ", даже если въ дѣйствительности оно и не было привезено изъ Корсуни, и лишь позже стали это названiе замѣнять „Цареградскимъ".

Въ Херсонесѣ было много храмовъ, которые сохранили черты первоначальнаго византiйскаго стиля. Прототипомъ для византiйскихъ храмовъ послужила длинная *базилика*, раздѣленная двумя рядами колоннъ на три продольныхъ части или три корабля. Съ восточной стороны эти нефы, или корабли заканчивались полукружiями, или *абсидами*, ихъ бывало три (рис. 1), по числу нефовъ, или одна только по срединѣ (2). Съ теченiемъ времени этотъ типъ храма подвергался измѣненiямъ—зданiя дѣлаются все болѣе широкими и короткими; съ VI вѣка начинаютъ возводить надъ центромъ зданiя куполъ, который опирался сначала на 4 арки; позже, по угламъ зданiя пристраиваютъ еще 4 купола, иногда число ихъ доходитъ до двѣнадцати. Для приданiя зданiю легкости, купола строятъ на высокихъ барабанахъ*). Отличительной чертой византiйскаго искусства была цѣльность общаго впечатлѣнiя, единство всѣхъ частей—все зданiе точно стремится къ главному куполу, и, вмѣстѣ съ нимъ, въ высоту.

Внутреннiй видъ храмовъ значительно отличался отъ современныхъ: главнымъ отличiемъ было то, что алтарь отдѣлялся отъ средней части храма невысокой, мраморной алтарной преградой, которая замѣняла современные иконостасы. Вслѣдствiе этого молящимся была видна роспись алтаря. Въ тѣ моменты, когда присутствующiе въ храмѣ не должны были видѣть священнодѣйствiя, алтарь задергивался длинной завѣсой. Стѣны храма покрывались фресковой живописью или мозаикой.

*) Мы приводимъ, какъ образецъ храма византiйскаго стиля, видъ собора св. Вардiя въ Солунѣ X в. (3).

Фресками называется роспись по непросохшей штукатуркѣ—сначала острымъ орудіемъ наводятъ контуры, а потомъ уже зарисовываютъ ихъ особыми красками. *Мозаика* представляетъ очень сложное и трудное искусство—оно состоитъ въ томъ, что картина выкладывается небольшими разноцвѣтными кубиками, стеклянными, каменными, смальтовыми, которые утверждаются на цементѣ (3). Полъ въ храмахъ дѣлался тоже мозаичный—изъ плитокъ мраморныхъ или другого камня, которыя укладывались какимъ либо узоромъ.

Русскіе славяне заимствовали въ Корсуни какъ архитектуру храмовъ, такъ и характеръ внутренняго убранства ихъ.

Если велико было вліяніе Херсонеса и вообще Византіи на Русь въ области церковнаго строительства, то не меньше было оно и въ предметахъ украшенія, костюма и всякаго рода домашней утвари. Трудно опредѣлить точно, когда начались сношенія русскихъ славянъ съ Херсонесомъ, но, всматриваясь въ тѣ предметы украшенія, которые находятъ въ развалинахъ этого города, поражаешься удивительнымъ сходствомъ съ славянскими украшеніями древнѣйшаго языческаго періода. Такъ, въ Херсонесѣ носили серебряныя *височныя кольца*, прикрѣплявшіяся къ головной повязкѣ и спускавшіяся иногда въ нѣсколько ярусовъ (4), множество бусъ: каменныхъ, стеклянныхъ, смальтовыхъ, преимущественно съ узоромъ въ видѣ непрерывныхъ листьевъ или глазковъ (5 и 6), стеклянные, какъ бы витые браслеты (7), серебряные бубенчики, множество мелкихъ пряжекъ (8, 9 и 10) и т. д. Всѣ подобные предметы далеко разносились торговлей и часто встрѣчаются въ славянскихъ курганахъ.

Но особенно интересны спеціально византійскія издѣлія, уже болѣе поздней поры, не встрѣчающіяся прежде; предметы, на которыхъ отразилось вліяніе востока, преимущественно Сиріи. Таковы сложныя серьги, или *колты*. Такъ называются золотыя или серебряныя коробочки, состоящія изъ двухъ щитковъ, съ дужкой, съ помощью которой онѣ подвѣшивались къ головной повязкѣ, Внутрь, черезъ оставшуюся открытой щель, вкладывали надушенную вату; качаясь отъ движеній головы, колтъ терся о волосы и душилъ ихъ (11). Они дѣлались очень красивыми, украшались камнями, жемчугомъ, *перегородчатой эмалью*. Съ X в. въ Византіи начинаетъ распространяться это искусство, примѣнявшееся сначала только къ предметамъ церковнаго обихода, а позже ставшее любимымъ украшеніемъ драгоцѣнныхъ вещей. Оно заключалось въ слѣдующемъ: эмальеръ бралъ золотой листикъ и загибалъ его края, придавая желаемую форму, затѣмъ на этомъ лоточкѣ чертилъ контуръ рисунка и по этому контуру укрѣплялъ золотую ленточку ребромъ. Въ полученныя пространства между перегородочками сыпалъ эмалевый порошокъ различныхъ цвѣтовъ и ставилъ на огонь. Подъ дѣйствіемъ огня эмаль расплавливалась. Тогда, по охлажденіи, вещь полировали. При малѣйшей небрежности мастера, издѣліе утрачивало всю красоту—могли прорваться ленточки, и эмаль смѣшалась бы; при этомъ различные сорта эмали требовали неодинаковой температуры для расплавливанія, и болѣе чуткіе могли потерять яркость и потемнѣть. Шлифовка тоже требовала большого искусства. Чѣмъ опытнѣе былъ мастеръ, тѣмъ болѣе тонкія ленточки клалъ онъ и тѣмъ вся вещь была тоньше и изящнѣе. Такъ украшались колты, діадемы, вѣнцы, образки, медальоны, кресты и т. д. Вообще, этого рода украшенія, яркія, блестящія, пестрыя были очень любимы византійцами.

Излюбленнымъ мотивомъ украшеній становятся райскія птицы, сирины—птицы съ головой женщины, грифоны и все болѣе и болѣе входящій въ моду цвѣтокъ полевой лиліи или *кринъ*. Эти мотивы видимъ на парчѣ (12, 13, 14), на золотыхъ и серебряныхъ вещахъ, на посудѣ. Можно отмѣтить еще одну особенность византійскаго быта: предметы личнаго убора свѣтскихъ людей, какъ мужчинъ, такъ и женщинъ, очень часто украшаются священными изображеніями: образками Спасителя, святыхъ. Кромѣ того, не только духовные, но и свѣтскіе люди носили на груди большіе кресты—*энколпіоны*, состоявшіе изъ двухъ половинокъ, между которыми клалась частица мощей. Верхняя половина украшалась рельефомъ или эмалью. Всѣ эти вещи, весь этотъ византійскій пошибъ, Корсунь передавалъ сосѣдившимъ съ нимъ народамъ, служа, по выраженію одного изслѣдователя, культурнымъ мостомъ между варварскими народами и Византіей.

ДРЕВНОСТИ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНІЯ. (Табл. XVI).

Первые признаки присутствія славянъ на территоріи нашей родины усматриваютъ нѣкоторые археологи въ очень оригинальной культурѣ, обнаруженной на югѣ Россіи, главнымъ образомъ въ губерніяхъ Кіевской, Черниговской, Волынской, Харьковской, Подольской, а также и нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ юга и юго-запада Россіи. Открыта она только въ послѣднее время, уже въ XX в., и до сихъ поръ еще границы распространенія ея не могутъ считаться прочно выясненными. Что касается времени существованія ея, то оно опредѣляется находимыми вещами приблизительно отъ II и до V в. нашей эры. Она извѣстна подъ названіемъ культуры *полей погребальныхъ урнъ* и характеризуется погребеніями покойниковъ, или же сожженнаго праха, безъ всякихъ могильныхъ насыпей. Пепелъ отъ сожженія помѣщали въ сосуды, при чемъ, кромѣ того, въ могилѣ обыкновенно находятъ по нѣсколько сосудовъ меньшей величины, числомъ отъ трехъ до пятнадцати. Нерѣдко меньшіе сосуды вкладывались въ бо́льшіе. Эти сосуды отличаются очень хорошей выдѣлкой—глина хорошо размѣшана, стѣнки ихъ гладко выглажены, точно полированы, сдѣланы они съ помощью гончарнаго круга. Эти сосуды имѣютъ очень характерную форму – или въ видѣ разлатыхъ мисокъ, или урнъ (рис. 1), иногда съ ушками по сторонамъ, иногда безъ нихъ. Встрѣчаются урны въ видѣ прямыхъ боченковъ, съ рельефными полосами, какъ бы обручами на поверхности (2). Были сосуды въ видѣ глубокаго блюда (3), а также въ формѣ кувшинчика съ ручками или безъ ручекъ (4). Цвѣтъ глины большею частью сѣрый, или черный. Поверхность сосуда украшалась или линейнымъ орнаментомъ, или выпуклымъ, въ видѣ шишекъ (5), а также и болѣе сложными узорами, сдѣланными штампомъ. Такъ, встрѣчаются орнаменты въ видѣ круговъ, или крестовъ (6). Гораздо болѣе рѣдкими были сосуды стеклянные, которые, вѣроятно въ противоположность глинянымъ, не выдѣлывались уже на мѣстѣ, а были привозными; стеклянная посуда большею частью груба, массивна. Она тоже украшалась выпуклымъ орнаментомъ въ видѣ линій и шишекъ (7 и 8).

Кромѣ сосудовъ, въ находкахъ этой культуры встрѣчаются въ огромномъ количествѣ бусы, довольно разнообразныя по матеріалу и типамъ: есть каменныя, сердоликовыя, янтарныя, коралловыя, а также стеклянныя и смальтовыя Изъ послѣднихъ особенно интересны четырехгранныя съ глазками (9), а также съ разводами въ видѣ непрерывныхъ линій—мотивъ, такъ часто встрѣчающійся на бусахъ Херсонеса и на древне-греческихъ и финикійскихъ сосудахъ (10); интересны бусы изъ просверленныхъ раковинъ (11).

У насъ нѣтъ никакихъ данныхъ для того, чтобы представить внѣшній видъ людей, оставившихъ эту культуру; сохранились кое гдѣ при погребеніяхъ обрывки истлѣвшей ткани, но по нимъ нельзя даже представить ея вида. Одежды были, вѣроятно, широкія, такъ какъ скалывались фибулами, которыя находятъ въ большомъ количествѣ. Онѣ преимущественно бронзовыя, рѣже встрѣчаются желѣзныя; формой своей онѣ походятъ на римскія, арбалетныя (12—13); рѣже встрѣчаются фибулы въ видѣ бляхъ съ иглою (14). Встрѣчаются и маленькія пряжечки съ язычкомъ (15). Въ орнаментаціи какъ фибулъ, такъ и многочисленныхъ подвѣсокъ замѣтно пристрастіе къ прорѣзямъ, свойственное готскому стилю, а также и примѣненіе выпуклаго орнамента—*пунктира* или *зерни* (16—17). На нѣкоторыхъ вещахъ видны слѣды инкрустацій серебромъ и даже эмалью.

Кромѣ предметовъ украшенія, здѣсь встрѣчаются довольно часто небольшіе костяные *гребешки*, съ полукруглой верхней частью. Нерѣдко они украшались маленькими бронзовыми гвоздиками (18). Есть указанія на то, что люди этой эпохи вели осѣдлый образъ жизни; вѣроятно, занимались земледѣліемъ: находятъ серпы. Они знали, слѣдовательно, хлѣбныя растенія; послѣднему подтвержденіемъ можетъ служить нахожденіе въ сосудахъ неистлѣвшихъ перегорѣвшихъ зеренъ какой то крупы, вѣрнѣе всего проса. На занятіе пряжей указываютъ часто встрѣчающіяся пряслицы, грузила же говорятъ или о тканьѣ, или о рыболовствѣ. Встрѣчаются также желѣзные ножи.

Интереснымъ является то обстоятельство, что этотъ народъ, видимо, велъ сношенія съ далеко лежащими странами—такъ типъ бронзовыхъ фибулъ указываетъ, что онѣ являются подражаніемъ римскимъ образцамъ; многіе сосуды, особенно стекляные, вѣроятно, были привозимы изъ греческихъ колоній; наконецъ, въ погребеніяхъ не разъ были находимы римскія монеты. Кромѣ того, характерно слѣдующее обстоятельство: въ бассейнѣ Оки изрѣдка встрѣчаются сосуды, техникой выдѣлки и орнаментомъ сходные съ сосудами полей погребенія, такъ что является увѣренность, что между населеніемъ, оставившимъ поля погребенія, и жителями бассейна Оки велись сношенія, въ результатѣ которыхъ болѣе совершенныя издѣлія первыхъ оказались занесенными на сѣверъ. Но сосудами не ограничивается заимствованіе: въ могильникахъ Рязанской губ., оставленныхъ финнами, были найдены арбалетныя фибулы полей погребенія. Все это наводитъ на то, что народъ, оставившій поля погребальныхъ урнъ, не жилъ замкнутой жизнью, а поддерживалъ сношенія съ другими народами.

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Древнѣйшая исторія русскихъ славянъ дѣлится на два періода: *языческій*, и *христіанскій*. Предметы перваго періода, начиная съ VII в. доставляются, главнымъ образомъ, погребальными курганами, въ которыхъ наши предки, славяне, имѣли обычай погребать или покойниковъ, или же пепелъ отъ сожженія покойника. Вмѣстѣ съ умершимъ полагалось все, что по вѣрованіямъ славянъ могло понадобиться ему въ загробной жизни: пища, утварь, рабы, оружіе, украшенія и т. д. Благодаря этому, раскопки кургановъ рисуютъ иногда довольно полно жизнь того времени: на этомъ основаніи языческій періодъ называется также курганнымъ. Съ принятіемъ христіанства, обычай хоронить въ курганахъ мало по малу выводится, равно какъ и обычай снабжать покойника предметами домашней утвари, и христіанскія погребенія уже не даютъ такой полной картины быта. Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается разница и въ составѣ древностей того и другого періодовъ, и въ характерѣ издѣлій, и въ матеріалѣ, служившимъ для нихъ. Главную массу памятниковъ курганнаго періода составляютъ различнаго рода мужскія и женскія украшенія; оружіе и предметы утвари попадаются гораздо рѣже. Въ этихъ украшеніяхъ обращаетъ вниманіе слѣдующее: матеріаломъ для нихъ служитъ бронза и низкопробное серебро, золота почти нѣтъ. Въ этихъ вещахъ господствуетъ *скань или филигрань**) орнаментъ *пунктиромъ*, *зернь*, или, рѣже, *чеканъ*.

Древности слѣдующаго, христіанскаго или великокняжескаго періода, охватываютъ промежутокъ времени отъ X до XII в. Главнымъ образомъ матеріалъ для изученія быта славянъ этого времени доставляютъ раскопки на территоріи городовъ и другихъ поселеній, а также случайныя находки кладовъ, въ которыхъ населеніе прятало драгоцѣннѣйшія вещи отъ набѣговъ печенѣговъ и половцевъ. Въ находкахъ этого времени встрѣчаемъ попрежнему много украшеній, но теперь они значительно красивѣе, дороже и изящнѣе. Сравнительно съ находками курганнаго періода памятники великокняжескаго періода указываютъ на болѣе высокую культуру, на болѣе сложный, утонченный бытъ. Матеріаломъ для украшеній служитъ теперь золото и попрежнему серебро.

Древняя культура русскихъ славянъ отражаетъ на себѣ сильное вліяніе тѣхъ отдаленныхъ народовъ, съ которыми древніе руссы имѣли торговыя связи. Торговыя сношенія открывали доступъ иноземнымъ вліяніямъ, которыя, смѣняясь одно другимъ, окрашивали тотъ или иной періодъ славянской культуры, такимъ образомъ въ памятникахъ древнихъ руссовъ можно отличить вліяніе трехъ различныхъ культуръ: арабскаго востока, Византіи и Скандинавіи и, частью, Западной Ев-

*) *Филигранью* называется работа изъ скрученной серебряной или золотой нити; она бываетъ двухъ родовъ—или мелкихъ зеренъ, которыя загибаютъ щипчиками и такъ получаются бордюры, что и называется зернью, или же работа изъ нити, которою обматывается вещь, или на поверхности ея выкладывается узоръ. Особенно красива работа изъ двухъ ссученныхъ въ веревочку нитей. Эту веревочку сплющиваютъ молоткомъ, и тогда верхняя каемка ея даетъ какъ бы зернь. Такую сплющенную веревочку утверждаютъ ребромъ такъ, чтобы вверхъ приходилась каемка съ зернью. Иногда филигрань дѣлалась ажурная, накладывались сканные узоры въ два ряда почему верхній рядъ точно висѣлъ въ воздухѣ.

ропы. Самымъ древнимъ изъ этихъ вліяній было арабское, которое обусловливалось интенсивной торговлей Руси съ арабами, какъ при посредствѣ хазаръ, такъ и непосредственной. Яркимъ показателемъ оживленности торговаго обмѣна служитъ множество арабскихъ монетъ съ VI по XI в.в., находимыхъ на территоріи Россіи. Въ курганахъ, кромѣ монетъ, находятъ большое количество издѣлій арабской промышленности: сосуды, блюда (табл. XXI, рис. 4, лампочка съ бирюзой), золотыя и серебряныя украшенія, кольца, браслеты, серьги (XVII, 11), множество бусъ, къ которымъ арабскіе диргемы нерѣдко служили подвѣсками (XVII, 20). Но помимо вещей арабской промышленности, мы встрѣчаемъ предметы мѣстнаго производства, носящіе слѣды арабской культуры, но воспринятой давно, вошедшей въ сознаніе мастера и переработанной имъ (XXIV, 4 и 5 серьги кіевскаго типа, подражаніе восточнымъ; XXI, оправа турьяго рога). Наибольшій расцвѣтъ восточнаго вліянія падаетъ на VIII в., затѣмъ оно ослабѣваетъ, и на рубежѣ XI в. прекращается. Это объясняется прекращеніемъ торговли съ арабами, что прекрасно подтверждается отсутствіемъ арабскихъ монетъ. Причиной этого явленія послужили съ одной стороны паденіе хазарскаго халифата, съ другой—нахожденіе арабами другого болѣе близкаго пути для сношеній съ Западной Европой.

Параллельно съ арабскимъ вліяніемъ начинаетъ распространяться вліяніе византійское, въ которомъ можно отличить два періода: Корсунскій, когда сношенія съ греками велись черезъ Корсунь (Херсонесъ), и Цареградскій, съ середины IX в., когда они ведутся непосредственно съ Константинополемъ, что подтверждается рядомъ торговыхъ договоровъ. Уже въ древностяхъ курганнаго періода поражаетъ сходство съ предметами, находимыми въ Корсуни: бусы, пряжки, бубенчики, височныя кольца (XV), въ христіанскій же періодъ византійское вліяніе достигаетъ апогея своего развитія и окрашиваетъ этотъ періодъ также, какъ арабское окрашивало предшествующій. Изъ Византіи идутъ предметы роскоши, паволоки, золотыя и серебряныя вещи, дорогіе сосуды, такъ что долгое время названіе „корсунскаго“, а позже „цареградскаго“, служило обозначеніемъ всего красиваго и дорогого. Но византійское искусство, какъ и арабское, не только снабжаетъ Русь своими произведеніями, но и оказываетъ вліяніе на искусство русское, такъ какъ русскіе мастера заимствуютъ у грековъ и технику производства, и стиль вещей. Такъ къ прежнимъ чеканнымъ и сканнымъ издѣліямъ присоединяется перегородчатая эмаль, которая получаетъ у насъ широкое распространеніе. Византійское вліяніе сказывалось на всѣхъ сторонахъ быта: на одеждахъ (XXII—XXIII), на утвари (XXI), украшеніяхъ (XXIV—XXV). Принятіе христіанства открываетъ еще болѣе широкій путь этому вліянію, и оно долго господствуетъ въ церковномъ искусствѣ, въ архитектурѣ (XXXI—XXXVI), церковной утвари (XXXIX,) стѣнописи (XXXII, XXXIII, XXXVIII), гдѣ оно удерживается долѣе всего (см. вып. II), а также въ письменности (XL—XLI).

Теперь намъ остается разсмотрѣть вліяніе западной культуры. Раньше всего славяне вступаютъ въ сношенія съ скандинавами, или норманами, но тѣмъ не менѣе вліяніе Скандинавіи на славянъ было очень не велико, даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя были наиболѣе подвержены этому вліянію—Старая Ладога, вообще сѣверо-восточный раіонъ Россіи. Вліяніе это ограничивалось особой формы фибулами, встрѣчаемыми на территоріи славянъ и финновъ (табл. X, 20), да варяжскими мечами съ прямымъ клинкомъ и орнаментированной рукоятью (XXVI). Какъ письменные источники, такъ и нахожденіе монетъ указываютъ, что уже въ древнѣйшій періодъ Скандинавіей не ограничивались торговыя сношенія Руси съ Западной Европой, они поддерживались съ Германіей, Польшей, Франціей, Англіей, но ввозъ товаровъ изъ этихъ странъ былъ не великъ и уступалъ вывозу (мѣха, воскъ и т. д.). Конечно, можно отмѣтить вліяніе Западной Европы, но оно было болѣе сильно въ областяхъ восточной Россіи (Новгородъ, Псковъ, Смоленскъ) (XXXIX, лжица новгород. собора или XXXVIII, врата Новгород. собора). Но слѣды западнаго вліянія встрѣчаются и много восточнѣе: даже въ Владиміро-Суздальскую землю заѣзжали нѣмецкіе мастера, и лѣтописецъ отмѣчаетъ, какъ явленіе незаурядное, что при постройкѣ Суздальскаго собора не искали „мастеровъ отъ нѣмецъ“. Въ поясненіи къ табл. XXXIV—XXXV мы подробнѣе укажемъ слѣды западнаго вліянія на церковную архитектуру.

Намѣтивъ эти отличительныя черты памятниковъ курганнаго и великокняжескаго періодовъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи мы выдѣляемъ въ двѣ отдѣльныя группы только предметы украшеній, одежду же, вооруженіе, утварь и т. д., хотя въ нихъ и была разница, будемъ разсматривать вмѣстѣ, потому что данныя для характеристики перваго періода въ этихъ памятникахъ очень недостаточны.

ДРЕВНОСТИ КУРГАННАГО ПЕРІОДА. (Табл. XVII).

Свѣдѣнія, которыми мы располагаемъ относительно внѣшности древнѣйшихъ славянъ, очень скудны, такъ какъ въ курганахъ сохранились только металлическія вещи, оружіе и украшенія, свидѣтельства же иностранныхъ писателей крайне отрывочны и неточны. Подробнѣе всего описываетъ наружность славянъ арабскій писатель X в. Ибнъ-Фадланъ, видѣвшій ихъ въ Булгарѣ. По его словамъ, онъ не видалъ „болѣе совершенныхъ членами людей"; по его описанію они „точно пальмовыя деревья; они рыжи". Одежда богатаго русса состояла изъ широкихъ шароваръ, куртки, кафтана, изъ дибаджа, родъ византійской парчи, застегивавшагося золотыми пуговицами, носокъ и сапогъ. На головѣ руссы носили шапки, опушенныя мѣхомъ, съ парчевымъ верхомъ. Бѣдные руссы, по его словамъ, носили только широкій плащъ, накидывавшійся на одно плечо и оставлявшій свободною правую руку. Они никогда не разставались съ оружіемъ, состоявшимъ изъ широкаго меча, съ волнообразнымъ клинкомъ, ножа и сѣкиры.

Женскаго наряда онъ не описываетъ, говоритъ только, что женщины носили на груди металлическую коробочку, къ которой привѣшивался на кольцѣ ножъ, и металлическія гривны — чѣмъ богаче былъ мужъ, тѣмъ больше обручей носила его жена.

Онъ указываетъ также на любовь русскихъ женщинъ къ зеленымъ глиняным бусамъ, за которыя мужья платили по диргему, очень крупной по тому времени монетѣ, за штуку. Нѣсколько позже византійскій писатель, Левъ Дьяконъ, такъ описываетъ одежду Святослава, не отличавшагося въ своей жизни отъ простыхъ воиновъ: на немъ была бѣлая полотняная одежда, такая же, какъ на его дружинникахъ, и только въ ухѣ его блестѣла серьга съ рубиномъ и жемчужинами. Волосы на головѣ были или выбриты, или гладко выстрижены, и былъ оставленъ только длинный клокъ— знакъ княжескаго происхожденія.

Зато курганныя находки даютъ богатѣйшую картину разнообразныхъ украшеній, которыя были такъ любимы славянами. Украшенія головы были очень сложны—женщины носили волосы или распущенными, или заплетенными въ косы, перевитыя шнурками. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ украшали ихъ металлическими кольцами, скрученными спиралью, въ которыя продѣвались пряди волосъ. На голову надѣвалась повязка изъ матеріи или кожи, въ которую по бокамъ продѣвались *височныя кольца* Этотъ родъ украшеній одинаково носился и мужчинами, и женщинами. Височныя кольца были различныхъ типовъ, или въ видѣ гладкихъ колецъ, или въ видѣ кольца съ крючкомъ (рис. 1): такія же кольца мы видѣли въ Херсонесѣ. Типичнымъ для славянъ является кольцо въ видѣ буквы латинской S (2). Часто сцѣпливали по нѣсколько колецъ вмѣстѣ, или же къ кольцу подвѣшивали подвѣски, спускавшіяся до самыхъ плечъ (3). Женщины на голову надѣвали металлическій *вѣнчикъ*, бронзовый или серебряный (4—5), а также повязки съ нашитыми металлическими скобками (6). Серьги носили и женщины, и мужчины, съ той лишь разницей, что мужчины носили по одной серьгѣ. Ихъ дѣлали различныхъ типовъ: въ видѣ проволочнаго кольца съ бусой (7), въ видѣ кольца съ тяжелой подвѣской изъ двухъ конусовъ (8), со сложной подвѣской, украшенной зернью (9); въ средней Россіи было много серегъ грубой формы съ семилепестной подвѣской (10), которыя носились и славянами и финнами. Очень красивы и изящны маленькія золотыя серьги съ тремя шариками на кольцѣ, восточнаго происхожденія. Эти шарики сплошь покрыты точно макомъ, крупинками (11). Позже, въ концѣ второго періода, по образцу ихъ стали дѣлать серьги въ Кіевской землѣ, и онѣ извѣстны подъ названіемъ *серегъ кіевскаго типа*, но онѣ значительно уступаютъ по красотѣ и изяществу арабскимъ. Первоначально онѣ дѣлались въ видѣ кольца съ надѣтыми бусами, но позже стали отливаться цѣльными. Столь же общимъ украшеніемъ служили шейныя *гривны* въ видѣ толстаго полаго обруча (12), или перевитыхъ проволокъ (13), или же въ видѣ сплетенной цѣпочки (14). Еще болѣе распространены среди женщинъ были ожерелья изъ бусъ: каменныхъ, янтарныхъ, стеклянныхъ, глиняныхъ, смальтовыхъ, металлическихъ (15—16). Частью дѣлались онѣ на мѣстѣ: такъ въ Кіевѣ была найдена мастерская бусъ, но большею

ча́стью привозились изъ Византіи и съ востока. Наравнѣ съ бусами носили ожерелья изъ подвѣсокъ (17), металлическихъ бубенчиковъ, скобочекъ (18), бляшекъ (19), а также арабскихъ монетъ, диргемовъ, къ которымъ спеціально для подвѣшиванія придѣлывалось ушко (20). Въ особенности характерны подвѣски въ видѣ *лунницъ;* ихъ носили начиная отъ самыхъ маленькихъ и кончая громадными; послѣднія встрѣчаются въ землѣ волынянъ и въ Смоленскѣ (21). Онѣ украшались зернью, филигранью, пунктиромъ. На шею надѣвалась въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ еще *капторга,* такъ называлась металлическая коробочка на цѣпочкѣ (22). Нерѣдко, впрочемъ, она не вѣшалась на шею, а пристегивалась на грудь. Ее, вѣроятно, видѣлъ на русскихъ женщинахъ Ибнъ-Фадланъ. Кромѣ того, на грудь прикалывались бляшки съ цѣпочками и бубенцами (23). Славяне носили и фибулы, но въ южной Россіи онѣ были въ меньшемъ употребленіи, нежели въ сѣверной (24). Близки по назначенію къ нимъ пряжки (25). Интересно, что какъ пряжки, такъ и фибулы нерѣдко составляли цѣлый приборъ: такъ, найдены вѣнчикъ и фибула одного рисунка (5 — 24), также гривна и пряжка (12—25). Это указываетъ на болѣе тонкое развитіе вкуса. Среди фибулъ можно отмѣтить такъ называемыя скорлупообразныя скандинавскія фибулы: одна изъ немногихъ чертъ быта, носящихъ слѣды скандинавскаго вліянія*). На рукахъ носили браслеты: въ видѣ гладкаго обруча съ утолщеніемъ на концахъ (26), перевитыхъ проволокъ, а также стеклянные, витые (27), подобные херсонескимъ. Эти браслеты были и привозные, и мѣстнаго производства, такъ въ Кіевѣ были открыты мастерскія въ которыхъ приготовлялись такіе браслеты. Употреблялись и перстни, главнымъ образомъ въ видѣ металлической проволоки.

ГОРОДА И УКРѢПЛЕНІЯ. (Табл. XVIII—XIX).

Въ древнѣйшія времена славяне жили небольшими селеніями, по нѣсколько дворовъ, которыя назывались селами. Они огораживались высокимъ частоколомъ или тыномъ. На случай нападенія враговъ жители селенія возводили недалеко отъ него земляное укрѣпленіе или городище, въ которое и укрывались съ женами и дѣтьми въ минуту опасности. Этимъ объясняются небольшіе размѣры славянскихъ городищъ. Возводились городища обыкновенно на возвышенномъ мысу, вдающемся въ рѣку, и имѣли круглую или овальную форму. Впослѣдствіи, съ ростомъ торговли и промышленности, подъ прикрытіемъ городищъ стали селиться купцы, ремесленники; селенія стали разростаться, и города изъ укрѣпленныхъ оборонительныхъ пунктовъ стали пріобрѣтать значеніе экономическихъ, а позже и политическихъ центровъ.

Въ великокняжескій періодъ князья возводятъ много новыхъ укрѣпленій, чтобы защитить землю русскую отъ вторженій непріятелей. Особенно много строилось городовъ на югѣ, гдѣ постоянно изъ степи грозили печенѣги и половцы. Для борьбы съ этими врагами были возведены многочисленныя городища: въ Кіевѣ, Бѣлгородѣ, Васильковѣ, Торчѣ, Пересѣченѣ, и цѣлый рядъ другихъ. Мѣстами они были соединены длинными рядами валовъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „зміевыхъ валовъ". Въ народномъ преданіи сохранилось много объясненій этого названія; по однимъ былинамъ Змѣй Горынычъ обложилъ Кіевъ, и Илья Муромецъ, побѣдивъ его, запрегъ въ плугъ и проѣхалъ на немъ борозду, которая и стала называться его именемъ, по другимъ—это была граница, которую Змѣй обязался не переступать; во всѣхъ легендахъ ясно одно: память народная связываетъ возникновеніе зміевыхъ валовъ съ борьбою со страшнымъ врагомъ, грозившимъ изъ степей, то есть степными кочевниками, печенѣгами и половцами. Это преданіе подтверждаетъ и историческое свидѣтельство епископа Брунона, посѣтившаго Владиміра св., и описавшаго, какъ князь обнесъ свои владѣнія оградой и сторожевыми курганами.

Укрѣпленія великокняжескаго періода, по большей части, состояли изъ нѣсколькихъ концентрическихъ рядовъ земляныхъ валовъ, расположенныхъ по контуру мѣстности, и имѣвшихъ, слѣдова-

*) См. таблицу X рис. 20.

тельно, неправильную форму. Они сохранились въ нѣкоторыхъ пунктахъ, въ Вышгородѣ, Васильковѣ, но особенно хорошо въ Бѣлгородѣ, теперешнемъ селѣ Бѣлгородкѣ, Кіевск. губ. Здѣсь городъ былъ расположенъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ берега рѣки Ирпеня, съ котораго разстилался широкій видъ на окрестности, верстъ на 20, что не позволяло врагу сдѣлать внезапнаго нападенія. Отъ рѣки защитой служилъ самъ берегъ, спускавшійся крутымъ обрывомъ, по отвѣсу котораго едва ли могъ подняться человѣкъ. Съ остальныхъ сторонъ простирались болота, а дальше: „боръ великъ". Укрѣпленія состояли изъ двухъ частей: внѣшняго города и *дѣтинца*, или внутренняго (рис. 1). Дѣтинецъ занималъ самую возвышенную часть и былъ окруженъ со стороны обрыва высокимъ деревяннымъ тыномъ, а съ остальныхъ, —высокимъ земляннымъ валомъ и глубокимъ рвомъ. Въ дѣтинецъ вело три въѣзда, и всѣ они защищались сторожевыми башнями. Четвертый выходъ былъ обращенъ къ рѣкѣ, куда вела дорога, защищенная особымъ валомъ; она называлась *тайникомъ*, (2). Къ дѣтинцу съ трехъ сторонъ примыкалъ внѣшній городъ или *кромъ*, ограниченный *оплотомъ*, такимъ же высокимъ землянымъ валомъ со рвомъ.

Мѣстами въ валу были прорыты ворота, или потерны, выводившія въ ровъ, такъ что непріятель не могъ видѣть вылазки, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ, кромѣ того, были устроены башни съ проѣздными воротами для конницы. Валы были возведены съ такимъ разсчетомъ, что вокругъ укрѣпленій оставалось свободное, мѣсто на которомъ могли происходить сраженія и которое мѣшало врагу внезапно подступить къ городу. Сами валы представляли сложное сооруженіе: пространство, на которомъ долженъ былъ быть возведенъ валъ засыпалось слоемъ глины; затѣмъ клались дубовые толстые брусья, крестъ на крестъ такъ, что они образовывали срубъ, причемъ къ внутренней сторонѣ лежали свободные концы, а съ наружной укрѣплялись вертикально сваи, на которыя клались горизонтальные брусья, образуя пустую клѣтку. Это пустое пространство заполнялось глиняными необожженными кирпичами. Чтобы помѣшать валу осѣсть, съ наружной стороны, со стороны клѣтокъ, укрѣпляли наклонно дубовые же брусья (3). Все сооруженіе засыпалось глиной. Такъ же были устроены укрѣпленія Кіева и другихъ пунктовъ. Въ дѣтинцѣ помѣщались только дворецъ князя, дома наиболѣе знатныхъ лицъ, порубъ или подвалъ, куда сажали важныхъ преступниковъ; въ христіанское время здѣсь строили храмы, домъ епископа. Это будетъ вполнѣ ясно, если представимъ размѣры хотя бы кіевскаго дѣтинца: онъ занималъ площадь немногимъ больше одного теперешняго квартала: отъ десятинной церкви до Реальнаго училища, то есть около десяти десятинъ. Настоящій городъ торговый, съ рынками или торговищами, пристанями, гдѣ кипѣла ключемъ жизнь, гдѣ жили ремесленники, торговцы, всякій разноплеменный людъ, лежалъ подъ горою, на берегу Днѣпра и назывался какъ и теперь—Подоломъ. Ярославъ Мудрый увеличилъ площадь Кіевскаго городища, насыпавъ новый валъ, который тянулся приблизительно по Б.-Подвальной ул. (Ярославовъ Валъ) и Большой Владимірской. Въ немъ было устроено нѣсколько воротъ, изъ которыхъ одни назывались Золотыми, такъ какъ надъ ними была построена церковь съ позолоченными верхами (5).

Обыкновеніе устраивать надъ воротами храмы существовало не въ одномъ Кіевѣ; такія же ворота были и во Владимірѣ на Клязьмѣ—тамъ были ворота Серебрянныя и Золотыя—послѣднія тоже отчасти сохранились до нашихъ дней (6 *), но значительно перестроены въ XVIII в. Память объ этомъ обычаѣ живетъ и теперь въ обыкновеніи вѣшать надъ воротами образъ.

Наряду съ земляными укрѣпленіями очень рано стали возводить и каменныя крѣпости; такъ въ началѣ XII в., въ 1114—1116 г. была построена каменная крѣпость въ Старой Ладогѣ, остатки которой сохранились и теперь и извѣстны въ народѣ подъ ошибочнымъ названіемъ „Рюрикова городища". Эта крѣпость была построена на выдающемся мысу, образующимся сліяніемъ рѣкъ Волхова и Ладожки, и расположена по контуру мѣстности, такъ, какъ обычно строились городища великокняжескаго періода. Развалины ея поражаютъ своими величественными размѣрами и прочностью постройки, а также и замѣчательно живописнымъ мѣстоположеніемъ (7 и 8). Она состояла изъ пяти башенъ, соединенныхъ крѣпкой каменной же стѣной, увѣнчанной зубцами. Въ стѣнахъ были продѣланы окна—бойницы, въ видѣ глубокихъ амбразуръ. Подъ одной изъ башенъ находились проѣздныя ворота, подъ другой—узкій потайной ходъ. Въ башнѣ, выходившей на Волховъ, былъ устроенъ потайной колодезь. Сложены башни и стѣны изъ цѣльныхъ валуновъ, скрѣпленныхъ

*) Рисунокъ изображаетъ современный видъ воротъ—обѣ пристройки по сторонамъ сдѣланы въ XVIII в.

цементомъ изъ извести, и облицованы тесанымъ камнемъ. Мѣстами кладка эта великолѣпно видна. Вѣрнѣе всего будетъ предположить, что построена эта крѣпость была не мѣстными мастерами, а иностранными, тѣмъ болѣе, что способъ кладки стѣнъ очень близокъ съ постройками Владиміро-Суздальской Руси, которыя возводились съ помощью нѣмецкихъ мастеровъ.

Къ болѣе поздней порѣ, началу XIV в. относится возведеніе каменныхъ Новгородскихъ стѣнъ, но онѣ столько разъ перестраивались, что теперь трудно выдѣлить древнія части ихъ.

ЖИЛИЩЕ И ДОМАШНЯЯ УТВАРЬ. (Табл. XX).

Древнѣйшія извѣстія о жилищахъ нашихъ предковъ—славянъ даютъ крайне нелестное представленіе о нихъ, Такъ, византійскій писатель Прокопій говоритъ, что они жили въ „дрянныхъ избахъ". Одинъ арабскій писатель подробнѣе описываетъ эти избы—строились онѣ изъ хвороста и обмазывались глиной, способъ, которымъ и теперь строятъ избы въ Малороссіи. Но, вѣроятно, наряду съ такими постройками были и болѣе основательныя, построенныя изъ бревенъ; по крайней мѣрѣ на Трояновой колоннѣ въ Римѣ мы видимъ дома бревенчатые, съ высокими тесовыми крышами, съ небольшими окнами, причемъ нѣкоторые дома даже двухъэтажные: такія же постройки, какія мы можемъ видѣть и въ современной деревнѣ. На этой колоннѣ изображены селенія даковъ, жившихъ на низовьяхъ Дуная и, вѣроятно, не отличавшихся бытомъ отъ нашихъ предковъ—русскихъ славянъ. Мы видимъ здѣсь, что дома окружены широкими дворами, обнесенными заборомъ (рис. 1, 2, 3). Для болѣе поздней эпохи можно обрисовать подробнѣе славянское жилище: строились дома посреди двора, такъ что лѣтопись и другіе источники обыкновенно называютъ: „дворъ Вячеславовъ", „дворъ Всеволода" и т. д. Ограждались дворы *тыномъ* или *столпіемъ*, или, просто, плетнемъ. Чѣмъ богаче и знатнѣе былъ хозяинъ, тѣмъ обширнѣе былъ его дворъ; былины любятъ выраженіе: „дворъ на семи верстахъ"—и тѣмъ больше службъ находилось въ немъ. Эти службы состояли изъ людскихъ, пекаренъ, амбаровъ, хлѣвовъ, бретьяницъ и медуницъ—погребовъ, бани и другихъ построекъ. Что касается матеріала построекъ, то преобладали деревянныя постройки; бѣдные люди строили жилища, состоящія изъ одной только *клѣти* или *сруба*, какъ то бываетъ обычно у крестьянъ. Называлась такая клѣть *истопкой* или *избой* и была теплой, такъ какъ въ ней устраивалась большая печь. Трубъ не дѣлали и топилась она по „черному", то есть дымъ и чадъ выходили въ раскрытыя окна и двери. Люди побогаче пристраивали къ избѣ холодную клѣть для жилья лѣтомъ и соединяли ихъ сѣнями. Вся постройка называлась *палатами* или хоромами. Часто хоромы состоятельныхъ людей были въ нѣсколько этажей, нижній занимали амбары или подклѣти, высокая лѣстница на столбахъ вела во второй этажъ, къ открытой площадкѣ или къ крыльцу передъ сѣнями. *Сѣни* большею частью строились на однихъ столбахъ безъ подклѣта, и являлись какъ бы балкономъ; мы не разъ встрѣчаемъ указанія на сидѣніе въ сѣняхъ. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ лѣтописи мы видимъ, что во время народныхъ волненій, толпа стремится подрубить столбы сѣней княжескаго дворца. Такъ погибли, между прочимъ и первые христіанскіе мученики варяги въ Кіевѣ. Второй этажъ былъ настоящимъ жильемъ, здѣсь были „одрина" или спальня, изба, клѣть, въ которой происходила вся жизнь. Иногда бывалъ еще и третій этажъ—въ немъ находилась *повалуша* или *теремъ*, свѣтлая комната, а надъ ней устраивалась нерѣдко *вежа* или башня, служившая какъ наблюдательный пунктъ. Кровля обыкновенно дѣлалась двускатная, высокая, и верхняя часть ея, гдѣ соединялись скаты, называлась *кнесомъ* или князькомъ. Концы князька украшались конскими головами или коньками; у богатыхъ людей вдоль кнеса шелъ расписной гребень, который покрывали также и позолотой; по крайней мѣрѣ въ Словѣ о полку Игоревѣ князь Игорь вспоминаетъ, что „уже доски безъ кнеса въ моемъ теремѣ златоверсѣмъ". Крыша крылась, судя по достатку—соломой, тесомъ или гонтомъ, маленькими тесовыми дощечками. Еще въ очень древнія времена въ Кіевской Руси стали строить и каменные дома, но долгое время такія постройки были рѣдки, уже потому, что мастерами каменщиками были преимущественно греки. Лѣтопись указываетъ, что въ Кіевѣ былъ каменный теремъ „Ольгинъ дворъ", были, вѣроятно, и другія зданія. Рас-

копки обнаружили возлѣ Десятинной церкви фундаменты какихъ то каменныхъ зданій, не церковнаго характера, и притомъ болѣе древнихъ, нежели этотъ храмъ. Къ сожалѣнію, здѣсь не удалось выяснить плана ихъ *). Извѣстно, что обыкновенно княжескія палаты соединялись переходомъ съ церковью, а также не рѣдко въ нихъ продѣлывалось окно, выходившее на хоры церкви, такъ что князь могъ слушать службу не выходя, изъ дворца. Такихъ построекъ не сохранилось въ Кіевѣ, но въ Владимірской Руси сохранилась небольшая часть каменныхъ палатъ князя Андрея Боголюбскаго въ построенномъ имъ Боголюбскомъ монастырѣ. Онѣ были каменныя, двухъэтажныя, наружныя стѣны были украшены поясомъ изъ колонокъ. Уцѣлѣлъ только переходъ отъ храма къ дворцу (6 и 7): онъ представляетъ высокую каменную лѣстницу, винтовую, крутую и довольно узкую—здѣсь, въ темномъ закоулкѣ, по преданію былъ убитъ Андрей Боголюбскій, а изъ одного изъ такихъ оконъ второго этажа ключникъ Анбалъ сбросилъ коверъ и корзно, чтобъ прикрыть его тѣло.

Внутреннее убранство домовъ до сихъ поръ не ясно. Конечно, избы мало отличались въ этомъ отношеніи отъ современныхъ, зато стѣны княжескихъ хоромъ, вѣроятно, были отдѣланы съ большой роскошью—въ Бѣлгородкѣ, въ развалинахъ не церковныхъ зданій были находимы поливныя плитки, рѣдкія по красотѣ рисунка и тождественныя съ тѣми, которыя употреблялись для украшенія храмовъ,—ими, вѣроятно, облицовывали стѣны и украшали полы. Въ Кіевѣ, при раскопкахъ уже упоминавшихся выше каменныхъ зданій, возлѣ Десятинной церкви, были найдены остатки пола, выложеннаго мельчайшей и изящной мраморной мозаикой. Возможно, что стѣны и потолокъ княжескихъ хоромъ обтягивались по восточному обычаю матеріями; такъ, въ одномъ современномъ памятникѣ упоминается „небо полотняное съ лутовяными звѣздами". Вообще не лишнее вспомнить яркія и образныя описанія теремовъ Соловья Будимировича, или Дюка Степановича, которыя даютъ наши былины; пусть многое въ нихъ добавлено неудержимой фантазіей, но все же въ основѣ ихъ должна лежать реальная дѣйствительность, которая поражала воображеніе народное, и уже потомъ, пройдя черезъ горнило творчества, создала дѣйствительно сказочную обстановку.

Мебель была немногочисленна, ею служили *лавы* или скамьи (8), *столы* (9), *стольцы* или стулья (10), но послѣднихъ вѣроятно было немного; позже появляются кровати, которыя сначала замѣняли постели, въ видѣ подстилки. Даніилъ Заточникъ въ своемъ заключеніи съ завистью вспоминаетъ *собольи одѣяла, паволочитыя возглавія*, т. е. шелковыя подушки. Издавна употреблялись сундуки и лари, которые запирались замками самой разнообразной формы; вѣроятно на замокъ запирались также и двери (11—12). Въ большомъ употребленіи были также ковры, ими прикрывались сундуки и лавки, возможно, что они развѣшивались по стѣнамъ, разстилались на полу, по крайней мѣрѣ источники очень часто упоминаютъ, что сидятъ на коврахъ. Они были и мѣстной работы, и привозные съ востока.

ПОСУДА. (Табл. XXI).

Важнѣйшимъ отдѣломъ домашней утвари, конечно, должна была служить посуда. Въ древнѣйшія времена славянская посуда состояла изъ глиняныхъ сосудовъ, а также и изъ деревянныхъ ведеръ, сковывавшихся желѣзными, а кое гдѣ и серебряными обручами (рис. 1). Древне-славянскіе глиняные сосуды были довольно разнообразной формы: въ видѣ кринокъ, горшковъ (2), кувшиновъ съ ручками (3), причемъ наиболѣе характернымъ является на нихъ орнаментъ въ видѣ волнообразныхъ линій. Конечно, по самому характеру матеріала, глиняные сосуды не могли перевозиться далеко, и должны были выдѣлываться на мѣстѣ, и мы видимъ въ нихъ совершенно независимо выработавшійся стиль, противоположный византійскому, тогда какъ греческіе и византійскіе сосуды отличаются стройностью, стремленіемъ въ вышину, славянскіе сосуды стремятся раздаться въ ширину и по большей части имѣютъ въ средней части расширеніе.

*) Мы приводимъ (4 и 5), изображенія княжескихъ дворцовъ изъ иллюстрированнаго Сказанія о житіи св. князей Бориса и Глѣба, относящагося къ XII в.

Но, конечно, въ то время, какъ даже и въ болѣе поздній великокняжескій періодъ бѣдное население продолжало довольствоваться деревянной и глиняной посудой мѣстнаго происхожденія, въ обиходѣ богатыхъ людей съ давнихъ поръ появляются рѣдкія по красотѣ привозныя вещи и эта разница въ предметахъ утвари особенно сильна. Еще въ находкахъ курганнаго періода нерѣдко находятъ предметы, ясно указывающіе на свое отдаленное, восточное происхожденіе, попавшіе сюда путемъ торговли. Такова, напримѣръ, небольшая бронзовая лампочка, найденная въ раскопкахъ богатаго могильника подъ Смоленскомъ, Гнѣздова, и относящаяся къ X вѣку. Она представляетъ красивое женское лицо съ правильными чертами, съ гладко зачесанными волосами, спрятанными въ чепецъ. Типъ лица (носъ съ легкою горбинкой), а также и орнаментація въ видѣ бирюзы, вставленной въ носъ, ясно говорятъ о восточномъ происхожденіи этого предмета (4). Кромѣ того, нерѣдко находятъ блюда, сосуды изъ серебра и стекла восточной или византійской работы. Но особенно интересны въ этомъ отношеніи найденные въ Черниговѣ туріи рога въ серебряной оправѣ. На одной оправѣ мы видимъ совершенно восточный орнаментъ въ видѣ прихотливыхъ арабесковъ и плетенки, но на изображенной на другой охотѣ представлены люди не въ восточныхъ, а скорѣе въ славянскихъ одеждахъ. Украшаютъ эти оправы рогъ звѣря, водившагося на Руси, слѣдовательно все здѣсь указываетъ на мѣстную работу, но по образцу восточной (5, 6 a и 6 b).

Въ великокняжескій періодъ, съ усиленіемъ византійскаго вліянія, съ увеличившеюся роскошью во всей обстановкѣ, разница между обиходомъ бѣднаго и богатаго все болѣе возрастала. Одно изъ церковныхъ поученій XII в. такъ описываетъ пиръ богатаго: „сосуды его златомъ и сребромъ скованы, чаши серебряныя велики, позлащены, кубки и котлы“, наполненные обильными и разнообразными кушаньями и питіями, подаются богачу многочисленными слугами, одѣтыми въ дорогія одежды, въ то время, какъ другіе слуги машутъ надъ нимъ и гостями опахалами, а музыканты развлекаютъ игрой на гусляхъ, свирѣляхъ.

На рисункѣ (табл. XX, 9), взятомъ изъ Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ, представленъ столъ, убранный по требованіямъ XIII в. Мы видимъ на немъ рогъ, на подобіе только что описаннаго Черниговскаго, чашу, кубокъ, ковшъ. Къ сожалѣнію на рисункѣ не видно, изъ чего сдѣлана эта посуда, но вѣрнѣе предположить, что на этомъ столѣ, служившемъ для княжескаго пира, посуда была золотая и серебряная. Были въ употребленіи также чаши изъ дорогихъ породъ камня, въ золотой оправѣ, такова чаша или „крабійца“ изъ яшмы, въ золотой оправѣ, съ надписью „Царю Царемъ“, что даетъ нѣкоторыя основанія предполагать не была ли она въ употребленіи у князя (7). Въ большомъ количествѣ употреблялась также стеклянная посуда, бутылки (8—9), стаканы (10, 11 и 12), и другіе сосуды, которые вѣроятнѣе всего были привозными съ востока. Употреблялись ножи и ложки, причемъ послѣдніе уже при Владимірѣ св. дѣлались изъ серебра.

Можно отмѣтить еще оригинальные герметически закупоренные стеклянные сосудики, гладкіе въ видѣ шарика или рубчатые (13); по преданію, въ нихъ приносили богомольцы изъ святой земли капли іорданской воды; въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и теперь еще видна переливающаяся капелька.

Освѣщались дома бѣднаго люда вѣроятно лучинами, но уже въ древнія времена употребляли иное освѣщеніе; на это указываетъ хотя бы описанная уже лампочка изъ Гнѣздова, въ которой должно было горѣть масло. Въ палатахъ князей и бояръ горѣли и восковыя свѣчи, надѣвавшіяся на острія. Находятъ не мало подобнаго же устройства подсвѣчниковъ и паникадилъ (табл. XX, 13, 14 и 15).

Уже въ это время были извѣстны различныя игры. Такъ, находятъ кости съ очками и шашки (14).

ОДЕЖДЫ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАГО ПЕРІОДА.

(Табл. XXII и XXIII).

Разница въ одеждахъ между богатыми и бѣдными древней Руси была, вѣроятно, не меньшая, нежели въ домашней обстановкѣ и утвари. Тогда какъ бѣдные люди носили одежду, сдѣланную изъ тканей мѣстнаго производства, въ одѣяніяхъ богатыхъ людей все болѣе и болѣе начинали господствовать привозная парча, *паволоки* и *оксамиты*, а также и иноземный, византійскій покрой одежды.

На рисункахъ изъ Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ (рис. 1 и 2), видимъ одежду простыхъ людей: она состояла изъ довольно длинной рубахи, подолъ, воротъ и рукава которой обшивались каймой изъ матеріи другого цвѣта и сорта, или же вышивались. Воротъ застегивался пуговкой, бронзовой или серебряной, и ременной петелькой; на простолюдинахъ довольно узкіе штаны, заправленные въ мягкіе сапоги или онучи. Сорочка подпоясывалась кушакомъ. Поверхъ нея надѣвалась свита изъ грубой полотняной матеріи или же изъ шерстяной ткани. На Руси выдѣлывали грубое сукно, называвшееся орницей, при чемъ свиты изъ такой матеріи считались только уличнымъ одѣяніемъ, и духовенство предписывало снимать ихъ, подходя къ причастію. Свиты дѣлались довольно узкими, съ длинными рукавами. Онѣ тоже подпоясывались поясомъ. Лѣтняя одежда называлась *опашень* и дѣлалась съ пуговицами и петлями. Одежду знатныхъ лицъ мы видимъ на рисункахъ (3, 4, 6, 7, 11, 12, 13 и 14). Одежда богатыхъ лицъ состояла изъ такой же сорочки, но сдѣланной изъ дорогой византійской шелковой матеріи; обшивалась она каймой изъ золотаго позумента, или оксамита. На рисункѣ (12), изображающемъ князя Ярополка Владиміро-Волынскаго, мы видимъ роскошный кафтанъ или свиту. Онъ сдѣланъ изъ малиноваго оксамита, бархата, затканнаго золотыми узорами,—здѣсь онъ затканъ золотыми кринами—лиліи, столь любимыя въ Византіи; полы его оторочены золотымъ позументомъ, верхъ кафтана украшенъ такимъ же *оплечьемъ*, золотой поясъ съ длинными концами стягиваетъ его талію. Оплечья и поясъ украшены драгоцѣнными камнями. Такіе же кафтаны или *кабаты* видимъ и на другихъ рисункахъ, но они тамъ менѣе роскошны (3, 4, 6, 11 и 12). На многихъ рисункахъ (3, 4, 7, 11, 12, 13 и 14), мы видимъ другую часть одежды, плащъ или *корзно*, накидывавшееся на одно плечо и скалывавшееся фибулой, причемъ правая рука оставалась свободной. Вѣроятно Ибнъ-Фадланъ описываетъ такое же корзно. Корзно носили и простолюдины, но у нихъ оно дѣлалось, конечно, изъ простой матеріи (1), знатные же и князья носили корзна изъ еще болѣе дорогихъ тканей, нежели кафтаны. Верхъ дѣлался изъ паволоки или оксамита, а низъ подбивался шелковой матеріей другого цвѣта. Корзно на Ярославѣ Новгородскомъ заткано кругами съ орнаментомъ внутри (7), корзно же на Ярополкѣ украшено драгоцѣнными камнями, и подбито горностаемъ (6). Въ холодное время носили мѣховую одежду или кожухъ, судя по достатку, кто изъ простой овчины, а кто могъ — изъ дорогихъ собольихъ и куньихъ мѣховъ. Вообще мѣхъ въ древней Руси былъ въ большомъ употребленіи. Кромѣ того, для теплоты надѣвали шерстяную узкую одежду—*фофудью* (родъ современной фуфайки).

На ногахъ носили вязаные чулки, или копытца, и бѣдные—лапти, а богатые—кожанные сапоги. Они шились особымъ образомъ—изъ двухъ кусковъ кожи такъ, что шовъ шелъ вдоль сапога. Носки дѣлались острые, длинные; сапоги шили изъ разноцвѣтнаго сафьяна, и расшивали золотомъ и жемчугомъ. На Ярополкѣ сапоги красные — это обычай, занесенный къ намъ изъ Византіи, гдѣ только члены императорскаго дома могли носить красную—пурпурную обувь (12).

На приложенныхъ рисункахъ видимъ нѣсколько головныхъ уборовъ: они имѣютъ видъ высокихъ шапокъ съ мѣховой опушкой и мягкой тульей или круглой, какъ на Святославѣ и его сыновьяхъ(13), или конической какъ на Ярославѣ (7). Такая шапка дѣлалась изъ парчи, бархата или шелка, и вышивалась золотомъ, камнями и жемчугомъ. Опушка тоже дѣлалась изъ дорогого мѣха—преимущественно изъ бобра и соболя. Иногда въ эти шапки вдѣлывались спереди очелья, кіотцы

съ образками святыхъ или просто портретами. Такое очелье мы видимъ на изображеніи князя Бориса (14). Эти шапки назывались клобуками и не снимались даже во время богослуженія.

На князѣ Ярополкѣ мы видимъ еще одну принадлежность костюма, но уже только княжескаго, а именно широкое парчевое оплечіе—воротникъ, расшитый золотомъ и камнями; этотъ воротникъ назывался бармами и былъ заимствованъ изъ Византіи, гдѣ составлялъ тоже принадлежность императорскаго облаченія.

На нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ рисунковъ видимъ также и женскія одежды (5, 8, 12, 13); онѣ были очень широки и длинны, такъ что ногъ совершенно не было видно. Поверхъ сорочки, ниспадавшей богатыми складками, надѣвалась болѣе узкая одежда, сходная съ мужскимъ кафтаномъ, но съ широкими откидными рукавами (15), стянутыми запястьями у кисти рукъ, полы и подолъ его тоже оторачивались золотымъ галуномъ. Такую одежду видимъ на женѣ Святослава (13), и на Иринѣ, женѣ Ярополка (12); на первой одежда розовая, на второй—свѣтло-голубая. Поверхъ накидывалось корзно изъ оксамита, или паволоки,—мы видимъ его на кн. Иринѣ (15), а также на Ольгѣ (8), на рисункѣ, изображающемъ ея пріемъ въ Царь-градѣ. Оно тоже обшивалось галуномъ, и подбивалось мѣхомъ; вообще женщины очень любили мѣха, и писатель XIII в. Рубруквисъ, говоритъ, что онѣ не только подбивали одежды горностаемъ, но и нашивали его сверху. Между прочимъ, княгиня Ярославна, въ Словѣ о полку Игоревѣ, плача о мужѣ, говоритъ: „омочу бобровъ рукавъ въ Каялѣ—рѣцѣ, утру князю кровавыя его раны“... На кн. Иринѣ (12), мы видимъ еще одну принадлежность убора, широкій золотой шарфъ, перекинутый черезъ плечи, это *лоръ*, который носили Византійскіе императоры и ближайшіе изъ придворныхъ, и который изъ Византіи былъ занесенъ и на Русь. На ногахъ у нея надѣты такіе же пурпурные сапоги, какъ и на ея мужѣ.

Замужнія женщины носили маленькую шапочку или *волосникъ*, въ который прятались всѣ волосы (5); спереди, надъ лбомъ она вышивалась золотомъ, и жемчугомъ, а иногда надѣвалось металлическое *очелье*, —вѣнчикъ изъ нѣсколькихъ створокъ*). Поверхъ него надѣвалось широкое и длинное покрывало изъ тонкой мягкой матеріи, которое спускалось пышными волнами на плечи и грудь — оно называлось *убрусомъ и повоемъ* и составляло необходимую принадлежность женской одежды (13). Поверхъ него княгини носили еще вѣнецъ, такъ на кн. Иринѣ мы видимъ высокій, „теремчатый“ вѣнецъ, съ камнями (12).

Незамужнія женщины носили волосы распущенными или заплетенными въ косы.

УКРАШЕНІЯ ВЕЛИКОКНЯЖЕСКАГО ПЕРІОДА.

(Табл. XXIV—XXV).

Украшенія этого періода представляютъ особенный интересъ; они сохранились до насъ въ довольно значительномъ количествѣ и многія изъ нихъ, будучи зарыты въ землю въ различныхъ сосудахъ, даже мало пострадали отъ пронесшихся надъ ними вѣковъ. Глядя на эти вещи, невольно изумляешься ихъ рѣдкой красотѣ и тонкости работы, изяществу, которымъ могли бы позавидовать современныя издѣлія ювелировъ. Въ нихъ нѣтъ той грубости, аляповатости, которую мы видимъ въ издѣліяхъ Сибири, тяжеловѣсности и схематичности готскихъ древностей, убожества фантазіи и грубости исполненія украшеній финновъ и литовцевъ; въ нихъ все гармонично, изящно и вмѣстѣ съ тѣмъ ярко и свѣжо по краскамъ. Въ отличіе отъ украшеній предыдущаго періода, въ это время преобладало золото, часто украшавшееся перегородчатой эмалью, столь любимой греками, научившими этому искусству и нашихъ предковъ. Этимъ не ограничивается вліяніе Византіи, но оно не могло вытѣснить чисто славянскихъ украшеній и орнаментаціи ихъ, оно только дополнило ихъ, сдѣлало болѣе утонченными, придало особый византійскій лоскъ, особый пошибъ.

*) См. табл. XXIV, 1 и XXV, 21.

Такъ, напримѣръ, тотъ вѣнчикъ, который мы видѣли въ курганныхъ древностяхъ *), теперь видоизмѣняется и превращается въ вѣнчикъ, состоящій изъ нѣсколькихъ створокъ, соединенныхъ крючками или шарнирами. До сихъ поръ извѣстны только двѣ такія діадемы, обѣ онѣ состоятъ изъ девяти створокъ, или выпуклыхъ золотыхъ кіотцевъ, съ перегородчатой эмалью. На среднемъ, на одной діадемѣ, изображенъ Александръ Македонскій, поднимаемый двумя грифонами, которые тянутся вверхъ къ мясу, которое онъ держитъ въ рукахъ,—и такъ поднимаютъ его. Шесть остальныхъ створокъ украшены декоративнымъ орнаментомъ (рис. 1). На другой діадемѣ изображенъ великолѣпно сдѣланный Деисусъ, или моленіе, средній кіотикъ изображаетъ Іисуса Христа, по сторонамъ его Божья Матерь и Іоаннъ Предтеча, съ преклоненными головами, далѣе ангелы и еще далѣе апостолы Павелъ и Петръ. Рядомъ съ ними крайнія створки украшены изображеніями женскихъ головокъ въ діадемахъ (21). Ошибки въ греческихъ надписяхъ обличаютъ работу русскаго мастера. Обѣ онѣ дополняются рядомъ подвѣсокъ или *рясъ*, которыя закрывали весь лобъ; наверху кіотцевъ были укрѣплены жемчужины. Діадемы эти, видимо, нашивались на матерчатую повязку, такъ какъ внутренніе края ихъ остры и царапали бы лобъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ продолжали носить и болѣе простыя украшенія въ видѣ нашитыхъ на матерію золотыхъ скобочекъ, къ головнымъ повязкамъ продолжали подвѣшивать височныя кольца, или наушницы. Среди этого рода украшеній, появляются новые типы, неизвѣстные въ предшествовавшій періодъ, это такъ называемые *колты* или *колодочки*, о которыхъ мы уже упоминали, говоря объ украшеніяхъ византійскихъ, откуда они были перенесены и къ намъ **). Подобно византійскимъ, наши колты отличаются большей частью необыкновенной красотой, они или серебряные съ чернью (2), или золотые съ перегородчатой эмалью; на нихъ часто были изображаемы голуби, сирины съ человѣческой головой (22), или просто арабески (23). Край—спайка двухъ щитковъ—обыкновенно украшался рядомъ жемчужинъ, или подражающимъ имъ ажуромъ (3). Тогда какъ нѣкоторые колты видимо представляютъ издѣлія византійцевъ, другіе дѣлались русскими мастерами. Извѣстны также колты съ изображеніемъ святыхъ, таковы самые большіе изъ всѣхъ извѣстныхъ до сихъ поръ украшеній этого рода; колты, найденные въ Старой Рязани: на нихъ видны изображенія св. Бориса и Глѣба. Оба представлены въ видѣ юныхъ отроковъ, въ шапкахъ съ мѣховой опушкой, въ плащахъ, съ крестомъ въ рукахъ, и бирюзовымъ нимбомъ вокругъ головы и кринами по сторонамъ. Окружаетъ ихъ рамка изъ тончайшей ажурной скани съ камнями, такая же скань украшаетъ оборотную сторону. На миніатюрныхъ колтахъ, найденныхъ въ Черниговѣ, мы видимъ изображенія тоже юныхъ святыхъ, или тѣхъ же князей, или же св. Георгія и Димитрія: оба они въ византійскихъ патриціанскихъ одеждахъ, плащахъ, сколотыхъ фибулой, и съ крестами въ рукахъ (24). Обѣ пары колтовъ безспорно русской работы, но насколько она тонка и красива въ первой, настолько груба и небрежна во второй. Широко распространены были и серьги—онѣ носились различнымъ образомъ — или надѣвались на ухо, такъ что дужка охватывала все ухо, и по сторонамъ висѣли парныя серьги, или же обычнымъ способомъ продѣвались въ ухо. Онѣ были самыхъ разнообразныхъ типовъ,—особенно любили такъ называемыя серьги *кіевскія*, явившіяся подражаніемъ маленькимъ арабскимъ. Онѣ дѣлались или въ видѣ трехъ ажурныхъ бусинокъ, или же болѣе грубыя въ видѣ сплошныхъ шариковъ (4 и 5). Носили серьги въ видѣ опущенной проволоки, съ одной бусой на концѣ, а также половецкаго типа (6) и болѣе сложныя арабскія, украшенныя сканью и зернью. Какъ и прежде, женщины носили въ большомъ количествѣ ожерелья изъ бусъ, которыя становятся еще болѣе разнообразными. Къ стекляннымъ, каменнымъ и смальтовымъ присоединяются изящныя серебряныя и золотыя изящной ажурной работы (7). Къ нимъ нерѣдко подвѣшиваютъ въ видѣ подвѣсокъ *сіоники*, рѣзные храмики (8). Особый видъ ожерелій составляютъ нитки такихъ бусъ, раздѣленныхъ подвѣсками въ видѣ *криновъ* (9), этого рода украшенія носились также какъ начельники на лбу. Кринъ встрѣчался и въ украшеніяхъ предшествовавшаго періода, но рѣдко, теперь же становится столь же любимымъ мотивомъ украшеній, какимъ онъ былъ въ Византіи—мы видимъ его въ подвѣскахъ, въ видѣ орнаментаціи на эмалевыхъ колтахъ, на парчѣ одеждъ. Продолжали носить и гривны, или обручи серебряные и золотые—ихъ въ знакъ милости раздавали князья своимъ

*) См. табл. XVII, р. 4—5.

**) См. табл. XV, р. 11.

приближеннымъ, напримѣръ, въ описаніи убіенія кн. Бориса говорится, что при немъ находился отрокъ его, на котораго онъ „возложилъ гривну злату велику". Гривны носили по нѣсколько штукъ и съ теченіемъ времени ихъ стали носить не только знатныя лица и слуги княжескія, но и слуги богатыхъ людей. На ряду съ ними появляется и новый видъ украшеній—цѣпи. Онѣ были двухъ сортовъ: служебныя и церемоніальныя. Первыя дѣлались изъ серебра и отличались болѣе грубой работой, онѣ служили только для ношенія какихъ либо украшеній: медальоновъ или крестовъ. Къ этому разряду относятся обрывки серебряной цѣпи съ лошадиными головками на концахъ (10). Болѣе изящны и красивы такъ называемыя церемоніальныя цѣпи, состоявшія изъ ряда бляшекъ золотыхъ, покрытыхъ эмалью и соединенныхъ цѣпочками. Такія цѣпи имѣли, конечно, самостоятельное значеніе, а не предназначались для ношенія иныхъ украшеній. Таковы цѣпи, найденныя въ Кіевѣ: онѣ состоятъ изъ ряда медальоновъ, на которыхъ изображены птицы—голуби или сирины, а также и арабески, и онѣ расположены такъ, что на плечахъ приходятся цѣпочки, и спереди лежитъ большее число медальоновъ, нежели сзади (25 и 26). Эти цѣпи иногда называются совершенно ошибочно бармами, потому что онѣ имѣютъ съ послѣдними нѣкоторое сходство—бармами назывался въ Византіи шитый золотомъ и камнями широкій круглый воротникъ или оплечье, которое украшалось также и металлическими медальонами. Подобныя бармы мы видѣли на кн. Ярополкѣ*). Части такой цѣпи въ видѣ шести круглыхъ медальоновъ, раздѣленныхъ ажурными бусами, были найдены въ Старой Рязани и представляютъ собой одно изъ лучшихъ произведеній искусства этой эпохи: весь щитокъ этихъ медальоновъ покрытъ узоромъ изъ скани и украшенъ драгоцѣнными камнями (11). Но эта скань отличается отъ описанной раньше**), здѣсь она сдѣлана изъ тончайшей золотой ленточки, поставленной на ребро такъ, какъ это дѣлаютъ для перегородчатой эмали, и уже поверхъ ленточекъ укрѣплены камни, такъ что они освѣщаются снизу, и точно висятъ въ воздухѣ. Не менѣе интересны медальоны бармъ, найденные въ Старой Рязани и въ Кіевѣ; первые состоятъ изъ трехъ медальоновъ съ изображеніемъ Божьей Матери на среднемъ и св. Варвары и Ирины на боковыхъ (27—28). Всѣ они окружены изящной филиграновой рамкой. Здѣсь хороша работа только на среднемъ медальонѣ—нѣжная эмаль прекрасно сохранила свой цвѣтъ, эмаль же боковыхъ медальоновъ выкрошилась, потускнѣла. Кіевскія бармы состоятъ тоже изъ трехъ медальоновъ: на среднемъ—изображеніе Іисуса Христа, на боковыхъ Божіей Матери и Іоанна Предтечи, при чемъ послѣдній медальонъ особенно хорошъ по техникѣ работы. Всѣ они тоже русской работы.

Подобныхъ ожерелій, состоящихъ изъ нѣсколькихъ медальоновъ, раздѣленныхъ бусами, найдено нѣсколько, кромѣ описанныхъ; очень интересно такъ называемое „суздальское оплечье", найденное около Суздаля и состоящее изъ шести круглыхъ медальоновъ, золотыхъ съ чернью—на пяти изъ нихъ изображены орнаментальные кресты (29). Сходное съ нимъ ожерелье было найдено и въ Великомъ Булгарѣ. Возможно, что такія ожерелья, равно какъ и шитыя оплечья, являлись только княжескимъ украшеніемъ.

Продолжали въ этотъ періодъ носить и фибулы, но онѣ встрѣчаются значительно рѣже, нежели въ предшествующій періодъ; онѣ служатъ для скалыванія корзна; изрѣдка встрѣчаются и пряжки, а также и подвѣски, напоминающія литовскія, въ видѣ многограннаго конуса, украшеннаго зернью, съ длинными цѣпочками, съ бляшками и поталами на концахъ (12). Еще болѣе, чѣмъ въ предшествующій періодъ, носятъ браслеты стеклянные и металлическіе, въ видѣ переплетенной проволоки, съ концами, украшенными зернью и пунктиромъ (13). Но еще оригинальнѣе и изящнѣе браслеты, или, вѣрнѣе, запястья въ видѣ широкаго золотаго или серебрянаго обруча (14), украшеннаго эмалью, или чернью (15); ими стягивались пышные рукава.

Столь же разнообразны были перстни—въ видѣ скрученной проволоки (16), а также въ видѣ проволоки со щиткомъ, украшеннымъ крестами, монограммами, изображеніями животныхъ, птицъ, и т. д. (17).

Говоря объ украшеніяхъ этого періода, нужно обратить вниманіе на одну особенность, рѣзко отличающую ихъ отъ древностей языческой эпохи: съ принятіемъ христіанства у насъ, по примѣру Византіи, распространяется обычай носить кресты, образки, а также помѣщать священныя изображенія на самыхъ разнообразныхъ предметахъ мужскаго и даже женскаго убора; такъ, не только

*) См. XXIII, 12.
**) См. стр. 22.

духовенство, но и свѣтскіе люди носятъ на описанныхъ уже цѣпяхъ наперстные кресты съ частицами мощей, или энколпіоны, отъ самыхъ маленькихъ, до довольно крупныхъ размѣровъ. Эти кресты были занесены къ намъ изъ Византіи и употреблялись до XII в., когда стали исчезать. Древнѣйшій типъ ихъ представляютъ кресты съ инкрустаціей оловомъ, серебромъ, потомъ съ глубокой рѣзьбой (18), но безъ эмали и самый поздній съ рельефнымъ изображеніемъ Распятія (19). Особый видъ украшеній, въ которыхъ какъ то странно сплелись христіанство и язычество, были такъ называемые змѣевики, круглые медальоны съ изображеніемъ Спасителя на одной сторонѣ и плетенки, въ видѣ перевитой змѣи, съ другой—этому змѣевики и обязаны своимъ названіемъ. Они являлись отраженіемъ суевѣрій, и употреблялись какъ амулеты противъ болѣзней — на это и указываютъ надписи на нихъ: „Помози Господи рабу Твоему", слѣдуетъ имя; съ такимъ значеніемъ употреблялись они очень долго и встрѣчались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще въ XVIII в.; дѣлались они очень тщательно, многіе отличаются тонкой работой; особенно хороши найденные въ Бѣлгородѣ и въ Черниговѣ (20); тогда какъ первый византійскаго происхожденія, второй представляетъ собой безспорно работу русскихъ мастеровъ XI и XII вв.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ Кіевѣ, а также и въ Старой Рязани, вмѣстѣ съ описанными уже бармами, были найдены эмалевые образки тонкой изящной работы (30).

Но еще болѣе оригинально обыкновеніе украшать изображеніями святыхъ, Божіей Матери, и Спасителя, предметы личнаго убора, какъ мужскаго, такъ и женскаго: таковы описанныя выше колты, медальоны и діадема.

ВООРУЖЕНІЕ. (Табл. XXVI—XXVII).

Не спокойно протекала жизнь нашихъ предковъ; съ древнѣйшихъ временъ обстоятельства принуждали ихъ вести непрерывную борьбу, и въ ней закалялся ихъ воинскій духъ. Лѣтопись и иностранные писатели разсказываютъ о многочисленныхъ набѣгахъ славянъ на ближнихъ и дальнихъ сосѣдей. Въ этихъ разсказахъ славяне рисуются воинственнымъ, храбрымъ народомъ; но сама жизнь среди враждебныхъ племенъ пріучила славянина быть всегда готовымъ дать отпоръ; даже самыя мирныя по существу занятія, какъ торговля, напримѣръ, была сопряжена съ постоянными опасностями, и купецъ, везшій свой товаръ, долженъ былъ быть въ то же время и воиномъ. Такъ, Ибнъ-Фадланъ, описывая купцовъ, видѣнныхъ имъ въ Булгарѣ, указываетъ, что они никогда не разстаются съ мечами. Въ великокняжескій періодъ учащаются воинскіе походы, князья предпринимаютъ походы въ далекія страны, Олегъ „прибиваетъ свой щитъ на врата Цареграда", Святославъ громитъ хазаръ, Владиміръ наводитъ трепетъ на волжскихъ болгаръ; страшные враги—кочевники—требуютъ новаго напряженія военныхъ силъ; въ наступившій со смертью Ярослава тяжелый періодъ, междуусобицы князей потрясаютъ землю русскую, и „погибаетъ въ нихъ жизнь Дажбожьяго внука". Ясно, какую важную роль играло въ это время войско - дружина княжеская: она „куетъ славу князю" и она защищаетъ мирнаго жителя. Не мудрено, что и внѣшній видъ ея соотвѣтствовалъ ея значенію, и лѣтописецъ ярко описываетъ красоту и великолѣпіе войска, его „свѣтлость великую и оружіе блистающее". Самъ князь ѣдетъ во главѣ войска, и „конь подъ нимъ дивленію подобенъ, и сѣдло отъ злата, сабля и стрѣлы златомъ украшены и иными хитростями, якоже дивитися".

Рисунки изъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ даютъ нѣсколько изображеній дружинниковъ княжескихъ (рис. 1, 2 и 3); мы видимъ, что они надѣвали поверхъ обыкновенной сорочки броню или *колантыри*, изъ маленькихъ металлическихъ дощечекъ (1—2), или же рубашку изъ металлическихъ колецъ, *кольчугу* или *байданы* (4). Носили также брони, украшенныя серебрянными пластинками (5). Брони были очень тяжелы, такъ что, въ случаѣ бѣгства или погони, ихъ нерѣдко бросали. Поверхъ брони или кольчуги набрасывалось корзно (3). На ногахъ носили металлическую обувь съ перехватами у колѣнъ и ступней.

Самой красивой частью воинскаго наряда былъ, конечно, *шлемъ* или *шишакъ*. На однихъ воинахъ шишаки имѣли форму просто гладкую, остроконечную (1, 2,); такихъ и встрѣчается всего болѣе въ раскопкахъ; на другихъ воинахъ такіе же шлемы, но съ торчащими перьями (3). Изъ подъ

нихъ спускалась на шею и закрывала плечи кольчуга. Спереди шлема часто спускалась металлическая пластинка, закрывавшая носъ, она называлась *переносицей*. Рѣже все лицо закрывалось металлической маской, съ прорѣзами для глазъ. Шлемы дѣлались по большей части желѣзные, но они украшались золотой чеканкой (6, 7), а также цѣльными золотыми пластинками, съ насѣчкой (8). На воинахъ Даніила, говоритъ лѣтописецъ, „шеломы аки сонцю восходящу". О князѣ Всеволодѣ „Слово о полку Игоревѣ" говоритъ, что онъ скакалъ по лѣсу, „шеломомъ своимъ златымъ посвѣчивая". Удивительно красивъ шишакъ кн. Ярослава Всеволодовича, найденный на мѣстѣ Липецкой битвы и представляющій одно изъ лучшихъ произведеній древне-русскаго искусства (21); онъ весь желѣзный, и украшенъ серебряными пластинками съ чеканнымъ золотымъ узоромъ,– грифами, орлами, кринами и т. д. Вершина его обломана, но очевидно онъ кончался остріемъ. Подъ остріемъ находится крещатая звѣзда съ изображеніями Спасителя, Ѳеодора Тирона, Василія и Георгія, исполненныя чеканомъ по серебру. Спереди вставленъ кіотецъ съ изображеніемъ св.Михаила и надписью: „Архистратиже Господень Михаиле помози рабу твоему Ѳеодору". Переносье желѣзное съ накладной золотой пластинкой. Обычай вставлять въ шишаки образки былъ вообще довольно распространенъ. Поверхъ шлема часто надѣвался чехолъ изъ мѣха боброваго или куньяго; онъ назывался *прилбица*.

Оборонительное вооруженіе не ограничивалось только шлемами и панцырями; такъ, чтобъ предохранить руку отъ сильнаго удара иногда носили металлическіе спиральные обручи. Но главнымъ оборонительнымъ оружіемъ являлся *щитъ*, исконная принадлежность воина славянина. Щиты были самыхъ разнообразныхъ формъ—круглые, продолговатые, заостренные книзу (3), или четырехъугольные, тоже суживающіеся книзу (1—2), но всѣ они были „червленные" т. е. красные. Ихъ дѣлали изъ дерева, камыша, обтягивали кожей, иногда даже желѣзомъ, и украшали набивными узорами. Гораздо болѣе разнообразно было оружіе наступательное; самымъ древнимъ оружіемъ славянина были *копье* и *топоръ*. Копья назывались *сулицами*, они дѣлались на длинныхъ древкахъ, по большей части червленныхъ, то есть красныхъ, съ желѣзными наконечниками (1, 2, 3, 9). Они, какъ и топоры, употреблялись очень долгое время. Топоры дѣлались или обыкновенные, съ однимъ лезвіемъ (10), или же длинные узкіе, въ видѣ сѣкиры. Возможно, что топоры и въ болѣе позднее время продолжали носить подвѣшенными къ поясу; по крайней мѣрѣ такой выводъ можно сдѣлать изъ лѣтописнаго разсказа, о томъ, какъ Глѣбъ убилъ въ Новгородѣ волхва топоромъ, спрятаннымъ подъ корзно. Кромѣ того, употреблялись ножи, которые, вѣроятно, тоже всегда имѣли при себѣ. Однимъ изъ древнѣйшихъ видовъ оружія, служили *палицы*, а также луки со стрѣлами. Луки, называвшіеся также *рожанцами*, дѣлались изъ дерева и стягивались шелковой тетивой (12). Кромѣ того были большіе луки, стальные, называемые *самострѣлами*, которые уже не носились въ рукахъ, а вдѣлывались въ деревянный станокъ. Такъ, напримѣръ, описывается самострѣлъ Кончака, что его съ трудомъ могли подтянуть пятьдесятъ человѣкъ,—тутъ, вѣроятно, допущено нѣкоторое преувеличеніе.

Съ особымъ тщаніемъ выдѣлывались стрѣлы,—наконечники ихъ дѣлались различной формы (13, 14 и 15). По словамъ былины, лучше всего дѣлались стрѣлы въ Новгородѣ—„а потому стрѣламъ цѣны нѣтъ: колоты изъ трость дерева, строганы въ Новѣградѣ, перены перьицемъ сиза орла". *Тулы* или колчаны для стрѣлъ дѣлались изъ дерева, обшивались дорогимъ мѣхомъ или украшались набивными узорами. Вѣроятно, нѣсколько позже, славяне стали употреблять *мечи*, которые получили широкое распространеніе, хотя и въ позднѣйшія времена лучшими считались не мѣстной работы, а привозные—франкскіе, аварскіе, варяжскіе и т. д. Они были разнообразной формы, но преобладали съ крестообразной ручкой, длинные, прямые (16), были съ волнообразнымъ клинкомъ, которые давали особенно сильный ударъ. Ручка меча нерѣдко украшалась золотыми пластинками (17—18). На рукояткѣ одного меча можно отмѣтить орнаментъ, сходный съ украшеніемъ турьяго рога (17*). Большею частью мечи были обоюдоострые, но встрѣчались и однолезвійные, а также и изогнутыя сабли (12), съ легкой, тонкой рукояткой. Употреблялись и *кинжалы* или *кончары*, которые, вѣроятно, привозились съ востока. Встрѣчались *перначи* (19). Употреблялись гири на длинныхъ веревкахъ, которыя метали въ непріятеля (20). Какъ видно изъ названій, значительная часть оружія

*) См. табл. XXI, 6 а.

привозилась изъ другихъ странъ, и только болѣе грубое изготовлялось на мѣстѣ. Нужно отмѣтить еще одинъ родъ оружія,—осадное: это были *стрикусы, попроки и тараны*—то есть различныя машины, съ помощью которыхъ разбивали стѣны. Онѣ состояли изъ подвѣшенныхъ на канатахъ бревенъ, которыми, раскачивая ихъ, ударяли съ большою силою въ стѣну.

Идя въ бой, несли хоругви и знамена, или *стяги*, которые были преимущественно червленые—красные (1). На рисункѣ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ у нѣкоторыхъ воиновъ въ рукахъ значки на высокихъ древкахъ, увѣнчанныхъ лунницами (1).

Среди предметовъ вооруженія древней Руси очевидно были предметы, служившіе не для военныхъ цѣлей, но только для парадныхъ, торжественныхъ случаевъ въ жизни князей—сюда можно отнести золотыя стрѣлы, о которыхъ не разъ упоминается, а также небольшой топорикъ желѣзный, инкрустированный золотомъ и серебряной насѣчкой. Онъ сдѣланъ для легкости пустой, и только конецъ его цѣльный (22). На немъ чудный узоръ—плетенка съ крестиками, а на одной сторонѣ его—пораженный мечемъ драконъ, который, извиваясь, образуетъ букву А. Характеръ работы указываетъ, что это произведеніе XII в., а эта буква даетъ основаніе предположить, не принадлежалъ ли онъ одному изъ меченосцевъ Андрея Боголюбскаго.

Наконецъ, къ категоріи такихъ парадныхъ предметовъ вооруженія быть можетъ, принадлежала до своей передѣлки и знаменитая шапка Мономаха (23), о происхожденіи которой долго думали, что она была получена этимъ княземъ отъ Византійскаго императора, какъ знакъ царскаго достоинства; предположеніе, совершенно опровергнутое въ настоящее время: самый видъ ея нисколько не похожъ на царскіе вѣнцы Византіи, которые имѣли форму гладкаго обруча; не похожа она и на средне-вѣковые королевскіе вѣнцы. Вмѣстѣ съ тѣмъ доказано, что впервые упоминается она въ числѣ царскихъ регалій лишь въ XVI в., когда ростъ царскаго величія Іоанна IV требовалъ болѣе пышной обстановки, и когда, создавая этикетъ новаго двора, такъ усердно искали поддержки въ исторической традиціи. Возможно, что тогда передѣлали древній шлемъ, или шишакъ великокняжескій, придѣлавъ къ нему полушаріе съ крестомъ, и до неузнаваемости измѣнивъ его первоначальный видъ. Это предположеніе находитъ полное подтвержденіе, если внимательно разсмотрѣть эту шапку—она состоитъ изъ восьми створокъ, вырѣзанныхъ наверху звѣздой, повидимому сюда полагалась верхушка, увѣнчанная султаномъ, или просто шарикомъ съ жемчужиной, какъ то видимъ во многихъ восточныхъ шишакахъ. Теперешняя верхушка закрываетъ часть узора этихъ створокъ, и совершенно не соотвѣтствуетъ, ни общимъ видомъ, ни качествомъ работы, остальной шапкѣ. Мѣховая опушка внизу тоже придѣлана позже, такъ какъ закрываетъ рисунокъ створокъ и нить крупнаго жемчуга. Вѣроятно ее прежде замѣнялъ просто широкій гладкій золотой обручъ; въ такомъ видѣ она совершенно походила на восточные шишаки. Въ ней поражаетъ изящество и тонкость работы: все поле пластинокъ декорировано сканью изъ тончайшихъ ленточекъ, какую мы видѣли на Рязанскихъ бармахъ. Но здѣсь отъ мастера требовалось еще больше искусства, такъ какъ приходилось покрывать болѣе широкое поле, и рисунокъ еще болѣе сложенъ—здѣсь видимъ цвѣты, арабески, розетки. Наряду съ такими ленточками здѣсь много ленточекъ съ насѣчкой, какъ бы подражающей скани изъ сученныхъ нитокъ—такъ выполнены всѣ растительные разводы. Рисунокъ чуждъ какой бы то ни было предвзятой мысли, онъ просто покрываетъ сплошной сѣтью разводовъ все поле пластинки, оставляя свободными только небольшія мѣстечки, на которыхъ прежде были утверждены жемчужины. Всматриваясь въ узоры пластинокъ, видимъ, что онѣ не одинаковы: семь пластинокъ сдѣланы по одному рисунку, восьмая же не имѣетъ подобной. Узоръ ея болѣе красивъ и замысловатъ; тогда какъ на семи пластинкахъ вокругъ большого камня, утверждены по три жемчужины, на этой ихъ четыре; очевидно она находилась спереди. Какъ рисунокъ пластинокъ, такъ и самая техника работы указываютъ на то, что мы имѣемъ здѣсь чудный образецъ византійскаго искусства, XI—XII в.в. Но если шапка Мономаха является образцомъ византійскаго искусства, то во всякомъ случаѣ, она была сдѣлана не въ самой Византіи, а или въ малой Азіи, или въ Херсонесѣ; словомъ сказать, тамъ, гдѣ сильнѣе чувствовалось восточное, арабское вліяніе, которое такъ ясно сказывается въ арабескахъ, рисункѣ цвѣтовъ и всѣхъ деталяхъ.

СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНІЯ. (Табл. XXVIII).

Въ древнія времена территорія Россіи представляла мѣстность очень неудобную для передвиженія—большую часть ея занимали дремучіе лѣса, по которымъ трудно было пробираться конному и пѣшему; далѣе тянулись топкія болота.

Конечно, самымъ удобнымъ средствомъ сообщенія по сухому пути былъ добрый конь, и мы видимъ, что на коняхъ совершаютъ походы свои княжескія дружины, на коняхъ ѣздятъ и былинные герои, славные богатыри. Если и можно признать то, что съ конями познакомились славяне только благодаря кочевникамъ, то во всякомъ случаѣ знакомство это совершилось очень давно, и передвиженіе на коняхъ глубоко вошло въ обычаи народные. Конскій наборъ у богатыхъ людей украшался съ большой роскошью—иноходецъ богача украшался золотой сбруей, „сѣдло его позлащено“—оно покрывалось дорогимъ чепракомъ, налучья обивались металлическими пластинками. „Слово о Полку Игоревѣ“ говоритъ о „позлащенныхъ стременахъ“; уздечка тоже украшалась бляхами. Сохранились части такихъ наборовъ—удила, стремена, а также шпоры, которыя носились только на лѣвой ногѣ. Въ западной Руси, гдѣ сильнѣе было вліяніе Западной Европы, надѣвали на коней брони, такъ напримѣръ, у дружины кн. Даніила Галицкаго „бѣша вси кони въ личинахъ и въ коярѣхъ кожаныхъ“, но трудно утверждать, чтобы такъ одѣвали боевыхъ коней и въ Кіевской Руси и смежныхъ съ нею областяхъ (рис. 1). На рисункахъ Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, мы видимъ только сбрую, украшенную подвѣсками и бляхами, и сѣдла съ высокими луками, покрытыми чепраками. Ѣздили не только верхомъ, но также и въ повозкахъ, зимой на саняхъ, а лѣтомъ въ повозкахъ на колесахъ, или возахъ. Конечно, сани были экипажемъ болѣе древнимъ, нежели колесныя повозки, уже потому, что гораздо проще было сдѣлать полозья, нежели колеса. Это отразилось и на погребальныхъ обычаяхъ, такъ какъ долгое время было принято приносить въ церковь покойника на саняхъ, независимо отъ времени года. На саняхъ кн. Ольга объѣзжала свои владѣнія и, по преданію, ея сани долго сохранялись во Псковѣ. Сани древней Руси мало отличались отъ современныхъ, дно ихъ было плоское, пéредъ же круто загибался кверху. Спинка была тоже довольно высокая (2). Сани обшивали рогожами, или коврами и тогда они назывались пошевнями.

Лѣтомъ ѣздили въ повозкахъ на колесахъ, которыя назывались одноколками или двоеколками. На приложенномъ рисункѣ (3), мы видимъ довольно большую повозку на четырехъ колесахъ, напоминающую наши телѣги. Здѣсь обращаетъ вниманіе особенность запряжки: она запряжена одною лошадью, возница сидитъ не въ повозкѣ, а верхомъ на лошади. Подтвержденіемъ этому можетъ служить разсказъ изъ жизни преп. Ѳеодосія, какъ онъ возвращался изъ дворца князя на его лошади, и какъ конюхъ, не зная о томъ, кого везетъ, просилъ его сѣсть на лошадь и править, а самъ легъ на его мѣсто въ повозку.

При остановкахъ раскидывали шатры, которые дѣлались изъ холстовъ, а также и болѣе толстыхъ шерстяныхъ матерій или войлоковъ—*полстей* (4).

Но еще болѣе значенія въ жизни древней Руси имѣли водные пути сообщенія, средствомъ для которыхъ были различныя ладьи. Онѣ были различныхъ типовъ; по рѣкамъ ходили небольшія суденышки—*однодеревки*, выдолбленныя изъ одного ствола, *челны*, *насады*, *струги*. Насадами назывались довольно большія лодки, съ высоко поднятыми кормою и носомъ (5); уловить разницу между насадомъ и стругомъ—трудно. Небольшія легкія лодочки назывались *челнами* и плоскодонки—*учанами* или *мишанами*. Новгородцы создаютъ особый типъ лодокъ, которыя называются *ушкуями*; на нихъ новгородскіе искатели приключеній, непокойные ушкуйники, совершали свои далекія экспедиціи, „ходили за море себѣ славу добывать“. Всѣ эти суда были гребныя, при чемъ судя по рисунку, гребецъ гребъ однимъ весломъ. Весла были короткія съ перекладиною, и укрѣплялись уключинами. Управляли ладьями съ помощью большого кормового весла; иногда въ военныхъ цѣляхъ ставили двухъ кормчихъ на носу и на кормѣ и тогда, судя по надобности, судно могло двигаться и взадъ и впередъ. Для военныхъ же цѣлей иногда борты судна забирались досками—такъ, что за ними скрывались гребцы, наверху же, на особомъ помостѣ, становились воины въ броняхъ и шлемахъ и стрѣляли въ непріятеля.

Наряду съ рѣчными лодками въ древней Руси издавна были и суда, которыя могли плавать по морю, или корабли. Они были невелики размѣрами и вмѣщали не болѣе 40—50 человѣкъ. На такихъ судахъ русскіе славяне совершали свой длинный путь изъ варягъ въ греки и угрожали Царьграду. Суда были гребныя и парусныя; такъ извѣстно, что послѣ удачнаго набѣга на Царьградъ, славяне подѣлали паруса изъ паволокъ.

Паруса или *вѣтрила* укрѣплялись на реяхъ и привязывались канатами. Въ такихъ судахъ устраивалась палуба, въ видѣ помоста. Константинъ Багрянородный оставилъ подробное описаніе того, какъ строились эти суда. Весною въ Кіевъ пригоняли по Днѣпру неотдѣланныя лодки, здѣсь ихъ оснащивали и спускали внизъ. Около устья Днѣпра, на островѣ Евферія, ихъ вытаскивали на берегъ, окончательно отдѣлывали, снабжали парусами, мачтами и спускали снова въ Днѣпръ; теперь уже онѣ были готовы для долгаго пути.

Наряду съ русскими судами, въ древней Руси было не мало типовъ судовъ, заимствованныхъ у западныхъ сосѣдей, таковы были *галеи*, *лойвы*, *шнекибусы*, *барки*, *дромоны* и другія суда.

Хотя лодки были не велики, но размѣры ихъ восполнялись количествомъ — такъ у Игоря въ походѣ на Царьградъ, было, по словамъ лѣтописца, 10000 судовъ, а цифра въ тысячу встрѣчается нерѣдко. Суда богатыхъ лицъ, въ томъ числѣ, конечно, и княжескія, украшали росписью, рѣзьбой. Преимущественно ладьи красили въ цвѣтъ „червленный". Былины русскія сохранили описанія корабля, у котораго „носъ, корма по туриному, бока взведены по звѣриному, самъ корабль червленый, паруса у него хрущатой камки, снасти — шелковыя" и т. д. Другой корабль описывается такъ: „носъ, корма расписаны по змѣиному, по звѣриному, самъ корабль какъ соколъ летитъ". Къ сожалѣнію, не сохранилось ни одного изображенія подобнаго изукрашеннаго „звѣря--корабля". На основаніи этихъ же описаній можно сдѣлать только тотъ выводъ, что, быть можетъ, въ орнаментаціи богатыхъ купеческихъ или княжескихъ судовъ встрѣчались и подобныя замысловатыя формы.

При движеніи даже небольшихъ судовъ по рѣкамъ громадное препятствіе представляли камни, преграждавшіе путь, на которые могли натолкнуться ладьи и потерпѣть крушеніе, и для обхода которыхъ приходилось вытаскивать суда на берегъ и тащить волокомъ. И вотъ еще въ XII в. видимъ попытки расчищать фарватеръ отъ такихъ камней; памятникомъ такой расчистки пути служатъ камни съ надписями; такихъ камней сохранилось нѣсколько въ Западной Двинѣ, на нихъ вырѣзаны кресты, а на одномъ и надпись: „Господи, помози рабу твоему Борису", что указываетъ на участіе въ этомъ дѣлѣ кн. Полоцкаго Бориса (6).

ОРУДІЯ ПРОИЗВОДСТВА. (Табл. XXIX).

Древнѣйшимъ занятіемъ славянъ были охота, рыболовство, пчеловодство или бортничество, то есть такое пчеловодство, когда человѣкъ не строилъ спеціальныхъ ульевъ для пчелъ, а доставалъ медъ въ дуплахъ деревьевъ. Для охоты на звѣря онъ пользовался, конечно, тѣмъ же оружіемъ, съ которымъ шелъ и на врага — человѣка: лукъ со стрѣлами, копіе — сулица, ножъ, рогатина. На серебряномъ фризѣ турьяго рога (табл. XXI, рис. 6), изображена охота на дикаго звѣря съ громадными луками. Но кромѣ оружія, такъ сказать, наступательнаго, славяне въ отдаленныя времена стали устраивать ловушки и ямы, въ которыя попадало звѣрье. Таковы *тенета* или сѣти, для болѣе крупной дичи,—тенетами, напримѣръ, ловили сернъ, волковъ, а также и зайцевъ, *пругла*— сѣти для птицы; они назывались также силками. Кромѣ того разставляли *перевѣсы*— ловушки изъ веревокъ съ петлями, въ которыя попадали на бѣгу олени, лоси и другіе звѣри. Такіе перевѣсы находились, между прочимъ, подъ Кіевомъ; отсюда произошло названіе мѣстности: „перевѣсища". Употреблялись для охоты спеціально пріученныя собаки и птицы — соколы, кречеты и ястребы, которые цѣнились очень высоко.

Для рыболовства употребляли съ древнѣйшихъ временъ, доходящихъ еще до поры каменныхъ орудій, различные гарпуны, рыболовные крючки, остроги. Послѣднія иногда имѣли видъ трезубцевъ (рис. 1), дѣлались всѣ эти предметы изъ кости и желѣза. Но, конечно, не такой способъ ловли

рыбы могъ служить существеннымъ промысломъ; въ древней Руси употребляли въ большомъ количествѣ различнаго рода сѣти или *мрежи, невы*,—невода, *бредни*. Всѣ эти снасти дѣлались изъ болѣе или менѣе толстыхъ веревокъ, при чемъ, для плетенія сѣтей употреблялось особаго рода орудіе, которымъ протягивали веревку. Кромѣ того, употребляли *мертвую снасть*—какъ называлась сѣть съ множествомъ подвѣшенныхъ крюковъ, которую тянули по рѣкѣ въ то время, когда по ней шла рыба, крючки захватывали рыбу, часть ея ловилась, часть же уходила израненною, такъ что вся вода окрашивалась въ кровавый цвѣтъ. Но самымъ распространеннымъ способомъ ловли рыбы былъ такъ называемый *ѣзъ*: поперекъ рѣки вбивались колья и заплетались хворостомъ, такъ что оставался только небольшой проходъ, который окружался тоже хворостомъ. Въ него опускали рѣшето и протягивали шнурки съ звонками; когда рыба шла, она трогала шнурки, звонки звонили, и рыболовы вытаскивали рѣшето, полное рыбой.

Славяне рано научились прясть нитки и дѣлать пряжу изъ льна и шерсти; не сохранилось никакихъ остатковъ отъ прялокъ, или ткацкихъ станковъ, уцѣлѣли лишь пряслицы (2, 3), надѣвавшіяся на веретено, и грузила. Во многихъ мѣстахъ находятъ большія ножницы, сходныя съ современными, употребляемыми для стрижки овецъ (4), которыя, вѣроятно, и въ древней Руси служили той же цѣли; зато источники не разъ упоминаютъ о различныхъ сортахъ матерій, которыя выдѣлывались на мѣстѣ—о полотнахъ, холстѣ, а также грубомъ мѣстномъ сукнѣ, орницѣ. Между прочимъ, монахи не могли носить одежду изъ привознаго сукна и потому ходили въ орницѣ.

Земледѣльческія орудія той поры, видимо, мало отличались отъ современныхъ—видимъ ту же соху (5*), плугъ, сохранилось не мало металлическихъ частей—сошниковъ, наральниковъ отъ плуга и т. д. Пахали и на лошадяхъ, и на волахъ, при чемъ послѣдніе запрягались, очевидно, парой—такъ упоминается источникомъ „супруга (пара) воловъ“. Для уборки хлѣба пользовались серпами, косами потомъ хлѣбъ складывался въ скирды и молотился цѣпами, на току.

Не подлежитъ сомнѣнію, что простѣйшая глиняная посуда изготовлялась на мѣстѣ, но только въ послѣднее время были открыты гончарныя печи, въ которыхъ она обжигалась; онѣ были грушевидной формы, небольшихъ размѣровъ, съ плоскимъ сводомъ; съ одной стороны въ печь идетъ отверстіе; внутри дѣлалось сооруженіе меньшихъ размѣровъ, съ поперечной канавкой, соединявшейся съ дымовымъ отверстіемъ. Вся пустота между стѣнками заполнялась сосудами. Потомъ въ отверстіе клали дрова и зажигали, а верхъ печи замазывали глиной. Пламя и дымъ, ища выхода, равномѣрно охватывали весь проходъ, обжигая сосуды и выходили черезъ канавку въ среднее отверстіе (6 и 7). Потомъ, по прошествіи нужнаго для обжига времени, печь открывали.

Вообще гончарное дѣло стояло въ древней Руси очень высоко—кромѣ выдѣлки сосудовъ, нужно еще упомянуть о производствѣ поливныхъ эмалевыхъ плитокъ, служившихъ для украшенія стѣнъ и настилки половъ, какъ въ жилыхъ домахъ, такъ и въ храмахъ. Дѣлались онѣ такъ: брались небольшіе, хорошо обожженные кирпичи, раскалялись, и на ихъ поверхность выливалась полива—расплавленная эмаль (плавится она при 800—1200 гр.). Когда она начинала застывать, то по ней острымъ орудіемъ наводился рисунокъ. Когда она совершенно застывала, то ровики эти заполнялись поливой другого цвѣта. Если фонъ не успѣлъ еще застыть, то краски могли смѣшаться и рисунокъ не выходилъ (8). Эти плитки были самыхъ разнообразныхъ рисунковъ, очень много встрѣчается плитокъ съ узоромъ въ видѣ непрерывныхъ линій, какой мы видѣли на финикійскихъ сосудикахъ и византійскихъ бусахъ (9), есть стилизованные цвѣты (10), есть геометрическій орнаментъ. Эти плитки очень красивы по яркости красокъ эмали,—бѣлой, желтой, красной, зеленой, а также по сочетанію цвѣтовъ. Были плитки и другого качества—съ неопредѣленнымъ рисункомъ, какъ бы имитирующимъ прожилки мрамора—такой рисунокъ получался другимъ способомъ. Въ тиглѣ (11), раздѣленномъ на двѣ части, расплавливали эмаль двухъ сортовъ, и потомъ выливали на раскаленную поверхность предмета; судя по тому, какой стороной нагибали тигликъ, выливалась та, или другая эмаль и, смѣшавшись, образовывала неправильные потоки. Въ великокняжескій періодъ въ кіевской Руси существовало много мастерскихъ, въ которыхъ изготовляли стеклянные браслеты, металлическія серьги, бусы, подвѣски, крестики; мы приводимъ рисунки фор-

*) Рисунокъ взятъ изъ рукописи болѣе поздняго времени—изъ Житія св. Сергія Радонежскаго XIV в., но можно предположить, что видъ и устройство сохи мало измѣнились.

мочекъ для отливки серебряныхъ серегъ кіевскаго типа (12), половецкаго типа (13), колта (14), и подвѣски (15). Выше мы подробно описывали способъ производства перегородчатой эмали (стр. 20), скани (стр. 22) и чекана.

Большую роль въ исторіи древней Руси, какъ извѣстно, играла торговля — этимъ можетъ быть и объясняются довольно часто встрѣчающіеся маленькіе вѣсы съ гирьками, которые нерѣдко заключены въ футляръ, что такимъ образомъ указываетъ на постоянное ношеніе ихъ при себѣ (16).

МОНЕТА. (Табл. XXX).

Древнѣйшей единицей обмѣна у русскихъ славянъ служили шкурки пушныхъ звѣрей, называвшіяся *кунами*. Впослѣдствіи, такъ какъ шкурки сами по себѣ представляли довольно крупную цѣнность и были непригодны для мелкихъ платежей, стали употреблять части ихъ, напримѣръ: головки, которыя назывались *мордками*, лапки и т. д. Головки или мордки были болѣе дорогія— куньи, и менѣе дорогія — бѣличьи. Интересно, что мѣховыя деньги употреблялись очень долго, и въ Новгородѣ были выведены изъ обращенія только въ XV в.

Наряду съ мѣховыми деньгами, обращались на Руси и металлическія деньги, преимущественно серебряныя. Сначала на Руси не дѣлали своей монеты, а пользовались иностранной, главнымъ образомъ арабскими *диргемами* (рис. 1), а также и византійской серебряной и въ меньшей мѣрѣ золотой монетой (2) и еще въ болѣе незначительномъ количествѣ западно-европейской. Указаніемъ на то, какъ распространены были у насъ диргемы, могутъ служить неоднократно находимые клады этихъ монетъ въ нѣсколько пудовъ вѣсомъ, а также и то обстоятельство, что у насъ въ очень отдаленныя времена научились дѣлать фальшивые диргемы; находятъ не только такія поддѣльныя монеты, но даже и формочки, служившія для отливки ихъ. Такъ какъ диргемъ представлялъ собою цѣнную монету, то, за неимѣніемъ болѣе мелкой единицы, стали дѣлить диргемы на части, на двѣ, четыре, и даже двадцать частей, при чемъ каждый отрѣзокъ имѣлъ цѣнность, соотвѣтственно той части диргема, которую онъ представлялъ (3—4). Эти части диргема носили спеціальныя названія: такъ половина диргема называлась *ногатой*, шестая часть *рѣзаной*.

Но съ начала XI вѣка начинаетъ уменьшаться приливъ иностранной монеты, какъ византійской, такъ въ особенности арабской и къ срединѣ одиннадцатаго вѣка совершенно прекращается. До сихъ поръ еще не найдено на территоріи древней Руси ни одного диргема чеканки позже 1015 года. А между тѣмъ населеніе успѣло привыкнуть къ серебряной монетѣ. И вотъ это обстоятельство побудило князей выпускать свою собственную монету. Монетныя единицы древней Руси были двухъ родовъ—литыя и чеканныя. Послѣднія начали чеканить при Владимірѣ святомъ, по образцу византійскихъ солидовъ и первоначально русскія золотыя монеты или „златники“ совершенно соотвѣтствовали послѣднимъ своимъ видомъ, размѣромъ и вѣсомъ. На нихъ изображался съ одной стороны портретъ князя Владиміра въ діадемѣ, съ крестомъ въ рукѣ и надписью вокругъ— „Владиміръ на столѣ“ (то есть на престолѣ) (5—6). На оборотной сторонѣ, по образцу византійскихъ монетъ, помѣщали образъ Спасителя. Такого же вида чеканились и серебряныя монеты или „серебрянники“. На нѣкоторыхъ монетахъ изображенъ Владиміръ во весь ростъ, сидящимъ на престолѣ. Кромѣ того, на многихъ монетахъ, на оборотной сторонѣ, вмѣсто изображенія Спасителя, находится какой то знакъ, непонятный по своему значенію и напоминающій формой трезубецъ (7). Тогда какъ первыя монеты, вѣроятно, чеканились византійцами и обращаютъ вниманіе аккуратностью и даже изяществомъ работы, позднѣйшія стали, видимо, дѣлаться малоопытными русскими мастерами и значительно уступаютъ первымъ, онѣ сдѣланы грубо, небрежно. На нѣкоторыхъ изъ такихъ монетъ, кромѣ имени Владиміра, помѣщено и имя, принятое имъ при крещеніи—Василій. Кромѣ Владиміровскихъ серебрянниковъ и златниковъ, сохранились монеты Святополка и Ярослава. На первыхъ изображенъ портретъ этого князя съ надписью „Святополкъ на столѣ, а се его серебро“, при чемъ князь изображенъ подобно Владиміру въ вѣнцѣ и на тронѣ (8). На этихъ моне-

тахъ какъ и на монетахъ Ярослава, видимъ на обратной сторонѣ тотъ же самый знакъ, что и на монетахъ Владиміра, но нѣсколько видоизмѣненный. На лицевой сторонѣ монетъ Ярослава помѣщенъ его портретъ и надпись,—его христіанское имя, т. е. Георгій, на обратной же сторонѣ надпись „Ярославле серебро“ (9). Послѣднія монеты значительно отличаются качествомъ выдѣлки отъ нѣкоторыхъ монетъ Ярослава же и Святополка, онѣ гораздо лучше сдѣланы, и возможно что Ярославъ снова призывалъ византійцевъ, которые научили русскихъ чеканить монеты. Но чеканныя монеты не нашли широкаго распространенія въ древней Руси, дѣлались онѣ только въ южной Руси, и, вообще, мало вошли въ обиходъ народный.

Гораздо болѣе были распространены литыя монетныя единицы, называвшіяся *гривнами*. Онѣ появляются или нѣсколько ранѣе чеканной монеты или въ одно время съ нею, и дѣлались въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, при чемъ были разной формы: Кіевскія гривны имѣли видъ довольно толстой шестиугольной пластинки (10), Черниговскія — ромба съ вытянутыми или сплющенными концами (11—13), Новгородскія — слегка выгнутой палочки (14, 15). Дѣлались гривны, по большей части, небрежно, поверхность ихъ неровная, покрыта пузырями. Матеріаломъ для нихъ служили главнымъ образомъ серебро, рѣже золото и мѣдь.

Позже появились двойныя гривны, которыя дѣлились на двѣ части и каждая часть, равная прежней гривнѣ, называлась *полтиной*. Полтина, въ свою очередь, дѣлилась на *рубли*. Такимъ образомъ полтина древней Руси была больше рубля. Эти единицы отнюдь не слѣдуетъ смѣшивать съ современными. То обстоятельство, что и теперь еще живутъ эти названія, измѣнивши свое первоначальное значеніе, показываетъ, какъ эти монетныя единицы вошли въ сознаніе народа, привились на Руси.

ЦЕРКВИ КІЕВСКОЙ РУСИ. (Табл. XXXI, XXXII и XXXIII).

Въ Кіевѣ появляются храмы въ очень отдаленныя времена. Такъ, при заключеніи договора Игоря съ греками въ 945 г., христіане клялись въ храмѣ св. Иліи на Подолѣ. Есть указаніе, что Ольга построила два храма въ Кіевѣ, но неизвѣстно гдѣ именно находились они.

Съ принятіемъ христіанства Владиміромъ, въ Кіевѣ строятся храмы въ большомъ количествѣ, такъ въ 988 г. Владиміръ строитъ церковь во имя своего святого Василія на мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ Перунъ, затѣмъ въ 989 г. онъ основываетъ храмъ во имя Рождества Богородицы и приказываетъ отчислять на содержаніе его десятую долю княжескихъ доходовъ, почему и церковь стала называться десятинной. Онъ же строитъ храмы и въ другихъ городахъ: въ Василевѣ, Бѣлгородѣ, Овручѣ и др. Число церквей въ Кіевѣ было очень велико, по крайней мѣрѣ, по сильно преувеличенному, впрочемъ, свидѣтельству Дитмара Мерзебургскаго, въ 1017 г. въ Кіевѣ было 300 храмовъ. При Ярославѣ Мудромъ строятся все новые и новые храмы—св. Георгія, Ирины, Екатерины, Благовѣщенія на золотыхъ воротахъ (табл. XIX), и наконецъ въ 1037 св. Премудрости Божіей, или Софіи, на мѣстѣ побѣды надъ печенѣгами. Въ послѣдующую эпоху XI—XII в. продолжали строиться церкви—воздвигаются монастыри: Михайловскій, Янчинъ, Андреевскій, Кловскій, Выдубецкій, Дмитріевскій, Великая Печерская Лавра, Кирилловскій на Подолѣ, и еще рядъ другихъ храмовъ, отъ которыхъ уже не осталось никакихъ воспоминаній.

Съ обѣднѣніемъ Кіева, наступившимъ въ XII в., перенесеніемъ великокняжескаго стола въ Владиміръ, съ надвинувшейся наконецъ тяжелой порой татарскаго ига, не слышно болѣе о возведеніи храмовъ, и даже прежніе разрушаются, враги сдираютъ позолоту съ иконъ, осыпается мозаика, дожди и зимнія мятели врываются черезъ разбитыя окна, портятъ фрески… Мерзость запустѣнія свиваетъ гнѣздо во храмахъ Божіихъ…

Очень не многое осталось до нашихъ дней отъ этихъ памятниковъ старины: отъ Десятинной церкви, которая рухнула, не выдержавъ тяжести людей, скрывшихся съ пожитками на ея хоры, когда Кіевъ обложили татары, оставалась долгое время одна только стѣна (рис. 1); теперь на ея мѣстѣ стоитъ новый храмъ, отъ старой же уцѣлѣли лишь фундаменты. Отъ Спасо-Берестовской и Выду-

бецкой сохранилось по двѣ стѣны, отъ Софійскаго собора сохранилось съ наружной стороны только пять алтарныхъ абсидъ и средніе купола, хотя и въ нихъ измѣнили внѣшній видъ. Весь храмъ взятъ точно въ коробку позднѣйшими пристройками, и не сразу глазъ отдѣлитъ въ немъ древнія части (2). Также мало осталось древняго въ церкви Михайловскаго монастыря, которая тоже значительно увеличена и перестроена (3). Лучше сохранилась Кирилловская церковь, но въ ней пристроили неподходящій фасадъ. Въ Лаврѣ отъ старины остались: маленькая Троицкая церковь надъ св. воротами (4), да церковь Іоанна Предтечи, которая теперь превращена въ сѣверо-западный придѣлъ Великой церкви. Кое гдѣ въ другихъ городахъ сохранились памятники этой поры: Спасо-Преображенскій соборъ въ Черниговѣ (5), св. Василія въ Овручѣ (6), Свирскій въ Смоленскѣ (7). Борисоглѣбская Коложская церковь въ г. Гродно, вѣроятно XII в. (8). Отъ другихъ уцѣлѣло и еще меньше. Только жалкія развалины остались на мѣстѣ храма св. Апостоловъ въ Бѣлгородѣ, Бориса и Глѣба на Смядыни, подъ Смоленскомъ, а чаще забыто даже мѣсто, гдѣ стоялъ храмъ.

Но и по этимъ остаткамъ можно представить особенности церковнаго строительства той поры: матеріаломъ для построекъ служилъ кирпичъ, очень большихъ размѣровъ, тонкій, квадратной формы. Позже, съ эпохи Ярослава, кирпичъ дѣлаютъ иной, худшей выдѣлки, и болѣе грубой формы, продолговатый, толстый. Но главную массу стѣны составлялъ цементъ изъ извести, битаго кирпича, раковинъ, изумительной прочности; кирпичъ же клался только для того, чтобы не дать стѣнѣ неравномѣрно осѣсть. Кромѣ того, въ кладкѣ много цѣльныхъ камней, а также встрѣчаются тонкія большія плиты, которыя выступали изъ стѣны на подобіе карнизовъ.

Первыми строителями у насъ были греки, и потому вполнѣ понятно, что строились храмы по византійскому плану. Они имѣли видъ удлиненнаго четырехугольника, съ тремя выступами, абсидами, на восточной сторонѣ и широкимъ партексомъ — папертью на западной. Иногда паперть открытой галлереей окружала храмъ съ трехъ сторонъ. Внутри, храмъ шестью столбами раздѣлялся на три продольныя части, и четыре восточные столба поддерживали барабанъ средняго купола. Куполовъ было обычно по пяти, но бывало и больше,такъ въ Софіевскомъ соборѣ ихъ было тринадцать. Съ внѣшней стороны, внутреннимъ столбамъ соотвѣтствовали выступы или *пилястры*. Съ западной стороны, къ храму часто пристраивали одну или двѣ высокія башни или вежи; онѣ служили, вѣроятно, сторожевыми пунктами и сохранились въ Софійскомъ соборѣ, въ Спасо-Преображенскомъ въ Черниговѣ, были и въ другихъ храмахъ, Спасо-Берестовскомъ, Лаврскомъ, Выдубецкомъ. По образцу византійскихъ храмовъ, крыша дѣлалась посводною, и крылась свинцомъ. Нужно отмѣтить еще одну особенность древнихъ построекъ: въ стѣны, особенно въ барабанахъ куполовъ и въ другихъ мѣстахъ, вставлялись пустые глиняные горшки, отверстіемъ внутрь храма; они называются голосниками, но назначеніе ихъ неясно; думаютъ, что они служили какъ резонаторы, для смягченія силы звуковой волны, которая отражалась отъ плоскости свода и возвращалась внизъ, но возможно и другое объясненіе, что голосники клались для того, чтобы облегчить тяжесть свода.

Съ теченіемъ времени въ планѣ храмовъ происходитъ перемѣна: абсиды все уменьшаются и выравниваются, средняя уже не выдается такъ далеко впередъ (9—10), самъ храмъ укорачивается, приближается къ квадрату. Вслѣдствіе этого шесть внутреннихъ столбовъ дѣлаются излишними и замѣняются четырьмя, которые продолжаютъ поддерживать барабанъ купола. Такой планъ имѣютъ храмы XII в.: Троицкій въ Лаврѣ, Овручскій, Кирилловскій и др.

Возводимые князьями, по большей части, въ память радостныхъ событій, храмы этого періода поражали роскошью и великолѣпіемъ; въ пышныхъ выраженіяхъ лѣтописцы описываютъ ихъ, сравнивая съ храмомъ Соломона, ставя постройку такого храма въ подвигъ князю: „дивно прекрасная", „яко же нѣсть бывала на Руси", „дивленію подобная", „дивь украшенная, по Приточнику*), глаголящему — вся добра возлюбленная моя и порока нѣсть въ тебѣ" — такъ говорятъ о нихъ лѣтописцы. Одинъ изъ иностранцевъ, видѣвшій Софійскій соборъ, говоритъ, что равнаго по красотѣ и великолѣпію нѣтъ въ Западной Европѣ и что онъ можетъ сравниться только съ Константинопольской Софіей.

Да это и не мудрено, вѣдь въ тѣ времена храмъ былъ не только мѣстомъ религіознаго поклоненія, но и единственнымъ, если можно такъ выразиться, музеемъ, онъ одинъ давалъ удовле-

*) Приточникъ—авторъ притчей, Соломонъ.

творенiе всѣмъ нарождающимся духовнымъ потребностямъ, и въ него несъ новый христiанинъ все, что было лучшаго въ его душѣ и охотно отдавалъ избытокъ своихъ благъ на украшенiе его. Изъ далекихъ странъ выписывались мраморъ, порфиръ, лабрадоръ и другiе камни для облицовки стѣнъ снаружи и внутри, для портиковъ, колоннъ, алтарныхъ преградъ. Высокiе, свѣтлые, полные солнечныхъ лучей, храмы сiяли позолотой и переливались дорогой мозаикой.

Особенно хороша была мозаика Софiйскаго собора, сохранившаяся отчасти до сихъ поръ. Фонъ картинъ былъ сдѣланъ изъ крупныхъ кусочковъ стекла, такъ же была выполнена одежда; сѣдина отливаетъ настоящимъ серебромъ, глазъ оживленъ крошечнымъ чернымъ кусочкомъ,—зрачкомъ. Тѣло сдѣлано изъ непрозрачнаго розоватаго шифера, обведеннаго контуромъ другого цвѣта, и потому какъ-то особенно рельефно выступаетъ изъ прозрачной дали фона.

Но роспись Софiйскаго собора интересна не только своей работой, но и тѣмъ, что вся она проникнута одной общей идеей—представить связь земной церкви съ небесной, съ ея главой, Iисусомъ Христомъ. Сообразно съ этой идеей, всѣ священныя изображенiя направляютъ все вниманiе молящагося къ небесамъ, къ Христу. Въ алтарѣ (12), мы видимъ рядъ святителей и устроителей церкви земной, надъ ними Таинство Евхаристiи, въ той обстановкѣ, въ которой совершается причащенiе духовенства на литургiи—престолъ съ дискосомъ, звѣздицей и копiемъ, надъ нимъ—сѣнь или киворiй; прислуживаютъ ангелы въ видѣ иподiаконовъ, съ рипидами въ рукахъ. По обѣ стороны престола изображенъ Спаситель; съ одной стороны Онъ подаетъ двумя руками подходящимъ Апостоламъ хлѣбъ, съ другой такъ же вино (13). Къ Нему подходятъ съ каждой стороны по шести Апостоловъ съ преклоненными главами, и протянутыми руками (14). Глубокiя складки одеждъ даютъ впечатлѣнiе быстраго движенiя впередъ.

Выше находится колоссальное изображенiе Божьей Матери, съ молитвенно поднятыми руками, Она рельефно выдѣляется на золотомъ фонѣ ниши алтаря, и раньше всего бросается въ глаза каждому, входящему въ храмъ, являясь такимъ образомъ и духовнымъ, и художественнымъ средоточiемъ (15). Она облечена въ голубой хитонъ, подпоясанный золотымъ поясомъ; пурпурный мафорiй покрываетъ голову и плечи, и широкой мантiей спускается внизъ. На ногахъ Ея пурпурная обувь, какъ на земной императрицѣ. Помостъ, на которомъ Она стоитъ, украшенъ драгоцѣнными камнями; такiе помосты употреблялись въ Византiи при высочайшихъ прiемахъ. Но здѣсь изображена не только Божiя Матерь, но и символически, въ Ея лицѣ, земная церковь. На это указываетъ надпись надъ ней: „Богъ посредѣ ея и не подвижется. Поможетъ ей Богъ день и день“. Выше, надъ алтарной нишей находится Деисусъ въ трехъ медальонахъ. Еще выше, въ парусахъ, при соединенiи арокъ и сводовъ съ барабаномъ купола,—были помѣщены четыре Евангелиста, но сохранился только ап. Маркъ, онъ представленъ сидящимъ со свиткомъ и перомъ въ рукахъ (16). Въ центрѣ купола, тамъ, куда устремляются взоры вѣрующихъ, и куда указываютъ поднятыя руки Богородицы, находится колоссальное погрудное изображенiе Спасителя съ благословляющей рукой и съ Евангелiемъ въ другой. Лицо Спасителя нѣсколько сурово; дугообразно поднятыя брови усугубляютъ впечатлѣнiе строгости... Массивность, тяжеловѣсность формъ создаютъ представленiе величiя, могущества. Все указываетъ на то, что здѣсь изображенъ Спаситель, какъ Царь небесный, во всей Своей славѣ (17). Окружаютъ Его силы небесныя, въ видѣ ангеловъ; здѣсь сохранилась изъ четырехъ фигуръ только одна. Облаченъ ангелъ въ хитонъ, украшенный камнями, и въ лоръ; длинный конецъ его перекинутъ черезъ руку, которая держитъ знамя съ славословiемъ: „Святъ, Святъ, Святъ, Господь Богъ Саваофъ“. Волосы стянуты матерчатой повязкой—словомъ, на немъ облаченiе высшихъ придворныхъ византiйскихъ чиновъ (18). Ниже находились изображенiя апостоловъ.

Кромѣ этихъ главныхъ мозаикъ, въ Софiйскомъ соборѣ сохранилось еще нѣсколько—раздѣленное на двухъ столбахъ изображенiе Благовѣщенiя; на одномъ—Божiя Матерь въ видѣ скромной юной дѣвы съ красной шерстью въ рукахъ, на другомъ, спѣшащiй съ радостной вѣстью архангелъ въ бѣломъ хитонѣ (19—20). На боковыхъ аркахъ были медальоны съ изображенiемъ сорока мучениковъ, но изъ нихъ осталось не много.

Мозаики были и въ другихъ храмахъ,—отдѣльные кусочки находятъ возлѣ Десятинной и Лаврской церквей; больше всего уцѣлѣло ихъ въ Михайловскомъ соборѣ. Здѣсь роспись алтаря напоминаетъ Софiйскiй соборъ съ той лишь разницей, что нѣтъ центральной фигуры Божiей Матери, и вслѣдствiе того, что здѣсь алтарь меньше, святителей пришлось помѣстить въ два ряда. Надъ

ними находится изображеніе Тайной Вечери, въ такой же обстановкѣ, какъ и въ Софійскомъ соборѣ, здѣсь также прислуживаютъ иподіаконы - ангелы, и подходятъ апостолы, по шести съ каждой стороны, и также стоятъ двѣ фигуры Спасителя (21). Но всѣ фигуры сдѣланы хуже, подъ спутанными складками одеждъ не чувствуется тѣла, краски тусклы, сѣры хотя, съ другой стороны, движенія жизненны, естественны. Онѣ интересны тѣмъ, что представляютъ собой, по всей вѣроятности, произведенія уже мѣстнаго, русскаго мозаичиста, тогда какъ въ Софійскомъ работали греки, и потому для исторіи русскаго искусства болѣе цѣнны мозаики Михайловскаго собора. Кромѣ этихъ мозаикъ, въ немъ сохранилось мозаичное изображеніе первомученика Стефана и Димитрія — остальныя погибли.

Наряду съ мозаиками храмы украшались и фресковой живописью, причемъ она лучше всего сохранилась тоже въ Софійскомъ соборѣ, гдѣ она покрываетъ всѣ мѣста, не занятыя мозаиками, стѣны, потолки и главнымъ образомъ иллюстрируетъ Евангеліе. Хорошо сохранились въ придѣлѣ св. Іоакима и Анны—Рождество Богородицы, введеніе ея во храмъ (22), врученіе ей пурпура, въ придѣлѣ св. Георгія — св. Георгій и царица Александра, св. Георгій передъ отцомъ, мученіе святого (23). Въ средней части храма хорошо Іисусъ передъ Каіафой, Вечеря въ Эммаусѣ, и сцены Ветхаго Завѣта,—жертвоприношеніе Авраама (24), три отрока въ пещи, три странника. Были и единоличныя фрески—святые, угодники. Но особенно интересны фрески, покрывающія лѣстницы вежъ (теперь онѣ ведутъ на хоры) и имѣющія свѣтскій характеръ; здѣсь изображена жизнь византійскаго двора, представленія въ циркѣ, выѣздъ колесницъ на арену (25), ряды ложъ со зрителями — среди нихъ императоръ (26) и императрица, окруженные дворомъ, фокусники, гимнасты, старинный византійскій обычай колядованья—ряженые, охота на барса и другихъ животныхъ (25). Все это прекрасно подтверждаетъ, что строителями и художниками здѣсь были греки.

Были фрески и въ другихъ храмахъ, но онѣ мало гдѣ сохранились — лучше всего уцѣлѣли онѣ въ храмѣ Спасо-Берестовскомъ и въ Кирилловскомъ. Послѣдній былъ весь покрытъ сценами изъ жизни этого святого, но лучше всего сохранились большія картины — св. Кириллъ проповѣдуетъ правую вѣру, св. Кириллъ учитъ царя (27), св. Кириллъ учитъ въ соборѣ (28). Работа фресокъ двухъ послѣднихъ храмовъ, видимо, русскихъ мастеровъ и значительно уступаетъ греческой, покрывающей стѣны Софіи,—тамъ поражаютъ легкость красокъ, мягкость тоновъ, здѣсь же краски грубѣе, тусклѣе, но все же онѣ очень хороши; интересна и та обстановка, въ которой представлены нѣкоторыя сцены. Свободныя мѣста стѣнъ расписывали замысловатыми орнаментами (29).

Кромѣ мозаикъ и фресокъ, какъ уже упоминалось, храмы украшались мраморомъ, но камень еще менѣе сохранился до нашихъ дней, лишь кое гдѣ встрѣчаются обломки капителей колоннъ (30), украшавшихъ портики, отдѣльныя плиты. Такъ, въ Софійскомъ соборѣ сохранились красныя шиферныя плиты, быть можетъ служившія частью алтарной преграды (31), теперь вдѣланныя въ баллюстраду хоръ. Какъ и въ византійскихъ храмахъ, въ древнѣйшихъ нашихъ церквахъ, алтарь отдѣляли отъ церкви невысокой мраморной преградой (32*). Полъ выкладывался каменными и поливенными плитками въ извѣстномъ порядкѣ, такъ что получались геометрическіе узоры. Въ Бѣлгородскомъ храмѣ XII в. прекрасно сохранился полъ, выложенный въ шахматномъ порядкѣ голубыми, желтыми и зелеными плитками, въ алтарѣ же были плитки въ мелкихъ искоркахъ поливы другого цвѣта. Камнемъ и поливными плитками облицовывали и стѣны храмовъ — при чемъ для этой цѣли употребляли особаго рода изразцы, съ неяснымъ рисункомъ потоками, имитирующимъ каменныя породы. Иногда употреблялись для украшенія стѣнъ каменныя плиты съ барельефными изображеніями—найдена такая плита въ Кіевѣ въ развалинахъ Дмитріевскаго монастыря XII в. (33). Она изображаетъ св. Георгія и св. Дмитрія.

Нужно упомянуть еще объ обычаѣ погребать въ храмахъ князей въ великолѣпныхъ каменныхъ гробницахъ — такая гробница, по преданію князя Ярослава, сохраняется въ Софійскомъ соборѣ — она бѣлаго мрамора, покрыта высѣченнымъ узоромъ: видимъ здѣсь и древнія эмблемы христіанскія, крестъ, рыбы, лоза, обвивающая крестъ, райскія птицы, но много и чисто декоративныхъ орнаментовъ - листья пальмы, аканты (34). Проще, но все же очень красива красная шиферная гробница, найденная въ Десятинной церкви, она украшена равноконечными крестами и кругами. Предполагаютъ, что въ ней была погребена кн. Анна, жена Владиміра, или кн. Ольга (35).

*) На приведенномъ рисункѣ 32 изображена алтарная преграда съ мозаики Михайловскаго собора въ Кіевѣ.

ЦЕРКВИ ВЛАДИМІРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ.

(Табл. XXXIV—XXXV).

Церкви Владиміро-Суздальскія являются по стилю прямымъ продолженіемъ церквей Кіевскихъ; какъ видимъ, по примѣру церкви Іоанна Предтечи въ Лаврѣ, или св. Апостоловъ въ Бѣлгородѣ, къ XII в. планъ кіевскихъ храмовъ приближается къ квадрату, при чемъ алтарныя абсиды сравниваются. Это же мы видимъ въ планѣ церквей Владиміро-Суздальскихъ (рис. 1). Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ нихъ много новаго – упраздняется окончательно паперть и вежи; вмѣсто пяти главъ строится только одна, которая попрежнему опирается на арки, образованныя соединеніемъ четырехъ столбовъ. Но главнымъ нововведеніемъ нужно считать слѣдующее: въ византійскихъ храмахъ, а слѣдомъ за ними и въ кіевскихъ почти не примѣнялись скульптурныя украшенія—и именно введеніе скульптуры въ видѣ арочныхъ фризовъ и барельефовъ и отличаетъ Владиміро-Суздальское церковное искусство. Кромѣ того, въ отличіе отъ гладкихъ входныхъ дверей кіевскихъ храмовъ, мы видимъ въ Владиміро-Суздальскихъ широкіе порталы, съ полукруглыми арками наверху, украшенные колонками. Наконецъ разница и въ самомъ матеріалѣ: тогда какъ кіевскія церкви строятся изъ кирпича и цемента, съ небольшой примѣсью валуновъ, Владиміро-Суздальскія церкви возводятся изъ шлифованнаго камня, доставлявшагося по водѣ изъ страны волжскихъ болгаръ. Изъ камня возводили двѣ параллельныя стѣнки, а промежутокъ между ними заполняли мусоромъ, камнемъ и щебнемъ; такая кладка стѣнъ называется бутовой. (Мы видѣли ее въ Старо-Ладожскомъ городищѣ).

Первой по времени постройкой, въ которой можно видѣть эти особенности, является храмъ въ Переяславлѣ Залѣсскомъ (1152—1157 г.г.) (2). Здѣсь еще нѣтъ колоннъ на порталахъ, но уже одна главка, и барабанъ ея, какъ и алтарныя абсиды, покрыты новымъ для Кіева арочнымъ фризомъ.

Яснѣе видны эти особенности на соборѣ Успенія во Владимірѣ (3). Построенный въ 1158 г. Андреемъ Боголюбскимъ Успенскій соборъ былъ особенно роскошенъ; еще лѣтописецъ говоритъ о немъ, что—это храмъ „яковаго не бысть на Руси и никогда же не будетъ". Строитель его, по словамъ лѣтописца, „уподобися Соломону и доспѣ во Владимірѣ церковь соборну вельми пречудну, и всѣми различными виды украси ю отъ злата и сребра, и пять верховъ ея позолоти, двери же церковныя трое золотомъ устрои, каменьемъ дорогимъ и жемчугомъ украси ю многоцѣннымъ, и всякими узорочьи удиви ю, и всѣми виды и устроеньемъ подобна бысть удивленью Соломонови святая святыхъ". Отъ этой роскоши убранства не осталось ничего; стоятъ только стѣны, но и онѣ поражаютъ своей пропорціональностью и красотой. Храмъ пятиглавый, по плану подобный кіевскимъ храмамъ болѣе поздней поры, съ 8 столбами, поддерживающими своды и куполъ. Снаружи его опоясываетъ изящный фризъ изъ арокъ. Онъ особенно интересенъ тѣмъ, что является какъ бы мостомъ, соединяющимъ Кіевскія постройки съ позднѣйшими Московскими, такъ какъ долгое время служилъ Московскимъ зодчимъ образцомъ для подражанія.

Но особенно хороша по своей гармоничности и изяществу маленькая церковка Покрова Божіей Матери, одиноко стоящая при устьи р. Нерли—здѣсь оставляли часть камня, который везли во Владиміръ для постройки большого собора, вслѣдствіи мелководія рѣки, и изъ этого то камня построена была эта церковка (4). Она удивительно красива, напоминая скорѣе своими размѣрами изящную игрушку, чѣмъ настоящую церковь: бѣлыя каменныя стѣны ея украшены поясомъ арочекъ, красиво оттѣняющихъ бѣлизну стѣнъ. Высокія, узкія окна, и входныя двери тоже украшены колонками. Пространства въ аркахъ, надъ окнами, украшены обронными рельефными орнаментами—посреди фигура юнаго пророка со свиткомъ въ рукахъ, съ короной на головѣ, и вдохновенно поднятой рукой—Эммануила, или царя Соломона, и по бокамъ—львовъ и грифовъ (5). Единственная главка стройно возвышается на узкомъ барабанѣ, верхъ котораго покрытъ поясомъ арочекъ.

Эти арочные пояса, такъ красиво примѣненные къ этимъ церквямъ, совершенно чуждыя Кіевскому искусству, вѣрнѣе всего были занесены въ Владиміро-Суздальскую землю мастерами западными, такъ какъ въ искусствѣ романскомъ, господствовавшемъ въ это время на западѣ Европы, они встрѣчаются въ большомъ количествѣ. Это предположеніе находитъ полную поддержку въ словахъ лѣтописи о томъ, что когда Андрей Боголюбскій захотѣлъ строить храмы, то „приведе ему Богъ мастеры изъ разныхъ земель".

Еще оригинальнѣе соборъ Дмитріевскій во Владимірѣ, построенный въ концѣ XII в. (6). Въ общемъ онъ точно повторяетъ формы церкви Покрова на Нерли, таже одна абсида, тоже дѣленіе стѣнъ на три неравныя части, таже стройность и вышина, таже главка на высокомъ барабанѣ и поясъ изъ арочекъ, но все пространство выше пояса и до самой крыши, точно ковромъ, покрыты мельчайшимъ плоскимъ рельефомъ. Въ выборѣ сюжетовъ сказалось все богатство воображенія художника, вся прихоть фантазіи; мы видимъ здѣсь, перемѣшанными какъ бы случайно въ общій хаосъ—и изображенія святыхъ, и растенія, здѣсь мы видимъ и львовъ, и волковъ, и леопардовъ, и барсовъ, и оленя, и голубей, столь любимыхъ древностью, и орловъ, и аиста, и цѣлый сонмъ фантастическихъ грифовъ, василисковъ, кентавровъ, и сириновъ (7). Здѣсь видимъ и тотъ же сюжетъ который встрѣчался на издѣліяхъ Кіевской Руси *): Александръ Македонскій поднимается на небо на двухъ грифахъ (8). Всѣ эти фигуры выполнены очень грубо, на отдѣльныхъ квадратныхъ плиточкахъ, низкимъ рельефомъ, но выборъ ихъ поражаетъ разнообразіемъ – здѣсь почти нѣтъ повтореній. Обращаетъ вниманіе только одна фигура съ небольшими измѣненіями повторяющаяся въ среднихъ частяхъ каждой стѣны: фигура юноши въ коронѣ съ книгой въ рукахъ, которую мы видѣли и на церкви Покрова на Нерли; это ветхозавѣтный прообразъ Спасителя, царь премудрости Соломонъ, и этимъ объясняется вся остальная картина—это растительный и животный міръ, съ одной стороны, и міръ волшебный, чудесный, съ другой, который открывается въ премудрости Божіей, постигается благодаря книжному ученію. Такимъ образомъ оказывается, что вся столь непонятная, хаотическая на первый взглядъ орнаментація стѣнъ охватывается одной идеей, и ею объясняется вся внѣшняя роспись храма, какъ бы подготовляющая къ принятію Новаго Завѣта, которому посвящена внутренность храма.

Ниже, въ каждой нишѣ арочекъ фриза расположено по фигурѣ святого, а подъ ней—по орнаментальному украшенію: растеніе съ птицей, и т. п. Сами колонки арочекъ покрыты сплошнымъ орнаментомъ, въ видѣ плетенки. Весь барабанъ купола между окнами тоже сплошь покрытъ причудливымъ плетенымъ орнаментомъ. Такъ же украшены и порталы дверей (9). Нужно обратить вниманіе и на то обстоятельство, что здѣсь впервые въ такомъ количествѣ появляется звѣриный орнаментъ, въ видѣ стилизованныхъ животныхъ, который столь обыченъ въ искусствѣ арабскаго востока.

Не менѣе интересна орнаментація стѣнъ собора Юрьева-Польскаго, построеннаго въ 1234 г. (10). Нужно отмѣтить здѣсь слѣдующее: плитки съ рельефнымъ узоромъ не были спеціально изготовлены для этого храма, но очевидно первоначально украшали какой то другой, исчезнувшій теперь; на это указываетъ то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онѣ не покрываютъ всей стѣны и видимо случайно образовавшееся пустое мѣсто безъ всякаго смысла заполнено другими плитками (11). Мѣстами онѣ составляютъ сплошной непрерывный узоръ, покрывающій всю стѣну—при чемъ господствующимъ мотивомъ является тотъ же кринъ или полевая лилія, которую такъ любили въ Кіевѣ (12). Вообще всѣ орнаменты, а они довольно разнообразны, имѣютъ здѣсь византійскій характеръ. Среди растительнаго непрерывнаго орнамента, только кое гдѣ встрѣчаются головы святыхъ, маски, львы, орлы, сирины, грифы (13). Очень хороши здѣсь фигуры святыхъ въ нишахъ арочнаго фриза—по тонкости работы онѣ превосходятъ фигуры Дмитріевскаго собора. Сличеніе рельефовъ Юрьевскаго собора дѣлаетъ безспорнымъ выводъ, что они разновременны, быть можетъ одни изъ нихъ, представляющіе нераздѣльный рисунокъ, украшали погибшую стѣну этой же церкви, тогда какъ фигуры звѣрей и вообще, такъ сказать, штучный орнаментъ болѣе тонкой работы, снятъ съ какого то не сохранившагося болѣе древняго зданія.

*) См. табл. XXIV. 1.

Всматриваясь въ произведенія Владиміро-Суздальскаго искусства и сравнивая ихъ съ Кіевскими, нельзя не отдать предпочтенія первымъ; вѣдь Кіевъ только воспринялъ образцы византійскаго стиля, почти рабски копируя ихъ, и только въ концѣ своей самостоятельной жизни началъ измѣнять и приспособлять къ мѣстнымъ требованіямъ и вкусамъ. Владиміро-Суздальское искусство не довольствовалось только однимъ стилемъ: оно соединяетъ черты византійскаго, романскаго и арабскаго стилей, комбинируетъ ихъ и создаетъ нѣчто свое, оригинальное, новое и такъ не похожее въ цѣломъ на то, откуда взяты части его. Въ этомъ то „сліяніи, точнѣе совмѣщеніи западнаго и восточнаго образцовъ и заключается своеобразность начинающагося или зарождающагося русскаго искусства“, говоритъ акад. Кондаковъ.

Не много осталось отъ внутренняго убранства храмовъ: Успенскій соборъ былъ украшенъ фресками, отъ которыхъ почти ничего не сохранилось; онъ сильно пострадалъ отъ пожаровъ, а въ 1408 г. былъ расписанъ заново, и теперь трудно выдѣлить фрески XII в. отъ росписи XV в. Интересны фрески, изображающія Страшный Судъ; по звуку трубъ летящихъ ангеловъ, море и земля отдаютъ своихъ мертвецовъ; идутъ цари, святители, епископы, святыя жены; по окончаніи суда праведные шествуютъ въ рай. Интересно буквально изображенное изреченіе—„души праведныхъ въ руцѣ Божіей“—маленькіе человѣчки зажаты въ рукѣ (14).

Въ Дмитріевскомъ соборѣ сохранились тоже немногія фрески. Особенно хорошо изображеніе страшнаго суда; представлено 12 апостоловъ съ книгами въ рукахъ; далѣе шествіе святыхъ въ рай—впереди апостолъ Петръ, за нимъ святыя жены, а за ними - ангелы, трубящіе „въ море и въ землю“ (15). По другую сторону—изображеніе Рая: въ тѣни растеній, разсаженныхъ шпалерами, сидятъ Богоматерь, Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, а вокругъ—крошечные человѣчки,—души праведныя (16). Всѣ эти фрески, прекрасно исполненныя, въ свѣтлыхъ, мягкихъ тонахъ, принадлежатъ, по всей вѣроятности, русскимъ мастерамъ, работавшимъ подъ руководствомъ византійскихъ художниковъ и по византійскимъ образцамъ.

ЦЕРКВИ НОВГОРОДА и ПСКОВА. (Табл. XXXVI, XXXVII и XXXVIII).

Въ сторонѣ отъ тѣхъ теченій, которыя образовались въ искусствѣ Кіевской и Владиміро-Суздальской Руси, стоитъ искусство Новгорода и Пскова, хотя начало свое оно ведетъ отъ того же источника, искусства Византійскаго.

Лѣтопись указываетъ, что первыя церкви Новгорода были деревянныя,—такова была церковь св. Софіи, построенная въ 989 г., но уже въ 1052 г., была сооружена церковь во имя св. Софіи каменная (рис. 1). Построенная по Византійскому плану, она, вѣроятно, была окружена открытыми галлереями, какъ то было въ кіевскихъ храмахъ, но потомъ эти галлереи были продолжены и превращены въ закрытые придѣлы, какими являются и теперь. Этотъ храмъ былъ всегда предметомъ глубокаго почитанія и гордости населенія: „Кдѣ святая Софія, ту Новгородъ“, говорили новгородцы. Построенная кн. Владиміромъ, сыномъ Ярослава Мудраго, она была украшена съ большой роскошью и великолѣпіемъ, но отъ этого блеска осталось очень немного, все что пережило многочисленные пожары, было увезено въ Москву и теперь украшаетъ стѣны храмовъ бѣлокаменной столицы. Кромѣ того къ храму были сдѣланы пристройки, такъ что стоявшая отдѣльно вежа теперь вошла въ общій планъ зданія. Надстроены были стѣны, и сдѣлана некрасивая прямая крыша и только недавно было возстановлено древнее посводное покрытіе.

То высокое почитаніе, которымъ окружали новгородцы свою Софію, служило, быть можетъ, причиной того, что они считали предосудительнымъ копировать ее, и въ искусствѣ Новгорода мы дѣйствительно не встрѣчаемъ храма, сходнаго съ Софійскимъ соборомъ. А между тѣмъ храмовъ воздвигалось въ Новгородѣ множество, и лѣтопись новгородская полна указаній на возведеніе новыхъ и новыхъ церквей, особенно въ XIV в. и началѣ XV в.; къ этому времени вырабатывается въ Новгородѣ совершенно особый стиль построекъ, не встрѣчающійся болѣе нигдѣ, кромѣ близкой Псковской области, и являющійся результатомъ постепеннаго и цѣлесообразнаго видоизмѣненія византійскаго стиля.

Древнѣйшими по времени храмами Новгорода, послѣ Софійскаго собора, были Николо-Дворищенскій соборъ 1113 г. (2), Рождества Богородицы 1116 г. въ Антоніевскомъ и Георгіевскій 1119 г. (3)—въ Юрьевскомъ монастырѣ. Въ этихъ храмахъ, сохранившихся довольно хорошо, видны особенности древнѣйшаго новгородскаго зодчества — они представляютъ правильный кубъ, съ тремя алтарными полукружіями, доходящими до самой крыши. Гладкія стѣны раздѣляются на нѣсколько частей плоскими выступами, или лопатками; окна высокія, узкія. Глазъ поражаетъ отсутствіе какихъ либо украшеній на стѣнахъ, сложенныхъ изъ бѣлаго тесаннаго камня съ большой примѣсью цемента, блестящихъ и ослѣпительно бѣлыхъ на солнцѣ. Первоначальное покрытіе было, вѣроятно, посводное, позже замѣненное четырехскатнымъ, почему верхушки среднихъ арокъ оказались срѣзаны. Въ Георгіевскомъ и Антоніевскихъ соборахъ были вежи; тогда какъ въ первомъ вежа, подобно Софійской, была взята въ позднѣйшія пристройки, во второмъ она и теперь стоитъ отдѣльно. Вѣроятно для симметріи, впослѣдствіи были пристроены купола и по другую стороны церквей.

Но этотъ типъ постройки скоро подвергается измѣненіямъ; мѣстный климатъ — продолжительные зимніе холода дѣлаютъ совершенно неудобными высокіе храмы, которые при тогдашнихъ средствахъ отопленія очень трудно было согрѣть. И вотъ мы видимъ, что храмы строятъ все менѣе и менѣе высокими. При этомъ являются неудобными и небольшіе алтари, помѣщавшіеся въ абсидахъ, такъ какъ въ нихъ было слишкомъ тѣсно служить духовенству зимой, въ толстыхъ шубахъ — пришлось вынести алтарь внутрь самой церкви, вслѣдствіе чего прежнее дѣленіе стѣны лопатками перестало соотвѣтствовать дѣйствительности, и мы видимъ, что лопатки начинаютъ размѣщать несиметрично, но сообразно съ внутреннимъ устройствомъ храма (4). Вмѣстѣ съ тѣмъ начинаютъ понижать и боковыя абсиды, такъ какъ не было никакой нужды въ высокихъ діаконникахъ и жертвенникахъ. Это прекрасно видно на церкви Спаса на Нередицѣ, 1197 г., близко повторяющей византійскій типъ и рѣдкой по своей красотѣ (5). Она одна уцѣлѣла изъ упраздненнаго монастыря и стоитъ одиноко среди широкихъ луговъ, недалеко отъ берега Волхова и издали видна, блистая на солнцѣ бѣлоснѣжными стѣнами и шлемовидной серебряной главкой. Въ общемъ она напоминаетъ церковь Покрова на Нерли, но на ней нѣтъ скульптурныхъ украшеній. Въ настоящее время на ней возстановлено древнее посводное покрытіе, долгое время бывшее погребеннымъ подъ неуклюжей четырехскатной крышей.

Но новгородскіе зодчіе не остановились на пониженіи и уменьшеніи боковыхъ абсидъ и скоро совершенно упразднили ихъ, перенеся жертвенникъ и діаконникъ внутрь храма, въ углы за восточными столбами. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ церкви Николы на Липнѣ (1292 г.), и послѣ того уже рѣдкая церковь строилась съ тремя абсидами (6 и 7). Вмѣстѣ съ тѣмъ въ этой церкви видно еще одно нововведеніе — взамѣнъ дѣленія стѣнъ лопатками вводится болѣе стройное и изящное украшеніе въ видѣ одной большой арки и примыкающихъ къ ней по сторонамъ двухъ полуарокъ — соотвѣтствующихъ внутреннимъ столбамъ, или же въ видѣ трехъ арочекъ, не доходящихъ до половины стѣны.

На сѣверѣ оказалось мало пригоднымъ и посводное покрытіе храмовъ, такъ какъ въ ложбинахъ скоплялись большія массы снѣга и весной портили крышу — и вотъ взамѣнъ этого вводится восьмискатное покрытіе, такъ что каждая стѣна завершается остроконечнымъ фронтономъ: снѣгъ не задерживался на покатыхъ крышахъ и весной скатывался внизъ. Неудобенъ былъ съ этой точки зрѣнія и плоскій, широкій полусферическій куполъ византійскаго стиля, и вотъ мы видимъ, что онъ начинаетъ все болѣе вытягиваться въ вышину и принимаетъ изящную форму шлема, удобнаго тѣмъ, что на немъ не могъ задерживаться снѣгъ.

Клались стѣны изъ кирпича и камня, въ видѣ двухъ стѣнокъ, пространство между которыми заполнялось щебнемъ, мусоромъ и известью. Въ противоположность владиміро-суздальскимъ постройкамъ, здѣсь клали камень, не обтесывая его, и чтобы стѣна, сложенная изъ такого разнороднаго матеріала не разваливалась, ее обшивали снаружи досками, которыя снимали лишь тогда, когда цементъ и известь уже высыхали окончательно. Особенностью новгородскихъ храмовъ являются также подклѣти, которыя устраивались подъ храмомъ въ видѣ подвала и служили мѣстомъ храненія товаровъ, которые, конечно, тутъ находились въ большей безопасности, нежели въ другихъ мѣстахъ.

Къ XIV в., къ порѣ особеннаго разцвѣта Новгорода, здѣсь вырабатывается своеобразный и удивительно красивый стиль построекъ, въ которомъ сливаются всѣ эти измѣненія византійскаго стиля на новгородской почвѣ, стиль, подобнаго которому нельзя найти ни въ одномъ искусствѣ. Лучшими образцами его являются храмы Спаса Преображенія на Торговой сторонѣ 1374 г. (8) и Ѳеодора Стратилата 1360 г.; это небольшіе, высокіе храмы съ восьмискатными острыми крышами, съ одной главкой и стѣнами, покрытыми рельефными узорами. Вообще въ новгородскихъ храмахъ нерѣдко встрѣчаются орнаменты въ видѣ поясковъ, бровокъ надъ окнами, арочекъ изъ треугольниковъ, и различной формы крестовъ—эти украшенія, бѣлыя на бѣломъ фонѣ, создаютъ удивительно красивую и благородную своей простотой игру свѣта и тѣней.

Среди настѣнныхъ украшеній нужно отмѣтить еще одну особенность: новгородцы часто помѣщали на стѣнахъ большіе кресты—*поклонные и поминальные*, или заупокойные;—первые кресты вставлялись въ спеціально сдѣланныя въ стѣнѣ ниши въ нижней части стѣны, вторые же дѣлались рельефными и украшали верхнюю часть стѣны—особенно много послѣднихъ на церкви Спаса Преображенія на Торговой сторонѣ. Изъ перваго рода крестовъ особенно интересны крестъ Спасо-Преображенскаго монастыря въ Старой Руссѣ, и огромныхъ размѣровъ крестъ на западной стѣнѣ Софійскаго собора въ Новгородѣ. На немъ мы видимъ Распятіе, на верхнемъ концѣ креста—Благовѣщеніе, на правомъ—Воскресеніе и на лѣвомъ Рождество (13). На немъ вырѣзано нѣсколько надписей, изъ которыхъ видно, что поставленъ онъ былъ въ XIV в.

Наряду съ высокими, величественными храмами, въ Новгородѣ создался еще одинъ типъ оригинальныхъ церковокъ, маленькихъ, простенькихъ, и такихъ трогательно-наивныхъ своей простотой: это такъ называемыя *обыденныя* церкви, построенныя „объ одинъ день", по обѣту для избавленія отъ какого либо несчастія—мора, повѣтрія, и т. д. Лучшимъ образцомъ ихъ является церковь Андрея Стратилата въ Кремлѣ (9).

Церкви Пскова во многомъ сходны по стилю съ Новгородскими, но имѣютъ тѣмъ не менѣе не мало своихъ оригинальныхъ чертъ, отличающихъ ихъ отъ послѣднихъ. Храмы въ Псковѣ были очень многочислены, при чемъ нѣкоторые сохранились довольно хорошо до нашихъ дней (10 и 11). Всматриваясь въ особенности Псковскихъ церквей, бросаются въ глаза крайне незначительные размѣры ихъ, что конечно можетъ быть объяснено отчасти зимними стужами, а также и тѣмъ, что въ самой жизни Пскова было менѣе стремленія къ роскоши, величію, нежели въ Новгородѣ. За то эти небольшія церковки удивительно уютны. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ нихъ замѣтно стремленіе умѣстить на возможно маломъ мѣстѣ все то, что обыкновенно находилось въ большомъ храмѣ, даже три абсиды здѣсь удерживаются прочнѣе, чѣмъ въ Новгородѣ. Строители старались выгадать каждый уголокъ, такъ, напримѣръ, въ псковскихъ церквяхъ столбы, поддерживающіе куполъ, дѣлаютъ не квадратные, а круглые внизу, и только на высотѣ роста человѣческаго на круглый столбъ ставился квадратный. Это встрѣчается, впрочемъ, и въ нѣкоторыхъ небольшихъ новгородскихъ храмахъ, напримѣръ, въ Колмовской церкви. Вслѣдствіе тѣсноты храма, его обыкновенно окружаетъ закрытая теплая галлерея, или паперть.

Древнѣйшая каменная церковь Пскова, уцѣлѣвшая до сихъ поръ—соборъ Спасо-Мирожскаго монастыря (1166 г.); это небольшая низенькая церковка, съ тремя абсидами, при чемъ боковыя кажутся низенькими пристройками, и съ боковыми стѣнами, несимметрично раздѣленными на двѣ части—это объясняется тѣмъ, что прежде въ западныхъ углахъ помѣщались открытыя галлереи, одной высоты съ боковыми абсидами; надъ ними позже были надстроены стѣны, что совершенно измѣнило видъ храма.

Наряду съ церквями, въ Новгородѣ и Псковѣ выработался очень оригинальный типъ *звонницъ*, или колоколенъ. Первоначально въ древней Руси не употребляли колоколовъ, а созывали къ богослуженію, ударяя въ *било*—такъ называлась большая березовая доска, въ которую били молотомъ. Опытные звонари умѣли извлекать изъ нея громкій и даже пріятный звукъ (14 *). Позже стали употреблять желѣзный кругъ, который вѣшали на столбахъ съ перекладиной (15). Колокола употреблялись еще въ отдаленныя, времена; такъ въ Кіевѣ, возлѣ Десятинной церкви былъ найденъ небольшой колоколъ; но такъ какъ они были значительно дороже подобныхъ приспособленій, то и встрѣ-

*) Приведенъ рисунокъ изъ Житія св. Сергія Радонежскаго.

чались гораздо рѣже, при чемъ размѣры ихъ были очень не велики (16 *). Для колоколовъ позже стали строить спеціальныя звонницы въ видѣ стѣнки съ перекладинами—древнѣйшія звонницы пристраивались къ стѣнѣ храма (10), позднѣе же ихъ стали строить въ видѣ спеціальныхъ построекъ (17). Въ Новгородѣ и Псковѣ сохранились звонницы изящной, легкой архитектуры, при чемъ ихъ дѣлали нерѣдко въ нѣсколько ярусовъ, что давало возможность размѣстить большее количество колоколовъ.

Относительно внутренняго убранства храмовъ Новгорода и Пскова, источники не разъ упоминаютъ о большой роскоши и великолѣпіи ихъ, но осталось отъ этого богатства не много. Мозаичныхъ иконъ, впрочемъ, въ Новгородскихъ храмахъ не было. Зато стѣны храмовъ были покрыты фресковой живописью, которая въ нѣкоторыхъ церквяхъ сохранилась и до сихъ поръ. Такъ въ Софійскомъ соборѣ сохранился образъ Спасителя въ куполѣ (24). Красива и оригинальна легенда, сложенная объ этомъ изображеніи: художники написали Спасителя съ раскрытой рукой—но три ночи подрядъ рука чудесно закрывалась и наконецъ голосъ съ неба возгласилъ имъ — „Писари, о писари, не пишите Меня съ благословляющей рукой, но пишите съ сжатою, потому что въ этой рукѣ Я держу Великій Новгородъ, а когда эта рука распрострется, тогда Новгороду будетъ скончаніе“. Ниже, подъ куполомъ, находились изображенія ангеловъ, а подъ ними—пророковъ и серафимовъ. Въ алтарной нишѣ, подобно Софійскому кіевскому собору, находилось изображеніе Божіей Матери съ поднятыми руками—„Оранта“ и медальоны съ погрудными изображеніями святыхъ. Сохранились фрески и въ придѣлахъ, но мало (25). Послѣ Софійскаго собора, самая древняя роспись сохранилась въ церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ начала XII в.—особенно хороши здѣсь отдѣльныя фигуры святыхъ, и изображеніе св. Георгія на конѣ, спасающаго царевну отъ змія (26). Къ срединѣ XII в. относятся фрески, покрывающія стѣны храма Спаса на Нередицѣ—здѣсь была расписана вся внутренность храма, и рѣдкій случай—она сохранилась отлично до нашихъ дней. Эти фрески представляютъ собой одно изъ лучшихъ произведеній церковной живописи по легкости тона, жизненности и выразительности фигуръ, при чемъ въ лицахъ святыхъ нерѣдко передается мѣстный типъ. Большая часть фресокъ, вѣроятно, была написана въ 1199 г., когда храмъ былъ оконченъ. На это указываютъ надписи, сдѣланныя поверхъ фресокъ, въ началѣ XIII в. Въ центрѣ купола по обычаю находится изображеніе Спасителя во славѣ, сидящаго на радугѣ, ее поддерживаютъ 6 ангеловъ, ниже—рядъ апостоловъ съ поднятыми руками (27) на основаніи стиха Писанія—„Восплещите руками“. Еще ниже—пророки, въ парусахъ — апостолы, какъ представители церкви земной. Въ алтарѣ—выше всего рѣдкій по композиціи образъ Спасителя въ видѣ старца „ветхій деньми“, какъ бы знаменующій вѣчную Троицу (28). Подъ нимъ—престолъ уготованный съ орудіями страстей Христовыхъ и летящими серафимами по сторонамъ, а подъ нимъ—Божія Матерь, съ поднятыми руками и образомъ Спасителя на груди (29). На ней пурпурная обувь. Еще ниже—Тайная Вечеря съ двумя изображеніями Спасителя, а подъ нею—святители, размѣщенные вслѣдствіе недостатка мѣста въ два ряда (30). Подъ ними Деисусъ: Спаситель по срединѣ и Іоаннъ Креститель и Божія Матерь по сторонамъ, при чемъ мы здѣсь видимъ рѣдкій примѣръ—Христосъ изображенъ юношей, какъ бы напоминая о бесѣдѣ въ Іерусалимскомъ храмѣ.

Прекрасно выполнены фигуры святителей—всѣ они въ крещатыхъ омофорахъ съ пробритыми „гуменцами“ на головахъ (31). Кромѣ того, въ алтарѣ находятся изображенія св. женъ—св. Евдокіи и др. Особенно хорошо изображеніе св. Екатерины въ царскомъ облаченіи, находящееся въ діаконникѣ. Средняя часть церкви сплошь покрыта фресками—святые, сцены Евангелія, напримѣръ: Благовѣщеніе, раздѣленное на двухъ столбахъ, Рождество, Страсти Христовы, Крещеніе, при чемъ Іорданъ олицетворенъ маленькимъ человѣчкомъ, плывущимъ по рѣкѣ. Но особый интересъ представляетъ изображеніе Страшнаго суда, разбросанное по разнымъ стѣнамъ. Спаситель представленъ въ радугѣ, вокругъ него Богородица, Іоаннъ Предтеча, и праведники; подъ Нимъ—ангелъ съ вѣсами и крохотный человѣчекъ—душа человѣческая; адъ раздѣленъ на темныя отдѣленія съ надписями „тьма кромѣшная“, „скрьжатъ зубомъ“, „смола“ и т. д. (32). Здѣсь много аллегорическихъ изображеній, есть и сатана, ѣдущій на звѣрѣ съ Іудой въ объятіяхъ, и жена діавольская, на такомъ же звѣрѣ (33) и т. д. Очень интересна находящаяся въ этой церкви фреска, изображаю-

*) Рисунокъ изъ книги путешественника XVII в.—Олеарія.

щая кн. Ярослава Владиміровича, о которой уже была рѣчь выше (табл. XXII). Къ болѣе позднему времени относятся фрески нѣкоторыхъ храмовъ Новгорода—Ѳеодора Стратилата, Колмовской церкви и другихъ.

Серединѣ XII в. принадлежитъ роспись церкви Спасо-Мирожскаго монастыря въ Псковѣ. Подобно Нередицкимъ, фрески покрываютъ сплошь всѣ стѣны, и мѣстами довольно хорошо сохранились. Рисунокъ здѣсь типичный византійскій, такъ, что если расписывали ее не греки, то во всякомъ случаѣ по византійскимъ образцамъ. Особенно хороши здѣсь Крещеніе, съ олицетвореніемъ Іордана въ видѣ сидящаго человѣчка (34), Воскресеніе—съ двумя высокими кипарисами (35), и нѣкоторыя отдѣльныя фигуры (36).

Заканчивая обзоръ церковнаго убранства Новгорода и Пскова, нельзя не упомянуть о знаменитыхъ Корсунскихъ и Сигтунскихъ вратахъ Новгородскаго Софійскаго собора. Въ настоящее время совершенно безспорно доказана ошибочность названія первыхъ воротъ Корсунскими, такъ какъ по всѣмъ признакамъ они сдѣланы въ Западной Европѣ, а не въ Херсонесѣ (19). Они двустворчатыя и состоятъ изъ 20 тяблъ, довольно неудачно соединенныхъ. Всѣ они бронзовыя съ золотой насѣчкой, но различной величины и распредѣлены безъ всякой системы. Здѣсь изображены сцены изъ ветхаго и новаго завѣтовъ, отдѣльныя фигуры святыхъ, два епископа—Магдебурга и Плоцка, діаконы, просто орнаменты. Сами фигуры типичны для Германскаго искусства XII в., онѣ коротки, неуклюжи, съ большими головами. Одѣты въ короткіе германскіе костюмы. На нихъ имѣются латинскія надписи. Внимательное изученіе ихъ подтверждаетъ предположеніе, что здѣсь мы имѣемъ части различныхъ воротъ, сдѣланныхъ въ Германіи и снабженныхъ уже въ Новгородѣ славянскими надписями (20—21).

За то ворота, называемыя Сигтунскими, по всей вѣроятности привезены не изъ Швеціи, а изъ Корсуня; они тоже двустворчатыя, бронзовыя, съ золотой насѣчкой, изображающей только декоративный орнаментъ въ видѣ „процвѣтшаго креста“ (22). Въ Псковѣ тоже есть ворота въ такомъ родѣ—это желѣзныя врата Никольской Единовѣрческой церкви, но тамъ они относятся къ значительно болѣе позднему времени; они украшены мѣдными досками съ насѣчкой, здѣсь видимъ библейскія сцены и очень красивый витіеватый орнаментъ, окружающій ихъ рамкой. Изъ другихъ достопримѣчательностей Новгородскихъ храмовъ можно отмѣтить царскія врата Нередицкой церкви; они деревянныя чудной, тонкой рѣзьбы (23).

ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ. (Табл. XXXIX).

Говоря о домашней утвари нашихъ отдаленныхъ предковъ, приходилось довольствоваться очень немногими предметами, сохранившимися до нашихъ дней, и въ значительной степени пополнять недостающее описаніями. Вопросъ о церковной утвари стоитъ на гораздо болѣе прочной почвѣ, такъ какъ изъ нея уцѣлѣло довольно много предметовъ, по которымъ мы можемъ составить болѣе или менѣе вѣрное представленіе о церковной обстановкѣ.

Такъ были найдены въ Кіевѣ потиръ и дискосъ, къ несчастію въ настоящее время утерянные. Вскорѣ по нахожденіи ихъ, съ нихъ были сняты точные рисунки, одинъ изъ которыхъ помѣщенъ на таблицѣ (рис. 1). По нимъ, а также и по описаніямъ видно, что эти сосуды представляли собой древнѣйшіе и рѣдкіе по красотѣ образцы чеканнаго русскаго искусства. Потиръ былъ серебряный, съ четырьмя рельефными медальонами; на нихъ изображены Спаситель, Іоаннъ Предтеча, Іоаннъ Богословъ и Божія Матерь. По краю сосуда идетъ славянская надпись, ясно указывающая на русское происхожденіе потира. Это подтверждаетъ и неправильно сдѣланный свитокъ въ рукѣ Іоанна: византіецъ-мастеръ лучше зналъ эту форму, нежели славянинъ. Дискосъ имѣлъ видъ плоскаго блюдца безъ подножки. На немъ находилось изображеніе Божіей Матери и славянская надпись. Очень красивъ также серебряный потиръ собора Переяславля Залѣсскаго, формой напоминающій только что описанный кіевскій, но съ граненымъ подставомъ и болѣе плоской чашей (2). На немъ находятся шесть медальоновъ съ изображеніями Спасителя, Богородицы, Предтечи, двухъ

ангеловъ по сторонамъ и св. Георгія. По своей работѣ этотъ потиръ представляетъ произведеніе еще болѣе совершенное, нежели кіевскій и, подобно послѣднему, является тоже издѣліемъ русскаго мастера. Въ немъ поражаетъ тонкость рисунка, благородство типовъ. То обстоятельство, что на немъ изображенъ св. Георгій, заставляетъ предполагать, не былъ ли онъ сдѣланъ при Андреѣ Боголюбскомъ, который, закончивъ постройку Успенскаго собора во Владимірѣ, начатую его отцомъ Юріемъ, сдѣлалъ большой вкладъ въ ризницу. Это подтверждаетъ то, что позже, въ теченіе 50 лѣтъ, въ Владиміро-Суздальской Руси не было князей этого имени. Самъ сосудъ прекрасно выдержанъ въ стилѣ XII в. Многочисленные и цѣнные сосуды содержитъ ризница Софійскаго собора въ Новгородѣ; особенно интересны въ ней два одинаковые *кратиры*—чаши для Богоявленской воды—серебряные, чеканные, съ рельефными изображеніями Спасителя, Богоматери, ап. Петра и св. Анастасіи на одномъ и св. Варвары на другомъ и надписями—„Господи помозѣ рабу твоему Флорови, братину сею дѣлалъ“ (3). Они употреблялись для храненія святой воды. Въ древней церкви въ большомъ распространеніи были глиняные или мѣдные сосуды для воды, которымъ придавали форму животнаго—оленя, козла и т. д., они назывались *акваманилами* (4).

Особый интересъ представляютъ такъ называемые *сіоны*—или *Іерусалимы*, серебряныя модели храма, построеннаго на мѣстѣ гроба Господня въ Іерусалимѣ; Іерусалимы имѣлись только въ главныхъ соборахъ въ городахъ, имѣвшихъ первенствующее значеніе—въ Кіевѣ, Новгородѣ, Владимірѣ, а впослѣдствіи въ Москвѣ; они хранились на престолѣ и выносились при торжественныхъ богослуженіяхъ во время Великаго Выхода, а также и при крестныхъ ходахъ, служа напоминаніемъ о Голгофѣ и крестныхъ страданіяхъ. Въ Новгородской ризницѣ сохранилось два такихъ сіона, относящихся къ XII в.—XIII в.; оба они серебряные и на такихъ же блюдахъ, и состоятъ изъ шести колонокъ, поддерживающихъ куполъ съ крестомъ, и шести двустворчатыхъ дверокъ, съ чеканными фигурами 12 апостоловъ. Верхняя часть дверныхъ арокъ заполнена красивымъ ажурнымъ плетеніемъ (5). Большой интересъ представляетъ сохранившаяся въ Новгородскомъ Антоніевскомъ монастырѣ лжица (6); она серебряная, вызолоченая, съ рѣзнымъ изображеніемъ распятія. Ноги Спасителя прибиты однимъ гвоздемъ, крестъ держитъ Богъ Отецъ, на груди у него—Духъ Святой въ видѣ голубя. Все въ этой лжицѣ указываетъ на западно-европейское ея происхожденіе. Конечно, среди древней церковной утвари важное мѣсто нужно отвести различнымъ крестамъ. На первое мѣсто, по древности, нужно поставить крестъ, хранящійся въ Спасскомъ монастырѣ, въ Полоцкѣ, пожертвованный этому монастырю кн. Евфросиніей Полоцкой. Онъ сдѣланъ въ 1161 г. русскимъ мастеромъ, на что указываетъ надпись на немъ, и представляетъ собой одно изъ лучшихъ произведеній этой эпохи. Онъ покрытъ золотыми и серебряными листами и украшенъ драгоцѣнными камнями и образками святыхъ, выполненными перегородчатой эмалью. По обычаю того времени, въ этотъ крестъ вдѣланы частицы мощей, въ центрѣ же его—частица древа Креста Господня (7). Не менѣе интересенъ крестъ Успенскаго собора во Владимірѣ, покрытый серебряными листами, съ непрерывнымъ рисункомъ въ видѣ вѣтви аканта. Весь крестъ относится къ XIII в., но въ XV в. съ лицевой стороны на него были набиты грубые медальоны съ изображеніями Распятія и Апостоловъ, такъ что теперь только оборотная сторона сохранила первоначальный видъ (8). Изъ большихъ крестовъ особый интересъ представляетъ крестъ, найденный недавно около Десятинной церкви въ Кіевѣ, въ братской могилѣ, куда очевидно сложили тѣла погибшихъ при татарскомъ нашествіи—тамъ же лежалъ большихъ размѣровъ крестъ, четырехконечный, съ расширяющимися концами и овальнымъ образкомъ св. Ѳеодора въ центрѣ, онъ не очень хорошо сохранился, искривленъ, но все же видна тонкая, византійская работа (9). Ранѣе онъ, вѣроятно, стоялъ въ Десятинной церкви. Болѣе сложной формы сохранился крестъ въ Новгородѣ, середины XIV в.; расширяясь, концы его соединяются между собой въ общій сложный рисунокъ.

Освѣщались храмы, какъ и въ настоящее время, восковыми свѣчами, которыя не вставлялись въ подсвѣчники, а надѣвались на острія—такихъ подсвѣчниковъ сохранилось не мало до нашихъ дней, при чемъ нѣкоторые изъ нихъ красиво орнаментированы фигурками стилизованныхъ животныхъ. Кромѣ отдѣльныхъ подсвѣчниковъ, были и цѣлыя паникадилы, большею частью, судя по найденнымъ, имѣвшія видъ металлическаго круга, украшеннаго ажурной рѣзьбой, съ отдѣльными остріями для насаживанія свѣчей (10). Передъ образами, какъ и теперь, зажигались лампады, которыя иногда дѣлались очень красивыми въ видѣ металлическихъ ажурныхъ стаканчиковъ (11).

Какъ и въ наше время, въ древности существовали роскошно сдѣланные золотые и серебряные оклады на Евангеліяхъ—такъ было украшено Евангеліе, написанное въ началѣ XII в. по повелѣнію Новгородскаго князя Мстислава. На немъ есть надпись о томъ, что по порученію князя тіунъ его, Наславъ, возилъ Евангеліе въ Царьградъ и тамъ на него былъ сдѣланъ драгоцѣнный окладъ, цѣну которому „одинъ Богъ знаетъ". Этотъ первоначальный окладъ погибъ и въ XVI в. былъ замѣненъ новымъ. Но въ этотъ новый окладъ изъ серебряной вызолоченной скани были вставлены медальоны, украшавшіе старый окладъ; какъ видимъ, почти всѣ они различной величины и достоинства работы. Два продолговатыхъ медальона, изображающіе двухъ апостоловъ, относятся еще къ X в., пять квадратныхъ дощечекъ—къ XI в. и шесть заостренныхъ кіотцевъ—къ XII в. в. Такимъ образомъ, очевидно, окладъ этотъ пополнялся и передѣлывался неоднократно (12).

Что касается облаченія духовенства, то конечно отъ самыхъ первыхъ временъ христіанства не сохранилось предметовъ священныхъ одеждъ, но къ XIV в. относятся иллюстраціи Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, къ которымъ мы уже не разъ обращались; на нѣсколькихъ картинкахъ мы видимъ духовенство,—юныхъ діаконовъ въ стихаряхъ съ широкими рукавами, и съ длинными узкими орарями, видимо другой матеріи; священника въ фелонѣ изъ мягкой ткани, съ длинной епитрахилью; епископа въ фелонѣ (а не саккосѣ), съ крещатымъ омофоромъ (Табл. XXII, 9 и 10), а на одной картинкѣ и митрополита въ кругломъ бѣломъ клобукѣ (XXII, 4). Въ нѣкоторыхъ ризницахъ, особенно въ Новгородѣ, сохранились старинныя ризы, XIII—XIV в. изъ мухояра (довольно грубая шерстяная матерія) и изъ стамета темныхъ цвѣтовъ, при чемъ, конечно, теперь трудно судить о первоначальномъ цвѣтѣ ихъ. Фелони дѣлались не совсѣмъ такъ, какъ теперь: передъ дѣлали гораздо длиннѣе, такъ что онъ пристегивался пуговками. Сохранились въ Новгородѣ наручни Варлаама Хутынскаго, шитыя серебромъ и золотомъ по бархату, а въ ризницѣ Софійскаго собора—архіепископская митра (13).

Описывая утварь церковную, нужно оговориться, что такою была она только въ церквяхъ большихъ городовъ, въ богатыхъ монастыряхъ; бѣдные сельскіе, да зачастую и городскіе храмы, прихожане которыхъ состояли изъ крестьянъ, и мелкихъ ремесленниковъ, конечно, не могли заводить ни богатыхъ золотыхъ и серебряныхъ сосудовъ, ни шитыхъ золотомъ облаченій. Не много осталось изъ утвари такихъ храмовъ, но этотъ недостатокъ восполняютъ многочисленныя письменныя данныя, говорящія о бѣдныхъ церквяхъ и обителяхъ, гдѣ не было даже свѣчей, а горѣли лучины, употреблялись оловянныя и деревянныя чаши, служили въ полотняныхъ и крашенинныхъ ризахъ...

ПИСЬМЕННОСТЬ. (Табл. XL—XLI).

До насъ не сохранилось никакихъ памятниковъ древнѣйшей письменности славянской до принятія христіанства, и мы можемъ только предполагать, что она уже существовала въ тѣ времена; на это указываетъ свидѣтельство Ибнъ Фадлана, что въ Булгарѣ славяне на мѣстѣ погребенія праха покойника поставили столбъ съ надписью. Но во всякомъ случаѣ этотъ вопросъ остается темнымъ. Письменность распространяется только съ принятіемъ христіанства и перенесеніемъ въ Русь славянской азбуки. Въ первыя времена грамотность была большою рѣдкостью и была достояніемъ немногихъ. Лѣтописецъ въ большую заслугу князьямъ ставитъ любовь къ книжному дѣлу; такъ лѣтописецъ хвалитъ Ярослава Мудраго за то, что онъ держалъ при дворѣ переводчиковъ и переписчиковъ книгъ. Но главными очагами, гдѣ переписывались книги, являлись монастыри, служившіе долгое время разсадниками просвѣщенія на Руси. Тамъ, въ тиши монастырскихъ келій, монахи занимались этимъ богоугоднымъ дѣломъ. Такимъ образомъ и древняя письменность, какъ и вообще вся древне-русская культура носила церковный характеръ, и первыя книги, написанныя на древне-славянскомъ языкѣ, были книги священныя. Древнѣйшимъ памятникомъ нашей письменности, сохранившимся до нашихъ временъ, является Остромірово Евангеліе, написанное въ 1056 г. діакономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остроміра. Къ XI в. относится и другой рѣдкій памятникъ письменности—такъ называемое Туровское Евангеліе, найденное

въ Туровѣ (рис. 1), а также Изборникъ Святослава, написанный въ 1073 г., и представляющій собою переведенный съ греческаго сборникъ статей богословскаго характера, съ добавленіемъ нѣкоторыхъ статей и свѣтскаго характера.

Писались книги на толстомъ пергаментѣ, гусинымъ перомъ. Относясь съ любовью и тщаніемъ къ своему дѣлу, переписчикъ выводилъ старательно каждую букву, крупно и четко, ставя ее почти прямо; такое письмо называется *уставомъ* (рис. 1). Заглавныя и первыя буквы абзаца обыкновенно отмѣчали красною краскою киноварью, или другими цвѣтами, и вырисовывали ихъ особенно тщательно (2—13).

Любовное отношеніе къ рукописи сказывается въ томъ большомъ количествѣ лицевыхъ или иллюстрированныхъ рукописей, которыя относятся къ древнѣйшей порѣ; эти рисунки представляютъ громадный интересъ: иллюстрируя такимъ образомъ даже книгу священнаго содержанія, художникъ былъ гораздо менѣе стѣсненъ въ своемъ творчествѣ, нежели при росписи стѣнъ храма или при иконописаніи, такъ какъ тутъ традиція была несравненно слабѣе, и нельзя было заранѣе, такъ сказать, поставить рамки для художественнаго вдохновенія. Иллюстрируя текстъ, художникъ могъ вносить множество аксессуаровъ, деталей бытового характера, которые являются теперь для насъ чрезвычайно важнымъ свидѣтельствомъ. Всматриваясь въ миніатюры, мы видимъ и другое явленіе: тогда какъ въ древнѣйшихъ памятникахъ художникъ слѣпо слѣдовалъ византійскимъ образцамъ, въ болѣе позднихъ мы видимъ уже болѣе самобытности, болѣе деталей мѣстнаго характера.

Древнѣйшимъ лицевымъ памятникомъ письменности является то же Остромірово Евангеліе. Здѣсь были помѣщены три отдѣльныя картины — Евангелисты Іоаннъ, Маркъ и Лука; четвертый листъ, предназначенный для евангелиста Матѳея, остался незаполненнымъ. Судя по манерѣ письма, видно, что всѣ три картины исполнены различными мастерами. Приводимая картина представляетъ апостола Марка, сидящаго за писаніемъ и протягивающаго руки ко льву (символъ, съ которымъ всегда изображается этотъ апостолъ) (14). Въ этихъ миніатюрахъ обращаетъ вниманіе слѣдующая черта—всѣ контуры обведены золотомъ, точно художникъ хотѣлъ подражать техникѣ перегородчатой эмали. Это обыкновенный способъ, примѣнявшійся въ Византіи въ цѣнныхъ изданіяхъ и заимствованный ею съ востока, равно какъ и золотое поле миніатюръ.

Еще большій интересъ представляютъ иллюстраціи Изборника Святослава: здѣсь находится первое портретное произведеніе древней Руси—изображеніе князя съ его семействомъ (см. XXIII табл.). Другія четыре иллюстраціи того же Изборника представляютъ сонмъ святыхъ, окруженныхъ пестрой орнаментальной рамкой (т. XLI, 15).

Особый интересъ представляютъ миніатюры Сказанія о святыхъ кн. Борисѣ и Глѣбѣ, дошедшаго до нашего времени только въ рукописи XIV в.; въ настоящее время установлено, что нѣкоторыя миніатюры этой рукописи, видимо, взяты изъ болѣе древней рукописи Сказанія. Эти миніатюры представляютъ огромный интересъ: мы видимъ здѣсь картины быта князей, дружинниковъ, дома, храмы, ладьи и т. д., и все это гораздо лучше, чѣмъ текстъ, знакомятъ насъ съ обстановкой древне-русской жизни, и мы не разъ уже прибѣгали къ помощи этихъ миніатюръ (XX, XXII, XXIII, XXVI, XXVIII).

Не менѣе интересны разнаго рода орнаментальныя заставки, концовки, виньетки, а также и витіеватыя заглавныя буквы—и если миніатюры даютъ болѣе или менѣе цѣнныя картины быта древней Руси, то эти небольшія художественныя украшенія являются произведеніями, въ которыхъ выразилась пылкая, ничѣмъ не связанная фантазія художника (16—17); мы видимъ здѣсь фантастическихъ звѣрей, чудовищъ, плетенку, изъ которой неожиданно вылѣзаютъ головы звѣрей, человѣческія лица, маски, видимъ райскихъ птицъ, цѣлыя сцены то комическія, то трогательныя. Мы видимъ здѣсь балканскихъ славянъ съ ихъ плетенками, Византію съ ея сиринами и грифонами, и арабскій востокъ съ его чарующимъ глазъ арабескомъ и звѣринымъ орнаментомъ—длинными лентами, которыя, перевиваясь тысячи разъ, неожиданно заканчиваются головкой и лапами звѣря, но все это уже переработано и сливается въ нѣчто новое, свѣжее и прекрасное, въ то новое, что живетъ до сихъ поръ въ орнаментаціи московскихъ церквей, въ пѣтушкахъ и гребешкахъ сѣверно-русской деревянной рѣзьбы, въ нашихъ простыхъ деревенскихъ вышивкахъ, въ то новое, что мы всѣ увѣренно называемъ „русскимъ“ стилемъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ:

(здѣсь указывается важнѣйшая литература, которой пользовался авторъ при составленіи атласа, а также сочиненія, доступныя ученику. Такія изданія отмѣчены курсивомъ).

I таблица. ПАЛЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА.

Рисунки 2 и 12—взяты изъ Трудовъ X Арх. Съѣзда; 13, 14, 18—24—Нидерле: Человѣчество въ доисторическія времена, СПБ. 1905, остальныя—съ фотографій В. В. Хвойка.

II таблица. НЕОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА:

Рисунки 2, 4, 13—20—Нидерле, 1—Гр. Уваровъ, Археологія Россіи, 3—Грушевскій. Иллюстрированная исторія украины. 6, 7, 21—23—Древности Поднѣпровья изд. Ханенко, вып. I; 5—Булычевъ, Арх. изслѣдованія въ области водораздѣла Оки и Волги; 8, 10, 25—Аспелинъ, Les antiquitées finno ongriennes, 9, 10 и 24—фотографіи.

III таблица. ТРИПОЛЬСКАЯ КУЛЬТУРА.

Всѣ рисунки съ фотографій В. В. Хвойка.

IV таблица. БРОНЗОВАЯ КУЛЬТУРА.

Рисунки 1—Нидерле, 2, 3, 9, 11, 12, 16, 23—Древности Поднѣпровья; вып. I, 4, 6, 7, 10, 13—15, 17—21 и 25—Аспелинъ; 5—фотографія; 22—Гр. Уваровъ. Сборникъ мелкихъ трудовъ, т. II.

Литература къ этимъ таблицамъ, кромѣ указанныхъ книгъ: Городцовъ, Первобытная археологія, М. 1908. *Полевой. Очерки русской исторіи въ памятникахъ быта, т. I.* Данилевичъ. Курсъ русскихъ древностей, изд. слушательницъ. К. 1907. Армашевскій и Антоновичъ. Публичныя лекціи по археологіи и исторіи. К. 1897. Городцовъ. Результаты арх. изслѣдов. въ Изюмск. уѣздѣ. (Труды XII Арх. Съѣзда), Антоновичъ. О каменномъ вѣкѣ въ западной Волыни, (Тр. XI Арх. Съѣзда). Его-же. О пещерахъ каменнаго вѣка на средн. Днѣпрѣ. (Тр. IV Арх. Съѣзда). Хвойка. Каменный вѣкъ средняго Приднѣпровья. (Тр. XI Арх. Съѣзда). Фонъ-Штернъ. Доисторическая греческая культура на югѣ Россіи (Тр. XIII Арх. Съѣзда). Хвойка. Раскопки въ области трипольской культуры. 1901 г. (Зап. отд. русск. яз. и слов. И. А. Ѳ. т. V). *Дебьеръ. Первобытные люди.* СПБ. 1908. *С. Веселовскій. Доисторическая археологія.* СПБ. 1905. *Ранке. Доисторическая жизнь человѣчества.* М. 1901. *Швальбе. Доисторическій человѣкъ.*

V таблица. ДРЕВНОСТИ КАВКАЗА.

Рисунки всѣ взяты изъ книги Граф. Уваровой: Матеріалы по археологіи Кавказа, т. VIII.

Литература: Нидерле, Данилевичъ, Курсъ; Городцовъ. В. В. Антоновичъ. О раскопкахъ на Кавказѣ. (Тр. V. Арх. Съѣзда).

VI таблица. ДРЕВНОСТИ СРЕДНЕЙ АЗІИ.

Рисунки всѣ изъ книги Гр. Толстого и Кондакова, *Русскія древности въ памятникахъ искусства,* вып. V.

Литература: Городцовъ, Нидерле, Данилевичъ, Радловъ. Сибирскія древности. (Мат. по Арх. Россіи).

VII таблица. ГРЕЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Рисунки: I—5, 7—9—11, 20 и 22—*Русскія древности* вып. I и II; 7, 12, 13, 19 и 21 Древности Поднѣпровья, вып. II и VI; 16—18 Извѣстія Имп. Арх. Коммиссіи, вып. 13, 8 и 17; 14—15—фотографіи.

Литература: Нидерле, Городцовъ, Бытовая археологія, М. 1910. *Кулаковскій. Прошлое Тавриды. К. 1907. Его-же. Греческіе города на Черноморскомъ побережьи.* (Книга для чтенія по русской исторіи, подъ ред. Довнаръ-Запольскаго, изд. I, томъ I). *Багалѣй. Русская исторія,* вып. I.

Таблица VIII. СКИѲСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Рисунки 1, 2, 9, 10, 16, 18, 20—23 *Русскія древности* вып. I—II; 3—8; 11, 12, 14, 15, 17 и 19 Древн. Поднѣпр. вып. II, III и VI; 13 Изв. Имп. Арх. Коммис. вып. 17.

Литература: Нидерле. Городцавъ. Быт. арх. *Багалѣй,* Бобринскій. Курганы и случайныя раскопки возлѣ Смѣлы. Забѣлинъ. Исторія русской жизни. том. I. Его же Скиѳскія могилы, (Древности. изд. М. Арх. Общ). Его же Древняя Скиѳія въ ея могилахъ. М. 1876. Лаппо-Данилевскій. Скиѳскія древности. СПБ. 1887. *Довнаръ-Запольскій. Скиѳскія могилы.* (Книга для чтенія по русской исторіи, т. I.). Грушевскій. Кіевская Русь. т. I. *Полевой. Очерки р. исторіи,* I. Соловьевъ. Исторія Россіи. томъ I.

IX таблица. ГОТСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Рисунки: 1—4, 6—8, 10—13 и 16 Древности Поднѣпровья, вып. IV и VI; 14—15 Русскія древности вып. III; 5 и 9 Булычевъ. Журналъ раскопокъ по части водораздѣла притоковъ Оки и Волги.

Литература: Нидерле. Городцовъ. Быт. арх.; Изв. Имп. Арх. Ком. вып. 19.

X таблица ФИНСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Рисунки: 1—5, 10—12, 15—16, 18—20, 22—29. Матеріалы по археологіи Россіи. №№ 18, 20 и 25; 6—9, 14 и 17 Русск. древн., вып. V; 13 и 21 Аспелинъ.

Литература: Инцерле. Городцовъ. Быт. арх. Его же. Древнее населеніе Рязанской области. Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ 1908 кн. 4. *Полевой,* т. I. *Багалѣй,* т. I. Гр. Уваровъ. Меряне и бытъ. (Тр. I. арх. с.) Довнаръ-Запольскій. Исторія русскаго народнаго хозяйства, т. I. *Смирновъ. Финны.* (Русск. ист. въ очеркахъ и статьяхъ, подъ ред. Довнаръ-Запольскаго т. I.).

XI таблица. ЛИТОВСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Рисунки: 1—4, 6, 7, 9—14 Матеріалы по арх. Россіи, №№ 14 и 15; 5 и 8—Русскія древн. вып. V.

Литература: *Погодинъ. Литовцы.* (Русск. ист. въ оч. и статъяхъ т. I.). *Антоновичъ. Очерки по исторіи княжества литовскаго.* Погодинъ. Изъ древнѣйшей исторіи литовскаго племени. (Сборникъ статей по арх. и этнограф. СПБ. 1902).

XII таблица. ДРЕВНОСТИ БОЛГАРЪ.

Рисунки: 9, 13—17 Аспелинъ; 3—8, 10—12 Русск. древн. вып. V; 2 *Полевой.* т. I; 1 фотографія.

Литература: *Смирновъ. Булгары.* (Русск. ист. въ очерк. и ст. т. I.). *Багалѣй; Русск. исторія* вып. I. Шпилевскій. Древніе города и другіе болгарско-татарскіе памятники въ Казанской губ. Лихачевъ. Бытовые памятники Великой Болгаріи. (Тр. II арх. съѣзда). Ашмаринъ. Чуваши и болгары.

XIII таблица. ХАЗАРСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Рисунки изъ Труд. XII Арх. Съѣзда.

Литература: Городцовъ. Голубовскій. Печенѣги, торки и половцы К. 1884. *Его же. Хазарское царство.* (Русск. ист. въ оч. и ст. т. I.). Гр. Уварова. Могильники сѣв Кавказа. Покровскій. Верхне-Салтовскій могильникъ. (Тр. XII арх. съѣзда). Бабенко. Древне-Салтовскіе Придонецкіе окраины Россіи. (Тамъ же). Макаренко. Отчетъ объ арх. изслѣдованіяхъ въ Харьк. и Воронежск. губ. (Изв. Имп. Арх. Ком. вып. 19).

XIV таблица. КОЧЕВНИЧЕСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Рисунки: 7 Русск. древн. вып. V; 1—6, 8—11 Древне-Поднѣпр,, вып. IV; 12 и 13 Аспелинъ.

Литература: Голубовскій. Печенѣги, торки и половцы. Городцовъ. Веселовскій. Каменныя бабы. СПБ. 1905. *Полонская. Степняки.* (Русск. ист. въ очерк. и стат. т. I.).

XV таблица. ДРЕВНОСТИ ХЕРСОНЕСА.

Рисунки: 1—2 Айналовъ. Древности христіанскаго Херсонеса, вып. I. 3 Голубинскій. Археологическій Атласъ (Исторія русской церкви). 11 Кондаковъ. Русскіе клады, 12 Грушевскій. Иллюстрированная исторія Украины; 4—10, 13 и 14 фотографіи.

Литература: Верманъ, Исторія искусствъ, т. II. *Байэ. Исторія искусствъ.* Русск. древн. вып. IV, V и VI. Завитневичъ. О культурномъ вліяніи Византіи на бытъ русскихъ славянъ курганнаго періода. (Тр. XII Арх. Съѣзда). Довнаръ-Запольскій. Исторія русскаго народнаго хозяйства. Иконниковъ. Опытъ изслѣдованія о культ. значеніи Византіи въ р. ист. (3). *Яцимирскій. Византія и ея вліяніе на Русь.* (Русск. исторія въ оч. и ст. т. I.).

XVI таблица. ДРЕВНОСТИ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНІЯ.

Рисунки: 1—5, 7—11 и 13—18 Древн. Поднѣпр. вып. IV и VI 6 и 12 Фотографія.

Литература: Городцовъ. Хвойка. Поля погребеній въ среднемъ Приднѣпровьи. СПБ. 1901. Булычевъ. Журналъ раск. по части водораздѣла притоковъ Оки и Волги.

XVII таблица. ДРЕВНОСТИ КУРГАННАГО ПЕРІОДА.

Рисунки: 1—8, 11—18, 24—27 Древн. Поднѣпр. вып. IV, V и VI. 9, 10, 19, 21—23 Русск. древн. V. 28 Грушевскій Илл. Ист. Укр. 20—фотографія.

Литература: Довнаръ-Запольскій. Истор. нар. хоз. т. I. Багалѣй. Завитневичъ. Культ. вл. Византіи на русск. слав. кург. пер. (Тр. XII Арх. съѣзда). Его же. Изъ арх. экскурсіи въ припетское полѣсье. Его же. Вторая арх. экск. въ прип. полѣсье. Сизовъ. Курганы Смоленской губ. (Мат. по арх. Россіи, № 28). Мельникъ. Раскопки въ землѣ лучанъ. (Тр. XI Арх. Съѣзда). Гамченко. Раскопки въ Радомысльск. уѣздѣ. (Тамъ же). Антоновичъ. Древности Юго-Зап. края (Матер. по арх. Россіи, № 11. *Его же. Черты быта славянъ по кург. раскопкамъ.* (Русск. ист. въ оч. и ст.). Городцовъ. Древнее населеніе Ряз. области. (Изв. отд. р. яз. и слов. Имп. Ак. наукъ. 1908. кн. 4.). *Шамбинаго. Очеркъ быта древне-русскихъ славянъ.* (Русск. ист. въ оч. и ст., т. I.). *Бѣляшевскій. Какъ я раскапывалъ курганы.* (Тамъ же). *Полевой.* вып. II. Иловайскій. Исторія Россіи. т. I. Соловьевъ, т. I. Самоквасовъ. Сѣверскіе курганы и ихъ значеніе для исторіи. (Тр. III Арх. С.).

XVIII и XIX таблицы. УКРѢПЛЕНІЯ И ГОРОДА.

Рисунки: 1—4 и 6, фотографіи. 7—8—Бранденбургъ, Старая Ладога. 5 Старая гравюра.

Литература: *Полевой, II.* Иловайскій, т. I. *Новицкій. Исторія русскаго искусства,* т. I. Петровъ. Историко-топографическіе очерки Кіева. Лясковонскій. Городища, курганы и длинные валы по теченію Псла и Ворсклы. (Тр. XII Арх. С.). Его-же: Городища въ бассейнѣ Сулы. (Тр. XI Арх. Съѣзда) Антоновичъ, о валахъ на территоріи древняго Кіевскаго княжества. (Тр. IV Арх. Съѣзда). Добровольскій. Зміевы валы вблизи Кіева. (Чтен. въ Общ. Нестора Лѣтоп., XXI, кн. I—II части). Ильинскій. О реставраціи золотыхъ воротъ во Владимірѣ. (Тр. Влад. учен. арх. ком. кн. X). Стеллецкій. Бѣлгородка. Полонская. Раскопки въ мѣст. Бѣлгородкѣ (Тр. Предв. Ком. XV Арх. Съѣзда).

XX таблица. ЖИЛИЩА.

Рисунки: 1—3 и 7 *Полевой,* ч. II. 4, 5, 8—10. Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскаго. 6. Грабарь, Исторія русскаго искусства, изд. Кнебель, т. I. 11—14. Древн. Поднѣпр., вып. V и VI. 15 фотографія.

XXI таблица. ПОСУДА.

Рисунки: 1. 3. Труды XI Арх. Съѣзда; 8—15. Древн. Поднѣпр. вып. V, VI; 2. Булычевъ. Журн. раск. 4 и 7. Русск. древн. вып. V; 5, 6а и 6б—Древняя и Новая Россія, 1876 г., томъ I.

XXII и XXIII таблица. ОДЕЖДЫ.

Рисунки: 1, 2, 4. 9 и 10—Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ, изд. Срезневскаго. 3. Грушевскій, Ил. ист. Укр. 5—6 и 12 Кондаковъ. Изображенія княж. семьи; 8 и 12 Кондаковъ. Клады; 13—Батюшковъ, Волынь.

XXIV—XXV таблица. УКРАШЕНІЕ.

Рисунки: 1, 9, 13, 17—Древн. Поднѣпр. вып. V и VI; 2, 12 и 20—Рус. древн. вып. V; 3—8, 10, 14, 15, 21, 24, 26—28 и 30—Кондаковъ, Клады; 11. Опись Оружейной Палаты; 16—18 фотографіи, 29—Древности, томъ V. 19. Сборникъ снимковъ съ предметовъ древности, вып. II. К. 1891 г.

XXVI и XXVII таблица. ВООРУЖЕНІЕ.

Рисунки: 1—3. Сказ. о св, Бор. и Гл.; 4—6, 8—15—Древн. Поднѣпр. вып. V; 7 и 23—Опись Оружейной Палаты. 18—Грушевскій Ил. ист. Укр.; 21 и 23—Рус. Древн. вып. VI.

XXVIII таблица. СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНІЯ.

Рисунки: 1—5—Сказаніе о св. Бор. и Гл.: 6. фотографія.

Литература къ послѣднимъ девяти таблицамъ: Иловайскій. Исторія Россіи, т. I. *Багалѣй,* т. I. Соловьевъ, т. I. Довнаръ-Запольскій. Ист. нар. хоз. т. I. *Новицкій. Исторія русскаго искусства,* т. I. Полонская. Раск. въ Бѣлг. (Тр. Пред. Ком. XV Арх. Съѣзда). I. Котляревскій. Скандинавскій корабль на Руси (Древности, т. X.).

XXIX таблица. ОРУДІЯ ПРОИЗВОДСТВА.

Рисунки: 1, 4—Древн. Приднѣпр. вып. V; 2, 3, 13—16. Кондаковъ, Клады; 6—5—Житіе св. Сергія. 6, 7, 8—12—фотографіи. 17—Труды XI Арх. Съѣзда.

Литература: Довнаръ-Запольскій. Ист. р. нар. хоз. т. I. *Его-же. Очеркъ экономическаго быта древней Руси.* (Русск. ист. въ очерк. и ст. т. I). Аристовъ. Промышленность древней Руси. *Лабунскій. Промыслы древней Руси. Багалѣй,* т I. Забѣлинъ. О металлич. производствѣ въ Россіи до XVIII в. (Зап. Импер. Арх. Общ. томъ V). Его же. Историческое обозрѣніе финифтянаго и цениннаго дѣла въ Россіи. (Тамъ же т. VI). Хмыровъ. Металлы и металлическія издѣлія. Завитневичъ. Культ. вл. Византіи на бытъ р. славянъ. (Тр. XII Арх. Съѣзда). Полонская. Раск. въ Бѣлгор. (Тр. Предв. Ком. XV Арх. Съѣзда).

XXX таблица. МОНЕТА.

Рисунки: 1, 2, 8 и 9. Грушевскій. Иллюстр. ист. Укр. 3, 4, 14. фотографіи. 6—7 Русск. древн. вып. IV. 10—13—Древн. Поднѣпр. вып. V и VI.

Литература: Довнаръ-Запольскій. Ист. нар. хоз. т. I. Трутовскій. Что такое ногата, М. 1911. Его же. Русскія мѣховыя цѣнности. М. 1911. Святловскій. Примитивныя деньги. (Народное Хозяйство 1900). Прозоровскій. Монета и вѣсъ въ Россіи. Его же. О кунныхъ цѣнностяхъ (Сборн. Арх. Института т. III). Черепнинъ. О гривенной системѣ. (Тр. Моск. Нумизмат. Общ. т. II и въ Трудахъ XI Арх. Съѣзда). Мрочекъ-Дроздовскій. Опытъ изслѣдованія источниковъ по вопросу о деньгахъ. Р. Правды. Орѣшниковъ, Русскія монеты до 1540 г. Импер. Русск. Ист. Музей. Болсуновскій. Русскія монетныя гривны. (Археол. Лѣтоп. Южн. Р. 1903 г.).

XXXI—XXXIII таблица. ЦЕРКВИ КІЕВСКОЙ РУСИ.

Рисунки: 13, 14, 22—26 и 31. Русск. древн., вып. IV; 8. Батюшковъ, Бѣлоруссія и Литва. 5, 6, 30 и 33. Грабарь Ист. русск. иск. т. I и V. 4 Тр. I Арх. Съѣзда. 16, 17, 18, 21, 27 и 28 Древности т. XI. 1, 15, 19, 20, 34 *Полевой т. II.* 35 Грушевскій Ил. ист. Укр. 11 Голубинскій Арх. атласъ. 9, 32. Новицкій; 29—Христіанскія древности. 2, 3, 7, 10—фотографіи.

Литература: *Новицкій, Ист. русск. иск., Байе, Ист. исскуствъ,* Павлиновъ, Ист. Русск. архитектуры. Лошкаревъ. Церковно-археологическіе очерки. К. 1898. Сусловъ. Очерки исторіи древне-русскаго зодчества. СПБ. 1889 г. Успенскій. Очерки русскаго искусства. М. 1910 *Айналовъ. Искусство Кіевской Руси.* (Русская исторія подъ ред. Довнаръ-Запольскаго, т. I). Павлуцкій. Древнѣйшіе храмы Кіева и Чернигова, (Исторія Русск. иск. подъ ред. Грабаря, т. I). Его же: Эволюція визанг. формъ въ Кіево-Черниг. Руси. (Тамъ же). Его же; Храмы Чернигова. (Тр. XIV Арх. Съѣзда). Петровъ. Историко-топографическіе очерки Кіева. Сементовскій. Древнѣйшая въ Россіи церковь Спаса на Берестовѣ. Лебединцевъ. О св. Софіи Кіевской. (Тр. III Арх. Съѣзда). *Полонская. Церковныя древности Кіева.* (Вѣстникъ Знанія 1912 г., приложеніе).

XXXIV—XXXV таблица. ЦЕРКВИ ВЛАДИМІРО-СУЗДАЛЬСКОЙ РУСИ.

Рисунки: 1, 2, 4 и 10. Грабарь, Ист. русск. иск. т. I. 3, 6, 7, 9, 14 и 16 фотографіи. 5 Русск. древн. вып. VI. 11, 12 и 13 Тр. Влад. учен. арх. Комм. 8 и 15. *Полевой,* вып. II.

Литература: *Новицкій. Байэ. Георгіевскій. Иск. Владиміра.* (Русск. ист. въ оч. и ст. подъ ред. Довнаръ-Запольскаго, т. I.). Гр. Строгановъ. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. 1849. Гр. Уваровъ. Взглядъ на архитектуру XII в. въUżd. княжествѣ. (Тр. I арх. съѣзда). Артлебенъ. Общій обзоръ памятниковъ зодчества древней Суздальской области. 1880. Бережковъ. О храмахъ Владиміро-Суздальскаго княжества (Тр. Влад. Арх. уч. Комм. кн. I.).

XXXVI—XXXVIII таблица. ЦЕРКВИ НОВГОРОДА И ПСКОВА.

Рисунки: 1, 4, 6, 7, 10, 11, 13 Грабарь. Ист. русск, т. I. 2, 3, 5, 8, 9, 12, 13, 23, 24, фотографіи. 18—22, 26—36. Русск. древн. вып. VI. 14. Житіе Св. Сергія Радон. 15 Сусловъ. Очерки по ист. русск. иск. 16. Олеарій. Путешествіе по Московіи. 25. Полевой. Очерки, т. II.

Литература: Новицкій. Успенскій, Оч. русск. иск. Бранденбургъ. Старая Ладога. Щусевъ и Покровскій. Св. Софія и начало самобытности. (Ист. русск. иск. подъ ред. Грабаря т. I.). Тѣхъ-же авторовъ. Расцвѣтъ Новгородскаго зодчества. (Тамъ-же). И. Грабарь. Упрощенный типъ храма. (Тамъ же). Его же. Древнѣйшіе храмы Новгорода. (Тамъ же). Его же. Поздн. Новг. церкви. (Тамъ же). Его же. Особенности Новг. церк. зодчества. (Тамъ же) Его же. Церковное зодчество Пскова (Тамъ же). *Павлуцкій. Краткій очеркъ Новг. и Моск. архитектуры.* (Русск.

ист. въ оч. и ст. т. III.). Сусловъ. Матеріалы къ исторіи древней Новгор. и Пск. архитектуры. Архим. Макарій. Описаніе церковныхъ древностей Новгород. Павлиновъ. Ист. русск. арх. Покрышкинъ. Отчетъ о ремонтѣ Спасо-Нередицкой церкви. Покровскій. Памятники христ. архитектуры. Окуличъ-Казариновъ. Путеводитель по Пскову. Анисимовъ. Реставрація фресокъ въ церкви св. Федора Стратилата въ Новгородѣ. (Старые Годы 1911 г. II.). Сусловъ. Церковь Успенія Богородицы въ Волотовѣ. (Тр. Предв. Комит. XV Арх. Съѣзда). Павлиновъ. Спасо-Мирожскій монастырь во Псковѣ. (Древности т. III.). Прохоровъ. Христіанскія древности.

XXXIX таблица. ЦЕРКОВНАЯ УТВАРЬ.

Рисунки: 2, 8, 12 Русск. Древн. вып. VI. 10, 11, 14; Древн. Поднѣпр., вып. I; 4 Кондаковъ. Клады. 7 Батюшковъ. Бѣлоруссія и Литва. 6. Новицкій. 3, 5, 9, 13 фотографіи.

Литература: *Новицкій*. т. I, Покровскій. Новгор. Іерусалимы или Сіоны. Анисимовъ. Церков. старина на выставкѣ XV Арх. Съѣзда въ Новгородѣ. (Старые Годы 1912 г. окт.).

XL и XLI таблица. ПИСЬМЕННОСТЬ.

Рисунки: 1. Туровское Евангеліе. 2 и 14 Остромирово Евангеліе. 15 Изборникъ Святослава. 3—7, 13 и 16 Успенскій Очерки по ист. р. иск. 17. Христіанскія древности. 8—12 Новицкій. т. I.

Литература: Карцовъ. Изъ лекцій по славянской палеографіи. Соболевскій. Славяно-русская палеографія. Стасовъ. Славянскій и восточный орнаментъ по рукописямъ. Буслаевъ. Рецензія на послѣдн. книгу. Журн. Мин. Нар. Просв. 1884 г. Успенскій. Очерки по исторіи русскаго искусства. *Перетцъ. Образованность.* (Русск. ист. въ оч. и ст. том. I). Титовъ. Очерки по исторіи русскаго книгописанія и книгопечатанія (Искусство и печатное дѣло, 1910).

XLII таблица. КУРГАНЫ И ГОРОДИЩА.

Рисунки: 1. Русск. Древн., вып. II. Нидерле, 6 и 7 Русск. ист. въ оч. и ст. т. I. 5. 10 и 11. Полевой, вып. II. 3 и 4. Мат. по арх. Россіи № 20. 8 и 9 съ рисунка Ф. А. Колодѣй.

Литература указана въ примѣчаніяхъ къ соотвѣтствующимъ таблицамъ.

1. Отбивное орудіе. 2. Каменный топоръ (здѣсь представленъ топоръ неолитической, а не палеолитической культуры, какъ образецъ прикрѣпленія камня къ рукояткѣ). 3—5. Скребки. 6—7. Ножи. 8. Пила. 9—11. Наконечники. 12. Палица. 13—14. Гарпуны. 15—16. Бивни мамонта съ орнаментомъ. 17. Рисунокъ, украшающій бивень. 18. Просверленный коготь. 19—21. Костяныя иглы.

1. Неолитическая пещера. 2. Свайная постройка. 3. Зернотерка. 4. Ткацкій станокъ. 5—6. Топоры. 7—8. Молоты. 9. Мотыка. 10. Долото. 11—12. Наконечники копій. 13—17. Наконечники стрѣлъ. 18. Грузило. 19—20. Пряслицы. 21—23. Глиняные сосуды. 24. Таблица постепеннаго развитія орнаментовъ. 25. Каменное орудіе—изображеніе звѣря.

1. Видъ „площадки“. 2—9. Глиняные сосуды. 10. Роспись сосуда. 11—13. Статуэтки изъ глины.
14. Глиняный крестикъ.

1. Формочка для отливки кельта. 2. Долото. 3. Кельтъ. 4. Кельтъ. 5. Топоръ. 6 и 7. Мотыки. 8. Ножъ. 9. Кинжалъ. 10. Мечъ. 11 и 12. Наконечники копій. 13, 14 и 15. Наконечники стрѣлъ. 16. Серпъ. 17. Коса. 18, 19 и 20. Бронзовые котлы. 21. Фибула. 22. Браслетъ. 23. Ножной браслетъ. 24. Булавка. 25. Плита съ изображеніемъ человѣка.

1. Налокотникъ. 2. Браслетъ. 3, 4 и 5. Фибулы. 6. Подвѣска. 7. Подвѣска-конекъ. 8. Подвѣска. 9—10. Пряжки съ пояса. 11. Спиралька для волосъ. 12—13. Булавки. 14а—14б. Серьги. 15. Топорикъ. 16. Кинжалъ. 17. Наконечникъ стрѣлы. 18. Зеркальце. 19. Сосудъ. 20. Двойной сосудъ.

1. Золотая пластинка—борьба. 2. Золотой орелъ. 3. Золотой олень. 4. Золотая платинка—фантастическая птица. 5. Золотая пластинка—сцена охоты. 6. Золотая пластинка—отдыхающій охотникъ. 7—8. Золотыя пластинки съ головного убора. 9. Діадема Новочеркасскаго клада. 10. Золотой флакончикъ Новочеркасскаго клада.

1. Внутренность катакомбы. 2—3. Росписи катакомбъ. 4. Вѣнецъ. 5. Діадема. 6—7. Серьги. 8. Подвѣска. 9. Ожерелье. 10. Браслетъ. 11. Перстень. 12. Кольцо. 13. Статуэтка. 14—15. Слезницы. 16. Амфора. 17—18. Сосуды. 19. Мисочка. 20. Ритонъ. 21. Сосудъ. 22. Лампочка. 23. Сосудъ.

1. Обрядъ побратимства. 2. Фризъ Кульобской вазы. 3. Золотой верхъ царской шапки. 4—5. Бляшки. 6. Ожерелье. 7—8. Серьги. 9. Подвѣска. 10. Концы гривны. 11—12. Наконечники стрѣлъ. 13. Кинжалъ. 14. Топоръ. 15. Наконечникъ копья. 16. Украшеніе ноженъ. 17. Бунчукъ. 18. Украшеніе налучья. 19. Украшеніе удилъ. 20. Котелъ. 21. Чертомлыкская ваза. 22. Кульобская ваза. 23. Фризъ Чертомлыкской вазы.

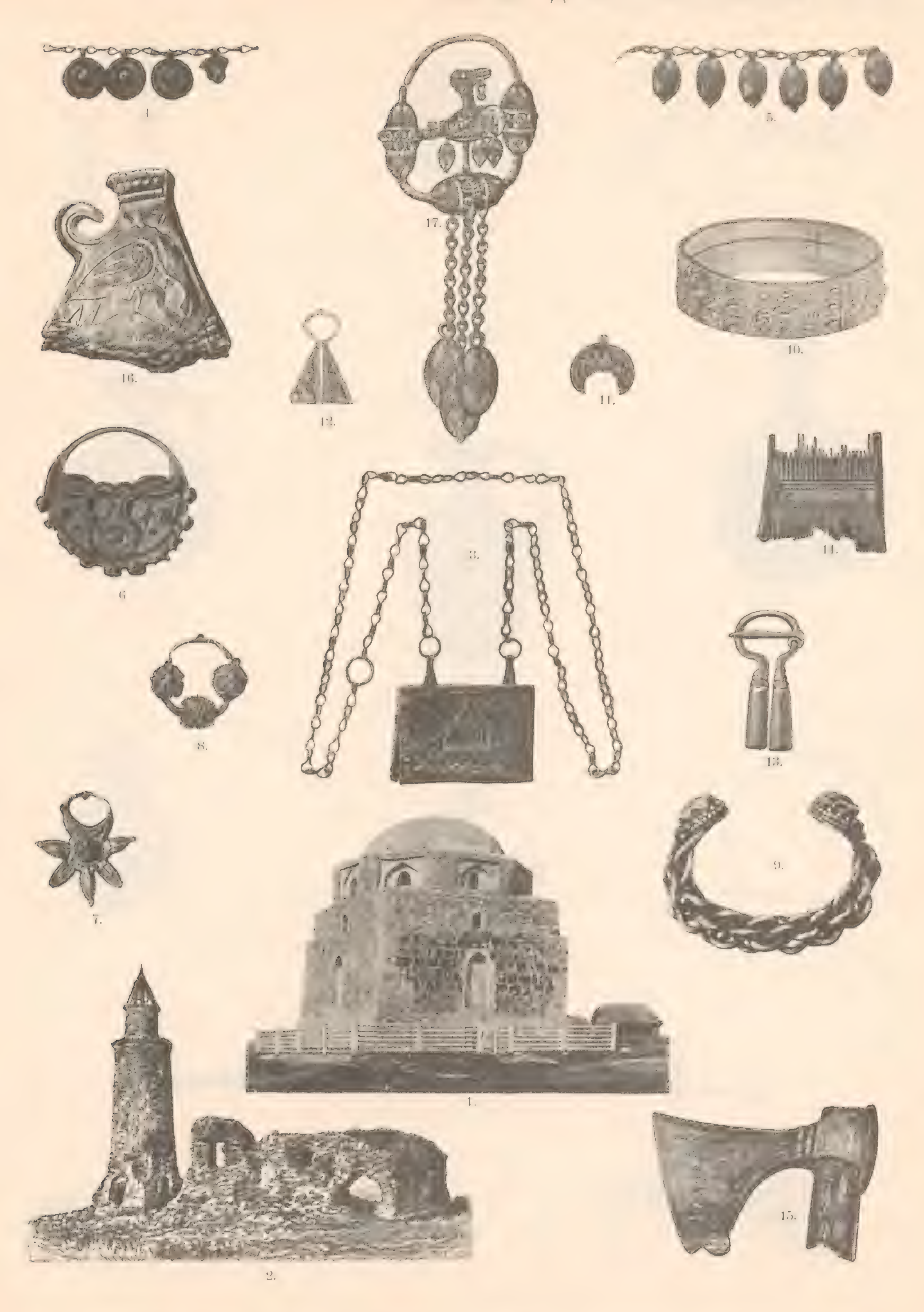
1, 2 и 4. Фибула. 5. Пряжка. 3, 6, 7 и 8. Подвѣски. 9. Браслетъ. 10—11. Серьги. 12. Ожерелье. 13. Топоръ. 14—15. Принадлежности конскаго убора. 16. Котелъ. 17. Зеркало.

1. Ремень съ обуви. 2. Украшеніе обуви. 3—4. Подвѣски съ подола. 5. Подвѣска съ косы. 6. Головная повязка. 7. Шпилька. 8, 9, 10 и 12. Подвѣски. 11. Подвѣска съ гривны. 13. Ожерелье. 14. Калита. 15, 16 и 17. Пряжки. 18, 19 и 20. Фибулы. 21. Височное кольцо. 22—23. Серьги. 24. Браслетъ. 25. Кольцо. 26. Чудской образокъ. 27. Топоръ. 28. Мечъ. 29. Наконечникъ стрѣлы.

1. Кольчужная ткань. 2. Остатокъ рукава. 3. Поясъ. 4—5. Подвѣски. 6. Ножъ. 7. Цѣпочки-подвѣски. 8. Гривна. 9—10. Фибулы. 11. Кольцо. 12—13. Головные уборы. 14. Гребешокъ.

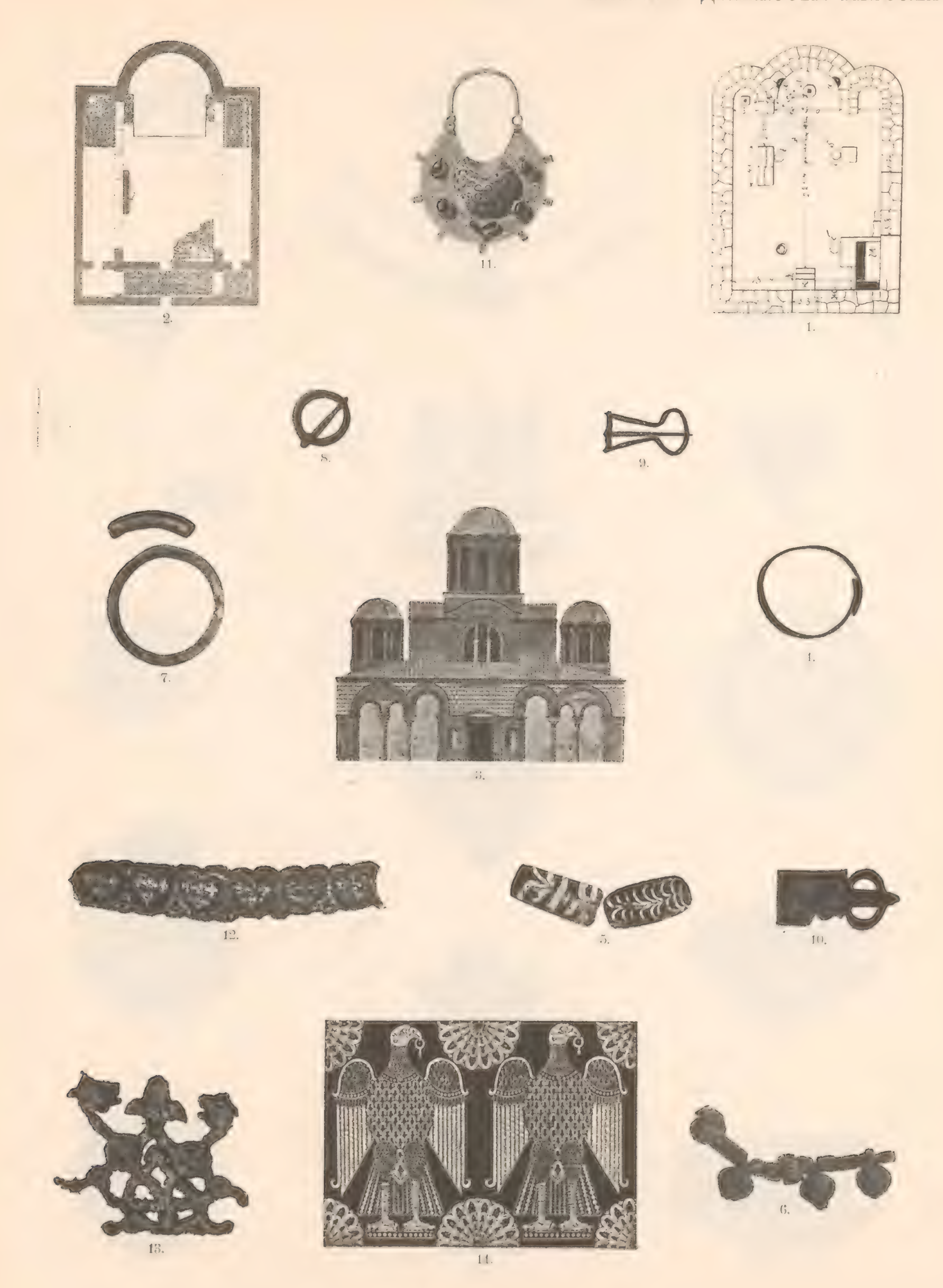
1—2. Развалины мечетей. 3. Канторга. 4—5. Ожерелья. 6, 7 и 8. Серьги. 9—10. Браслеты. 11. Лунница. 12. Сюльгамъ 13. Пряжка. 14. Гребешокъ. 15—16. Топоры. 17. Ушная подвѣска.

1—3. Сосуды. 4—5. Топоры. 6. Палица. 7. Сабля. 8 и 14. Подвѣски. 9—10. Серьги. 11. Браслетъ. 12. Ожерелье. 13. Зеркало.

1. Сабля. 2—3. Наконечники стрѣлъ. 4—5. Кольчуга и шлемъ съ металлической маской, закрывающей лицо. 6—7. Серьги. 8—9. Подвѣски. 10—11. Фибулы. 13—14. Каменныя бабы.

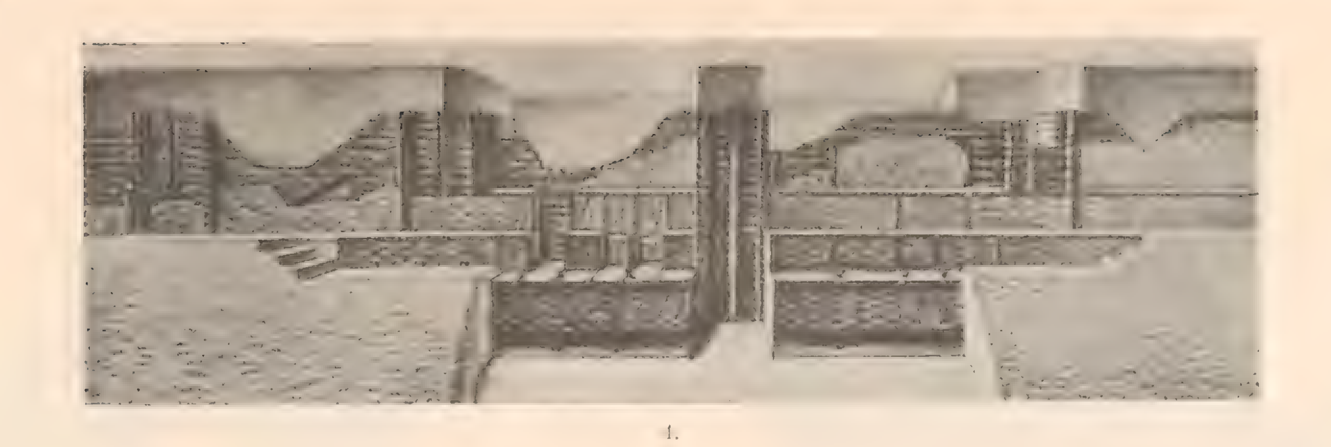
1—2. Планъ церквей. 3. Храмъ св. Вардія. 4. Височное кольцо. 5—6. Бусы. 7. Стеклянный браслетъ.
8, 9 и 10. Пряжки. 11. Колтъ. 12, 13 и 14. Образцы парчи.

1—5, 7 и 8. Сосуды. 6. Черепокъ съ орнаментомъ. 9—10. Бусы. 11. Просверленная раковина. 12, 13 и 14. Фибулы. 15. Пряжка. 16—17. Подвѣски (не типичны для полей погребеній, но одновременны съ ними). 18. Гребешокъ.

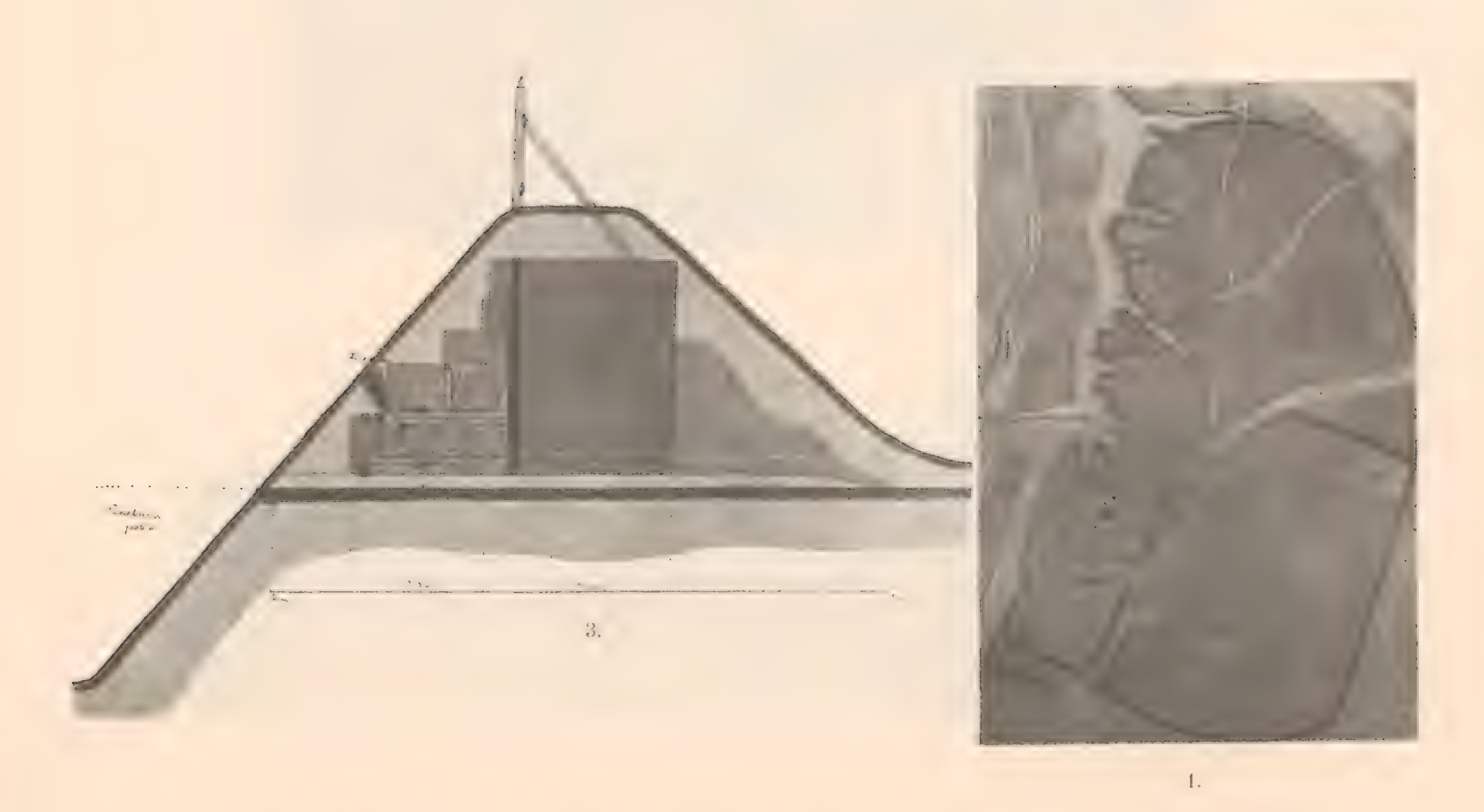
1—2. Височныя кольца. 3. Подвѣскъ. 4—5. Головные вѣнчики. 6. Повязка со скобочками. 7—11. Серьги. 12—14. Гривны. 15—16. Бусы. 17. Подвѣски. 18. Скобочки. 19. Бляшка. 20. Ожерелье съ диргемомъ. 21. Луница. 22. Канторга. 23. Бляшка съ подвѣсками. 24. Фибула. 25. Пряжка. 26. Браслетъ. 27. Стеклянный браслетъ. 28. Пуговки. 29. Предполагаемый уборъ славянской женщины.

4.

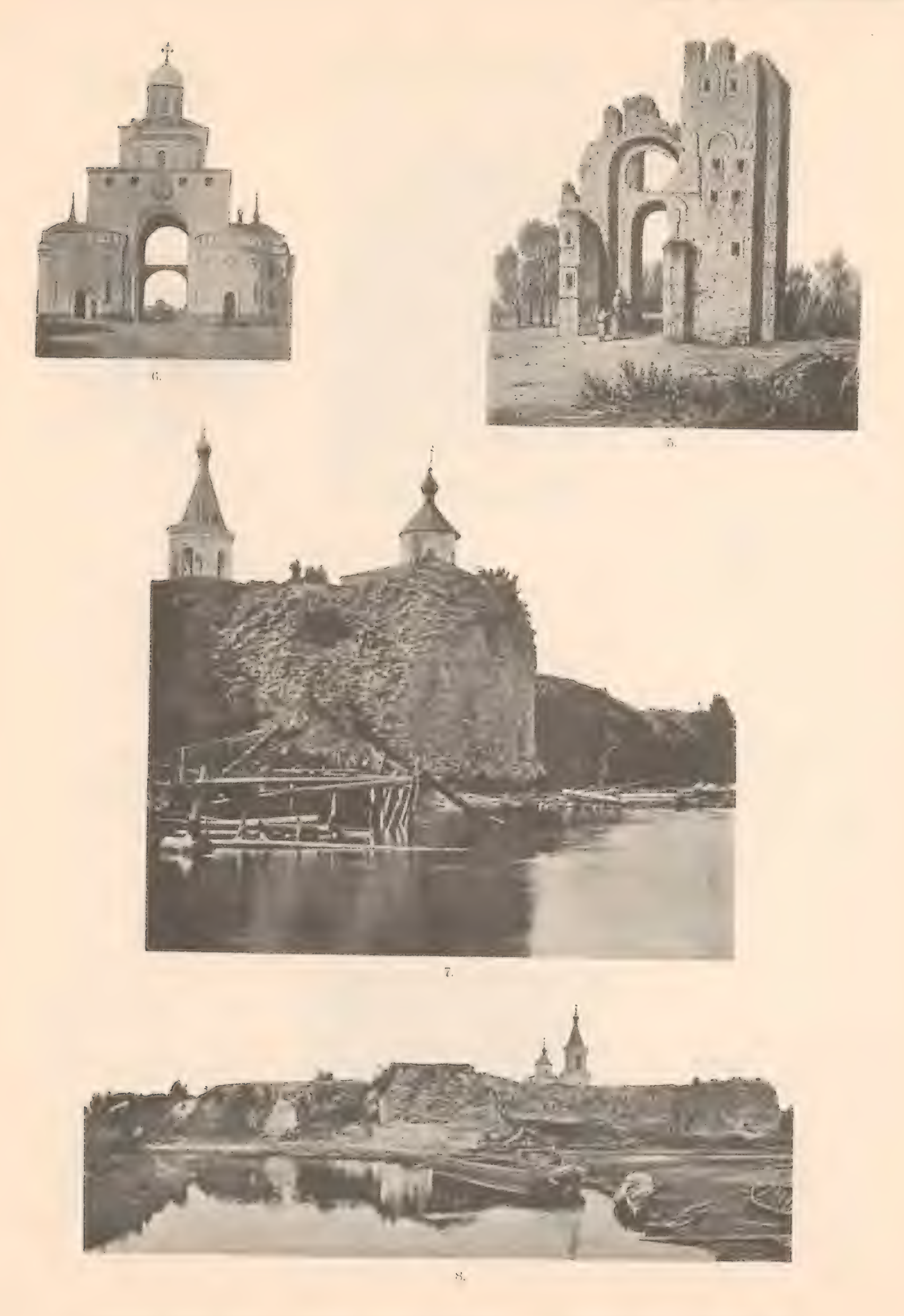
2.

3.

1.

1. Планъ городища и дѣтинца. (Древняго г. Бѣлгорода, теперь села Бѣлгородки Кіевск. уѣзда). 2. Въѣздъ въ дѣтинецъ (тамъ же). 3. Поперечный разрѣзъ вала (тамъ же). 4. Продольный разрѣзъ вала (снимокъ съ модели Бѣлгородскаго вала).

5. Золотыя ворота въ Кіевѣ. 6. Золотыя ворота во Владимірѣ. 7 и 8. Виды крѣпости въ Старой Ладогѣ.

1, 2 и 3. Жилища даковъ на Трояновой колоннѣ. 4—5. Княжескіе терема, по рисункамъ „Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ“. 6. Часть терема Андрея Боголюбскаго. 7. Лѣстница того же терема. 8. Скамья. 9. Столъ. 10. Стулъ. 11—12. Замокъ и ключъ. 13—15. Подсвѣчники.

1. Деревянное ведро. 2, 3 и 15. Глиняные сосуды. 4. Лампочка. 5. Турій рогъ. 6а и 6б. Оправы турьихъ роговъ. 7. Яшмовая чаша. 8—12. Стеклянные сосуды. 13. Герметически закупоренный сосудикъ. 14. Чашка.

1—2. Изображеніе простолюдиновъ. 3. Изображеніе семейства Ярослава въ Софійскомъ соборѣ въ Кіевѣ. 4. Князь и митрополитъ со свитой. 5—6. Кн. Ярополкъ Голицкій и кн. Ирина. 7. Кн. Ярославъ Новгородскій (фреска церкви Спаса Неред.). 8. Кн. Ольга и ея свита. 9. Епископъ. 10. Священникъ и діаконъ.

13.

12

14.

11.

11. Владиміръ св. (Сказаніе о св. Борисѣ и Глѣбѣ). 12. Кн. Ярополкъ Владиміро-Волынскій и Галицкій и кн. Ирина (Трирская псалтирь). 13. Кн. Святославъ съ семействомъ (Изборникъ Святослава). 14. Колтъ изъ рязанскаго клада съ изображеніемъ св. Бориса.

1. Діадемы. 2—3. Колты. 4, 6 и 30. Серьги. 7. Буса. 8. Сіоникъ. 9. Крины. 10. Цѣпь. 11. Медальонъ. 12. Бляшка съ подвѣсками. 13—15. Браслеты. 16—17. Перстни. 18—19. Энколпіоны. 20. Змѣевикъ.

21. Діадема. 22 а и 22 б. Лицевая и оборотная сторона колта. 23, 24, 35 и 36. Колты. 25 и 26. Цѣпи. 27. Медальонъ рязанскихъ бармъ. 29 Медальонъ рязанскихъ бармъ. 30 и 31. Образки. 32 и 33. Медальоны кіевскихъ бармъ.

1, 2, 3 и 12. Воины. 4. Кольчуга. 5. Золотая бляшка съ панцыря. 6—7, Шлемы. 8. Бляшка съ шлема. 9. Наконечникъ копья. 10—11. Топоры. 12, 14 и 15. Наконечники стрѣлъ. 16—18. Мечи. 19. Перначъ. 20. Гиря.

21. Шлемъ Ярослава Всеволодовича. 22. Топорикъ. 23. Шапка Мономаха.

1. Всадники. 2. Сани. 3. Телѣга. 4. Шатеръ. 5. Насадъ. 6. Камень съ крестомъ и надписью на р. Двинѣ.

1. Трезубецъ. 2—3. Пряслицы. 4. Ножницы. 5. Соха. 6—7. Гончарныя печи. 8—10. Поливныя плитки. 11. Тигль. 12—15. Формочки для отливки серегъ и бусъ. 16. Вѣсы. 17. Разновѣсъ. (гирька къ вѣсамъ).

1. Арабскій диргемъ. 2. Византійскій солидъ. 3—4. Рѣзаные диргемы. 5, 6 и 7. Монеты Владиміра св. 8. Монета Святополка. 9. Монета Ярослава. 10. Гривна Кіевская. 11—12. Гривны Черниговскія. 13—14. Гривны Новгородскія.

1. Стѣна Десятинной церкви (въ наст. время не существуетъ). 2. Древняя восточная стѣна Софійскаго собора. 3. Восточная стѣна церкви Михайловскаго монастыря. 4. Стѣна Троицкой церкви надъ св. Вратами въ Лаврѣ. 5. Преображенскій соборъ въ Черниговѣ. 6. Церковь св. Василія въ Овручѣ. 7. Свирская Мих. Арх. церковь въ Смоленскѣ. 8. Церковь св. Бориса и Глѣба въ Гродно. 9. Планъ Преображенскаго собора въ Черниговѣ XI в. 10. Планъ Бѣлгородскаго храма XII в. 11. Предполагаемый видъ Софійскаго собора.

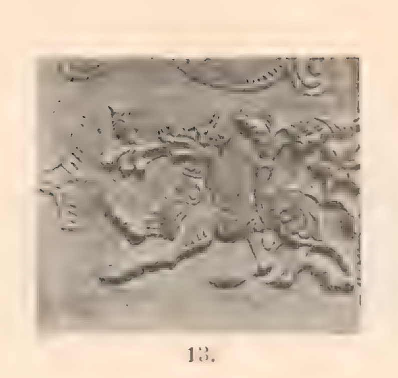
12. Общій видъ алтаря Софійскаго собора. 13—14. Изображеніе Тайной Вечери Соф. собора. 15. Изображеніе Божіей Матери Соф. собора. 16. Евангелистъ Маркъ (тамъ же). 17. Образъ Спасителя въ куполѣ (тамъ же). 18. Архангелъ (тамъ же). 19—20. Изображеніе Благовѣщенія на двухъ столбахъ (тамъ же). 21. Изображеніе Тайной Вечери въ соборѣ Михайловскаго монастыря.

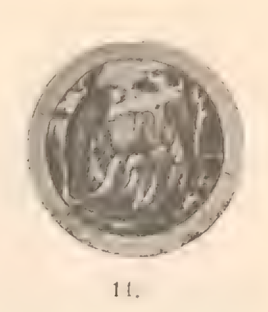
22. Введеніе во храмъ (фреска Соф. собора). 23. Мученіе св. Георгія (тоже). 24. Жертвоприношеніе Авраама (тоже). 25—26. Фрески, украшающія лѣстницы вежъ виз. императоръ съ дворомъ и цирковыя игры и охота. 27—28. Фрески изъ жизни св. Кирилла (въ Кирилловской церкви). 29. Орнамент. фреска Соф. соб. 30. Капитель Борисо-Глѣбскаго собора въ Черниговѣ. 31. Плита изъ Соф. соб. 32. Алтарная преграда. 33. Плита изъ Михайловскаго монастыря. 34. Гробница Ярослава въ Соф. соборѣ. 35. Гробница изъ Десятинной церкви.

1. Планъ церкви Покрова на Нерлѣ. 2. Церковь Переяславля Залѣсскаго. 3. Успенскій соборъ во Владимірѣ. 4. Церковь Покрова на Нерлѣ. 5. Деталь настѣнныхъ украшеній той же церкви. 6. Дмитріевскій соборъ во Владимірѣ. 7. Стѣна Дмитріевскаго собора. 8. Деталь настѣнныхъ украшеній того же собора. 9. Порталъ Дмитріевскаго собора.

13.

16.

14.

15.

12.

11.

10.

10. Соборъ въ Юрьевѣ-Польскомъ. 11. Орнаментація стѣны того же собора. 12. Порталъ того же собора. 13. Деталь настѣнныхъ украшеній того же собора. 14. Фреска „души праведныхъ въ рукѣ Божіей“ въ Усп. соборѣ. 15. Фреска Дмитр. собора—шествіе святыхъ въ рай. 16. Изображеніе рая. Фреска того же собора.

Табл. XXXVI. ЦЕРКВИ НОВГОРОДА и ПСКОВА.

1. Софійскій соборъ. 2. Николо-Дворищенскій соборъ. 3. Георгіевскій соборъ. 4. Церковь Благовѣщенія близъ Мячина. 5. Церковь Спаса на Нередицѣ. 6. Церковь св. Николая на Липнѣ. 7. Планъ этой церкви. 8. Церковь Спаса Преображенія на Торговой сторонѣ. 9. „Обыденная" церковь св. Андрея Стратилата. 10. Церковь Іоанновскаго монастыря въ Псковѣ. 11. Церковь Василія Великаго въ Псковѣ. 12. Церковь св. Мины въ Старой Руссѣ

13. Кресть на стѣнѣ Софійскаго собора. 14. Било. 15. Било въ видѣ доски. 16. Примитивная звонница. 17. Звонница Соф. собора въ Новгородѣ. 18. Мозаика Соф. собора. 19. „Корсунскія" врата Соф. собора. 20 и 21. Детали тѣхъ же вратъ. 22. Сигтунскіе врата Соф. собора. 23. Царскія врата церкви Спаса на Нередицѣ.

24. Изображеніе Спасителя въ куполѣ Соф. собора. 25. Фреска того же собора. 26. Св. Георгій, фреска церкви св. Георгія въ Старой Ладогѣ. 27. Апостолы. 28. Образъ Спасителя „ветхаго денми“. 29. Божія Матерь. 30 и 31. Святители. 32 и 33. Страшный судъ (27—33—фрески церкви Спаса на Нередицѣ). 34. Крещеніе. 35. Воскресеніе (34 и 36—фрески Спасо-Мирожскаго монастыря въ Псковѣ).

1. Потиръ изъ Кіевскаго клада. 2. Потиръ изъ соб. Переяславля Залѣсскаго. 3. Кратиръ изъ Соф. собора въ Новгородѣ. 4. Акваманилъ. 5. Сіонъ Соф. собора въ Новгородѣ. 6. Лжица Ант. монастыря въ Новгородѣ. 7. Крестъ Евфросиніи Полоцкой. 8. Крестъ Успенскаго соб. во Владимірѣ. 9. Крестъ изъ братской могилы у Десятинной церкви въ Кіевѣ. 10. Паникадило. 11. Лампада. 12. Окладъ Мстиславова Евангелія. 13. Митра Соф. собора въ Новгородѣ. 14. Лжица.

1. Текстъ Туровскаго Евангелія XI в. 2. Буква изъ Остромірова Евангелія XI в. 3—7. Буквы изъ Синод. Евангелія XII в. 8—12. Буквы изъ Академ. Евангелія. 13, 16 и 18. Заставки изъ Хлудовской Новгор. псалтыри XIII в. 17. Иллюстрація изъ книги Василія Великаго „о постничествѣ“ XIV в.

14

15.

14. Иллюстрація изъ Остромірова Евангелія: евангелистъ Маркъ. 15. Иллюстрація изъ Изборника Святослава.

Табл. XLII (дополнительная). ВИДЫ КУРГАНОВЪ и ГОРОДИЩЪ.

3.

10.

2.

11.

7.

6.

8.

4.

9.

1.

5.

1. Скиѳскій курганъ. 2. Планъ Кульобскаго кургана. 3. Финскіе курганы. 4. Разрѣзъ финскаго кургана. 5. Курганъ „Черная могила“ близъ Чернигова. 6. Разрѣзъ славянскаго кургана. 7. Погребеніе славянск. кургана. 8 и 9. Видъ городища. 10 и 11. Планъ городищъ.

